

Валентина Осеева
Рассказы, сказки, стихи

Осеева Валентина
Рассказы, сказки, стихи

Валентина Александровна ОСЕЕВА
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ
Том 2
(выборочно)

СОДЕРЖАНИЕ:

РАССКАЗЫ

ОТЦОВСКАЯ КУРТКА

Рыжий кот

Бабка

Выходной день Вольки

Отцовская куртка

Татьяна Петровна

У костра

Андрейка

Почему?

В классе

Новички

Кочерыжка

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Синие листья

На катке

Отомстила

Плохо

Волшебное слово

Сыновья

Случай

Просто старушка

Девочка с куклой

Долг

Время

Просто так

Навестила

Перышко

Рекс и Кекс

Строитель

Своими руками

Три товарища

Хорошее

Все вместе

Вырванный лист

Простое дело

Труд согревает

"Разделите так, как делили работу..."

В лагере

Папа-тракторист
Чего нельзя, того нельзя
Бабушка и внучка
Три сына
Танины достижения
Сторож
Пуговица
Печенье
Обидчики
Новая игрушка
Лекарство
Кто наказал его?
Картинки
Кто хозяин?
Проделки белки
Что легче?
Подарок
До первого дождя
Мечтатель
Веселая елка
СКАЗКИ
Заячья шапка
Добрая хозяйюшка
Болтушки
Какой день?
Кто всех глупее?
Волшебная иголочка
СТИХИ
Утро
Загадка
Первый снег
Веселые деньки
Маленький цыпленок на большой земле
Бедный ежик
В гости к ягодам
Хороший гусь
Куриный разговор
В золотом колечке
Колыбельная песенка
Ежинка
Тили-бом! (Песенка)
Озорной дождик
Два коня
Гостья
Удивительный дом
Кудлатка
Строителям
Важные коровы
Весенний дождик
Комментарии

О Т Ц О В С К А Я К У Р Т К А
РЫЖИЙ КОТ

Под окном раздался короткий свист. Прыгая через три ступеньки, Сережа выскочил в темный сад.

- Левка, ты?

В кустах сирени что-то копошилось.

- Иди сюда! Живо! - позвал голос.

Сережа подбежал к товарищу.

- Чего? - спросил он шепотом.

Левка обеими руками прижимал к земле что-то большое, завернутое в пальто.

- Здоровый, как черт! Не удержу никак!

Из-под пальто высунулся пушистый рыжий хвост.

- Поймал? - ахнул Сережа.

- Прямо за хвост! Он как заорет! Я думал - все выбегут.

- Голову, голову заверни ему получше!

Мальчики присели на корточки.

- А куда мы его денем? - забеспокоился Сережа.

- Чего - куда? Отдадим кому-нибудь, и баста! Он красивый, его каждый возьмет.

Кот жалобно замыкал.

- Бежим! А то увидят нас с ним...

Левка прижал к груди сверток и, пригибаясь к земле, помчался к калитке.

Сережа бросился за ним.

На освещенной улице оба остановились.

- Давай привяжем тут где-нибудь, и все, - сказал Сережа.

- Нет. Тут близко. Она живо найдет. Пстой!

Левка раскрыл пальто и освободил желтую усатую мордочку. Кот зафыркал и замотал головой.

- Тетенька! Возьмите кошечку! Мышей ловить будет...

Женщина с корзинкой окинула мальчиков беглым взглядом:

- Куда его! Своя кошка надоела до смерти!

- Ну и ладно! - грубо сказал Левка. - Вон старушка идет по той стороне, пойдем к ней!

- Бабушка, бабушка! - закричал Сережа. - Подождите!

Старушка остановилась.

- Возьмите у нас котика! Хорошенький, рыженький! Мышей ловит!

- Да где он у вас? Этот, что ли?

- Ну да! Нам девать некуда... Папа с мамой держать не хотят... Возьмите себе, бабушка!

- Да куда ж я его возьму, голубчики мои! Он небось и жить не станет у меня... Кошка к дому своему привыкает...

- Ничего, станет, - уверяли мальчики, - он любит стареньких...

- Ишь ты, любит...

Старушка погладила мягкую шерстку. Кот выгнул спину, вцепился когтями в пальто и забился в руках.

- Ах ты батюшки! Замучился он у вас! Ну давайте, что ли, авось приживется.

Старушка распахнула шаль:

- Иди сюда, миленький, не бойся...

Кот яростно отбивался.

- Уж не знаю, донесу ли?

- Донесете! - весело крикнули мальчики. - До свиданья, бабушка.

* * *

Мальчики присели на крыльце, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Из окон первого этажа на дорожку, усыпанную песком, и на кусты сирени падал желтый свет.

- Дома ищет. По всем углам, верно, шарит, - толкнул товарища Левка.

Скрипнула дверь.

- Кис, кис, кис! - донеслось откуда-то из коридора.

Сережа фыркнул и зажал ладонью рот. Левка уткнулся ему в плечо.

- Мурлышка! Мурлышка!

Нижняя жиличка в стареньком платке с длинной бахромой, прихрамывая на одну ногу, показала на дорожке.

- Мурлышка, противный этакий! Мурлышка!

Она обвела глазами сад, раздвинула кусты.

- Кис, кис!

Хлопнула калитка. Под ногами заскрипел песок.

- Добрый вечер, Марья Павловна! Любимца ищете?

- Твой отец, - шепнул Левка и быстро шмыгнул в кусты.

"Папа!" - хотел крикнуть Сережа, но до него долетел взволнованный голос Марьи Павловны:

- Нет и нет. Как в воду канул! Он всегда вовремя приходил. Поцарапает лапочкой окно и ждет, пока я открою ему. Может, он в сарай забился, там дырка есть...

- Давайте посмотрим, - предложил Сережин папа. - Сейчас мы вашего беглеца обнаружим!

Сережа пожал плечами.

- Чудак папа. Очень нужно чужого кота ночью разыскивать!

Во дворе, около сараев, забегал круглый глазок электрического фонарика.

- Мурлышка, иди домой, кисонька!

- Ищи ветра в поле! - хихикнул из кустов Левка. - Вот потеха! Твоего отца искать заставила!

- Ну и пусть поищет! - рассердился вдруг Сережа. - Пойду спать.

- И я пойду, - сказал Левка.

* * *

Когда Сережа и Левка еще ходили в детский сад, в нижнюю квартиру приехали жильцы - мать и сын. Под окном повесили гамак. Каждое утро мать, низенькая, прихрамывающая старушка, выносила подушку и одеяло, стелила одеяло в гамаке, и тогда из дому, сгорбившись, выходил сын. На бледном молодом лице лежали ранние морщинки, из широких рукавов висели длинные, худые руки, а на плече сидел рыжий котенок. У котенка были три черточки на лбу, они придавали его кошачьей физиономии смешное озабоченное выражение. А когда он играл, правое ушко у него выворачивалось наизнанку. Больной тихо, отрывисто смеялся. Котенок забирался к нему на подушку и, свернувшись клубком, засыпал. Больной опускал тонкие, прозрачные веки. Мать неслышно двигалась, приготовляя ему лекарство. Соседи говорили:

- Как жаль! Такой молодой!

Осенью гамак опустел. Желтые листья кружились над ним, застревали в сетке, шуршали на дорожках. Марья Павловна, сгорбившись и тяжело волоча больную ногу, шла за гробом сына... В пустой комнате кричал рыжий котенок...

* * *

С тех пор Сережа и Левка подросли. Часто, забросив домой сумку с книгами, Левка появлялся на заборе. Кусты сирени закрывали его от окна Марьи Павловны. Засунув два пальца в рот, коротким свистом он вызывал Сережу. Старушка не мешала мальчикам играть в этом уголке сада. Они барахтались в траве, как два медвежонка. Она смотрела на них из окошка и перед дождем прятала брошенные на песке игрушки.

Как-то летом Левка, примостившись на заборе, помахал рукой Сереже.

- Смотри-ка... рогатка у меня. Сам сделал! Бьет без промаха!

Рогатку испробовали. Мелкие камешки запрыгали по железной крыше, прошумели в кустах, ударились о карниз. Рыжий кот сорвался с дерева и с шипеньем прыгнул в окошко.

Шерсть стояла дыбом на его выгнутой спине. Мальчики захохотали. Марья Павловна выглянула из окна.

- Это нехорошая игра - вы можете попасть в Мурлышку.

- Так что же, из-за вашего кота нам и поиграть нельзя? - дерзко спросил Левка.

Марья Павловна пристально посмотрела на него, взяла Мурлышку на руки, покачала головой и закрыла окно.

- Ишь, недотрога какая! Ловко я ее отбрил, - сказал Левка.

- Она небось обиделась, - отозвался Сережа.

- Ну и наплевать! Мне в водосточную трубу попасть хочется.

Левка прищурился. Камешек исчез в густой листве.

- Мимо! На, ты попробуй, - сказал он Сереже. - Прищурь один глаз.

Сережа выбрал камешек покрупнее и натянул резинку. Из окна Марьи Павловны со звоном посыпались стекла. Мальчики замерли. Сережа испуганно оглянулся по сторонам.

- Бежим! - шепнул Левка. - А то на нас скажут!

Утром пришел стекольщик и вставил новое стекло. А через несколько дней Марья Павловна подошла к ребятам:

- Кто из вас разбил стекло?

Сережа покраснел.

- Никто! - выскочил вперед Левка. - Само лопнуло!

- Неправда! Разбил Сережа. И ничего не сказал своему папе... А я ждала...

- Нашли дураков! - фыркнул Левка.

- Чего это я сам на себя пойду говорить? - пробурчал Сережа.

- Надо пойти и сказать правду, - серьезно сказала Марья Павловна. Разве ты трус?

- Я не трус! - вспыхнул Сережа. - Вы не имеете права так меня называть!

- А почему же ты не сказал? - пристально глядя на Сережу, спросила Марья Павловна.

- Отчего, да почему, да по какому случаю... - запел Левка. - Неохота разговаривать!

Пошли, Сережка!

Марья Павловна посмотрела им вслед.

- Один трус, а другой грубиян, - сказала она с сожалением.

- Ну и ябедничайте! - крикнули ей ребята.

Настали неприятные дни.

- Старуха обязательно пожалуется, - говорил Левка.

Мальчики поминутно вызывали друг друга и, прижав губы к круглой дырке в заборе, справлялись:

- Ну как? Влетело тебе?

- Нет еще... А тебе?

- И мне нет!

- Вот злющая какая! Она нарочно нас мучает, чтобы мы боялись больше. А если б про нее рассказать, как она нас обругала... Попало б ей на орехи! - шептал Левка.

- И чего она прицепилась за какое-то несчастное стекло? - возмущался Сережа.

- Вот подожди... я ей устрою штуку! Будет она знать...

Левка показал на мирно спящего за окном Мурлышку и зашептал что-то на ухо товарищу.

- Да, хорошо бы, - сказал Сережа.

Но кот дичился чужих людей и ни к кому не шел. Поэтому, когда Левке удалось его поймать, Сережа проникся уважением к товарищу.

"Вот ловкач!" - подумал он про себя.

* * *

Укрывшись с головой одеялом и освободив одно ухо, Сережа прислушивался к разговору родителей. Мать долго не ложилась спать, открывала окно, и, когда со двора доносился голос Марьи Павловны, она разводила руками и спрашивала отца:

- Как ты думаешь, Митя, куда он мог деться?

- Ну что я могу думать! - усмехнулся отец. - Пошел кот погулять, вот и все. А может, украл кто-нибудь? Есть такие подлецы...

Сережа похолодел: вдруг соседи видели их с Левкой?

- Не может быть, - решительно сказала мать, - на этой улице все знают Марию Павловну. Никто так не обидит старую, больную женщину...

- А ты вот что, - зевая, сказал отец, - если утром кот не найдется, отряди Сережу хорошенько поискать по соседним дворам. Ребята скорее найдут.

"Как бы не так..." - подумал Сережа.

* * *

Утром, когда Сережа пил чай, в кухне послышались громкие голоса. Жильцы обсуждали пропажу кота. Сквозь шум примусов слышно было, как соседка Эсфирь Яковлевна бегала из кухни в комнату и кричала своему мужу:

- Миша, почему ты не интересуешься чужим несчастьем? Я спрашиваю, где найти этого кота?

Старичок профессор, заложив за спину коротенькие пухлые руки, взволнованно шагнул по кухне.

- Пренеприятное событие... Невозможно оставаться равнодушным...

Сережа отхлебнул холодный чай и отодвинул чашку. "Все орут... и чего орут, сами не знают. Велика важность - кот! Если б еще служебная собака пропала..."

Из соседней комнаты вышла мать:

- Эсфирь Яковлевна! Вы не волнуйтесь, я сейчас отправлю Сережу на поиски.

- Ох, умоляю вас... ведь этот Мурлышка - чтоб он сгорел! - вся ее жизнь.

Сережа схватил тюбетейку и незаметно проскользнул мимо женщин.

"Вот тарарам подняли! Знал бы, не связывался, - с досадой подумал он. - А старуха тоже хороша! Расплакалась на весь двор!"

Его потянуло посмотреть на Марию Павловну.

Засунув руки в карманы и небрежно покачиваясь, он пошел по саду. Из-за забора выглянул Левка. Сережа подошел ближе.

- Слезай, - сказал он хмуро. - Наделал, дурак, шуму на весь двор.

- А что? Ищет она? - спросил Левка.

- Ищет... Всю ночь проплакала...

- Врешь! - усомнился Левка и сейчас же добавил: - А может, и правда?.. Ведь она знаешь как любила его...

- Я говорил, привязать за лапу только, а ты совсем отдал, дурак этакий!

- Эх ты! Испугался! - прищурился Левка. - А я вот ни чуточки!

- Идет, - тревожно шепнул Сережа.

Марья Павловна прыгающей, неровной походкой шла по дорожке. Серые волосы, связанные узлом на затылке, растрепались, и одна прядь рассыпалась по смятому воротничку. Она подошла к мальчикам.

- У меня Мурлышка пропал... Не видели вы его, ребятки? - Голос у нее был тихий, глаза серые, пустые.

- Нет, - глядя в сторону, сказал Сережа.

- Мы не видели, - поспешно добавил Левка.

Марья Павловна вздохнула, провела рукой по лбу и медленно пошла домой. Левка скорчил гримасу.

- Подлизывается... А вредная все-таки, - он покрутил головой, такими словами ругается! "Грубиян"! Это хуже не знай чего! А теперь подлизывается: "Мальчики, не видели моего котика?" - тоненько протянул он.

Сережа засмеялся.

- И правда, сама виновата... Думает, если мы дети, так мы и постоять за себя не сумеем!

- Фи! - свистнул Левка. - Плакса какая! Подумаешь - рыжий кот пропал!

- Да он, говорят, у нее еще при сыне был. Так она его на память держала.

- На память? - удивился Левка и вдруг, хлопнув себя по коленке, захлебнулся от смеха.
- Рыжего кота на память!

Мимо прошел старик профессор. Подойдя к раскрытому окошку Марьи Павловны, он постучал указательным пальцем в стекло и, положив локти на подоконник, заглянул внутрь комнаты.

- Ну как, Марья Павловна? Не нашелся еще?

Мальчики прислушались.

- А этот-то чего лезет? - удивился Левка.

- Жалеет ее, - шепнул Сережа. - Всем жалко почему-то... Обругала бы их, как нас, не стали бы жалеть! Пойдем послушаем: может, она на нас наговаривать ему будет.

Они подошли близко и спрятались за кустами.

Марья Павловна говорила:

- Долго он Колю забыть не мог... И на кладбище со мной ходил... Было что-то теплое, живое... Колино...

Окошко звякнуло. Мальчики испуганно посмотрели друг на друга. Старик профессор заволновался:

- Марья Павловна! Голубушка! Что вы? Что вы? Выручим мы вашего Мурлышку. Вот я тут придумал кое-что. - Он дрожащими пальцами поправил пенсне и полез в боковой карман. - Вот тут объявленьица я написал, хочу попросить ребяток расклеить где-нибудь на столбах. Только успокойтесь, пожалейте себя!

Он оторвался от окна и зашагал к дому.

- Ребята! Ребятки!

- Иди! - вдруг струсил Левка.

- Сам иди! - огрызнулся Сережа.

Старик подошел к ним.

- А ну-ка, молодые люди! К вам поручение имеется. Не откажите старику: сбегайте повесьте объявления где-нибудь на людных местах. А? Живенько! - Он кивнул на окошко. - Жалко старушку, надо помочь ей как-нибудь...

- Мы... пожалуйста, - промямлил Сережа.

Левка протянул руку:

- Давайте! Мы сейчас... быстро. Айда, Сережка!

- Ну-ну, вот и молодцы!

Мальчики выскочили на улицу.

- Прочти-ка, чего тут? - сказал Сережа.

Левка развернул листок.

- Пять рублей! Ого! Сколько денег-то! За какого-то рыжего кота! Спятил он, что ли?

Сережа пожал плечами.

- Все спятили, - хмуро сказал он. - Может, все жильцы дадут. Мой отец дал бы тоже. На кнопки, держи.

- А где повесим? На людных местах надо.

- Пошли к кооперативу. Там всегда народ толчется.

Мальчики побежали.

- А другую бумажку на вокзале повесим - там тоже много людей, запыхавшись, сказал Сережа.

Но Левка вдруг остановился.

- Тпру, Сережка, стой! Ведь мы же влипнем с этой штукой, как мухи в мед влипнем! Ну и дураки! Вот дураки!

Сережа схватил его за руку.

- Бабушка принесет, да? И скажет про нас, да?

Левка, что-то соображая, яростно грыз ногти.

- Как же теперь быть? - заглядывая ему в лицо, спросил Сережа.

- Порвем, - топнул ногой Левка, - и в землю закопаем!

- Не надо, - сморщился Сережа, - все спрашивать будут... Опять врать придется...
- Ну и что - врать? В одно будем говорить!
- А может, бабушка принесла бы kota, и делу конец? Может, не рассказала бы про нас?
- "Может, может"! - передразнил Левка. - Понадейся на старуху, а она подведет, разболтает по всему двору.

- Верно, - вздохнул Сережа. - Никак нельзя! Папа сказал: "Подлецы украли какие-то..."
- Здорово живешь, еще подлецами сделают! Пошли за угол, порвем и зароем под скамейкой.

Мальчишки завернули за угол и сели на скамейку. Сережа взял бумажки и, комкая их в руках, сказал:

- А она-то опять ждать будет... Пожалуй, и спать не ляжет сегодня...
- Ясно, не ляжет... А отчего у ней сын-то умер?
- Не знаю... Болел долго... А еще раньше муж умер. Один кот остался, а теперь и kota нет... Обидно ей все-таки!

- Ну ладно! - решительно сказал Левка. - Не пропадать же нам из-за этого? Давай рви!

- Сам рви! Почему я должен? Хитер тоже!

- Давай по-честному: ты одну и я одну! Давай! Вот!

Левка разорвал объявление на мелкие кусочки.

Сережа сложил бумажку и медленно разорвал ее пополам. Потом схватил щепку и выкопал ямку.

- Клади! Засыпай покрепче!

Оба облегченно вздохнули.

- Не ругала бы нас такими словами... - беззлобно сказал Левка.

- А про стекло она все-таки никому не сказала, - напомнил ему Сережа.

- Ну и ладно! Надоело мне с этим возиться! Я лучше завтра в школу пойду. Там наши ребята в футбол играют. А то все каникулы зря пройдут.

- Не пройдут... Скоро в лагерь поедem. Там хоть месяц без неприятностей поживем...

Левка нахмурился.

- Пошли домой, что ли?

- А что скажем?

- Повесили, вот и все! Одно слово соврать только: "Повесили".

- Ну пойдем!

Старичок все еще стоял у окошка Марьи Павловны.

- Ну как, ребятки? - закричал он.

- Повесили! - неожиданно крикнули оба.

* * *

Прошло несколько дней. О Мурлышке не было ни слуху ни духу. В комнате Марьи Павловны было тихо. В сад она не выходила. То одни, то другие жильцы навещали старушку.

Каждый день Эсфирь Яковлевна посылала мужа:

- Миша, иди немедленно снеси бедной женщине варенья. Делай вид, что ничего не случилось, и не поднимай вопроса о домашних животных.

- Сколько горя на одного человека навалилось! - вздыхала мать Сережи.

- Да, - хмурил брови отец, - все-таки непостижимо, куда это Мурлышка делся? И на объявление никто не явился. Надо думать, собаки загнали куда-нибудь беднягу.

По утрам Сережа поднимался в мрачном настроении, пил чай и бежал к Левке. Левка тоже стал невеселый.

- Не пойду я на твой двор, - говорил он, - давай здесь играть!

Как-то вечером, сидя на заборе, они увидели, как в окошке Марьи Павловны тихонько поднялась штора. Старушка зажгла маленькую лампочку и поставила ее на подоконник. Потом, сгорбившись, подошла к столу, налила в блюдечко молока и поставила его рядом с лампочкой.

- Ждет... Думает, он увидит свет и прибежит...

Левка вздохнул.

- Все равно не придет он. Заперли его где-нибудь. Я бы мог ей овчарку достать: мне обещал один мальчик. Только я себе хотел ее взять. Хорошая собака!..

- А знаешь чего? - вдруг оживился Сережа. - Тут у одной тетеньки много котят родилось, пойдем завтра попросим одного. Может, как раз рыженький попадется! Отнесем ей, она обрадуется и забудет своего Мурлышку.

- Пойдем сейчас! - соскочил с забора Левка.

- Да сейчас поздно...

- Ничего... Скажем: обязательно, обязательно надо скорее!

- Сережа! - крикнула мать. - Спать пора!

- Придется завтра, - разочарованно сказал Левка. - Только с утра. Я тебя ждать буду.

* * *

Утром мальчики вскочили рано. Чужая тетенька, у которой кошка родила шестерых котят, встретила их приветливо.

- Выбирайте, выбирайте... - говорила она, вытаскивая из корзинки пушистые комочки.

Комната наполнилась писком. Котята едва умели ползать - лапы у них разъезжались, мутные круглые глазки удивленно смотрели на мальчиков.

Левка с восторгом схватил желтенького котенка:

- Рыжий! Почти что рыжий! Сережа, смотри!

- Тетя, можно этого взять? - спросил Сережа.

- Да берите, берите! Хоть всех берите. Куда их девать?

Левка сорвал с головы картуз, посадил в него котенка и выбежал на улицу. Сережа, подпрыгивая, торопился за ним.

У крыльца Марьи Павловны оба остановились.

- Иди первый, - сказал Левка. - Она с вашего двора...

- Вместе лучше...

Они на цыпочках прошли по коридору. Котенок пищал и барахтался в картузе. Левка тихонько постучал.

- Войдите, - отозвалась старушка.

Ребята боком протиснулись в дверь. Марья Павловна сидела перед раскрытым ящиком стола. Она удивленно подняла брови и вдруг заволновалась:

- Что это пищит у вас?

- Это мы, Марья Павловна... Вот рыжего котеночка вам... Чтобы вместо Мурлышки был...

Левка положил картуз на колени старушки. Из картуза выглянула большеглазая мордочка и желтый хвостик...

Марья Павловна нагнула голову, и в картуз быстро-быстро закапали слезы. Мальчики попятились к двери.

- Подождите!.. Спасибо вам, голубчики, спасибо! - Она вытерла глаза, погладила котенка и покачала головой. - Всем мы с Мурлышкой хлопот наделали. Только напрасно вы беспокоились, ребятки... Отнесите котеночка назад... Я уж так не привыкну к нему.

Левка, держась за спинку кровати, прирос к полу. Сережа морщился, как от зубной боли.

- Ну ничего, - сказала Марья Павловна. - Что же делать? Вот у меня карточка на память...

Она показала на маленький столик около кровати. Из деревянной рамки глянули на мальчиков большие печальные глаза, улыбающееся лицо и рядом удивленная усатая мордочка Мурлышки. Длинные пальцы больного тонули в пушистой шерстке.

- Любил он Мурлышку... Сам кормил. Бывало, развеселится и скажет: "Мурлышка никогда нас не бросит, он все понимает..."

Левка присел на краешек постели, уши у него горели, от них было жарко всей голове, и

на лбу выступил пот...

Сережа мельком взглянул на него: обоим вспомнилось, как царапался и отбивался пойманный кот.

- Мы уж пойдем, - тихо сказал Левка.

- Мы пойдем, - вздохнул Сережа, пряча в картуз котенка.

- Идите, идите... Отнесите котеночка, хорошие мои...

Ребята отнесли котенка, молча положили его в корзинку с котятами.

- Назад принесли? - спросила тетенька.

Сережа махнул рукой...

- Вот, - сказал Левка, перепрыгнув через забор и с размаху хлопнувшись на землю, - буду здесь сидеть всю жизнь!

- Ну? - недоверчиво протянул Сережа, присаживаясь перед ним на корточки. - Так не просидишь!

- Хоть бы в лагерь скорее ехать! - с отчаянием сказал Левка. - А то распускаешься только на каникулах и всякие неприятности получают. Встанешь утром - все ничего, а потом - бац! - и наделаешь чего-нибудь! Я, Сережа, средство изобрел, чтобы не ругаться, например...

- Как это? Соли на язык посыпать, да?

- Нет. Зачем соли? Просто, как рассердишься очень, сразу отвернись от того человека, зажмурь глаза и считай: раз, два, три, четыре... пока злость не пройдет. Я уже так пробовал, мне помогает!

- А мне ничего не помогает, - махнул рукой Сережа. - Ко мне очень одно слово прицепляется.

- Какое? - заинтересовался Левка.

- Дура - вот какое! - шепнул Сережа.

- Отучайся, - строго сказал Левка и, растянувшись на спине, вздохнул. - Если б этого кота достать, тогда бы все хорошо было...

- Я тебе говорил, за лапу привязать...

- Дурак! Попугай несчастный! - вскипел Левка. - Ты мне только повтори это еще раз, я тебе таких пилюлей навешаю! За лапу, за лапу, за хвост! Искать надо, вот что! Балда дурацкая!

- Считай, - уныло сказал Сережа, - считай, а то опять ругаешься! Эх ты, изобретатель!

* * *

- Вот так мы шли, а так она шла. - Левка показал рукой на другую сторону улицы.

Сережа, прислонясь к забору, грыз зеленую веточку сирени.

- Старухи все похожи, - сказал он, - все морщинистые и сгорбленные.

- Ну нет, есть такие прямые, длинные, как палки, тех легко узнать. Только наша низенькая была...

- В платке, что ли? - спросил Левка.

- Да, да, в платке. Эх, какая старуха! - с горечью сказал Сережа. Сразу взяла и утащила. Даже ничего не спросила толком: чей кот? Может быть, нужен очень?

- Ну ладно, - нахмурился Левка. - Найдем как-нибудь. Может, она близко живет. Старухи далеко не ходят...

- Километра два, а то и три любая старуха теперь может отмахать. Да еще в какую сторону...

- А хоть во все четыре стороны! Мы всюду пойдем! Сегодня в одну, завтра в другую. И в каждый двор будем заглядывать!

- Так все лето и проходишь! Хорошо, если до лагеря, а то и поплавать не успеешь...

- Эх ты, пловец! Спустил чужого кота чертовой бабушке и искать не хочет! - озлился Левка. - Пойдем лучше. Три километра напрямки!

Сережа выплюнул изо рта ветку и зашагал рядом с товарищем.

- Хоть бы раз в жизни повезло!

* * *

Но мальчикам не везло. Наоборот, дела пошли еще хуже.

- Где ты шатаешься, Сережа? Избегался, почернел... С утра до вечера пропадаешь! - сердилась мать.

- Да чего мне дома делать-то?

- Ну, в школу бы ходил. Там ребята на качелях качаются, в футбол играют...

- Ну да, в футбол! Очень интересно... Подобьют ногу, останусь хромым на всю жизнь, сама тогда бранить будешь. А то еще с качелей упаду.

- Скажите пожалуйста! - разводила руками мать. - Да с каких это пор ты таким тихоней сделался? То все приставал: "Купи футбольный мяч", покоя нам с отцом не давал, а теперь... Смотри у меня, я твои штуки разгадаю...

Левке тоже влетело от отца.

- Что ты, говорит, как петух, на заборе торчишь? Займись, говорит, чем-нибудь наконец! - жаловался Левка Сереже.

Многие улицы были исхожены за это время. В одном дворе на крыше показался рыжий кот. Ребята опрометью бросились за ним.

- Держи! Держи! Заходи вперед! - кричал Левка, задрал вверх голову.

Кот вскочил на дерево. Обдирая коленки, Левка полез за ним. Но Сережа, стоя внизу, разочарованно крикнул:

- Слезай! Не тот: грудка белая и лицо не такое.

А из дома выскочила толстая тетка с ведром.

- Опять голуби! - закричала она. - Вот я вас отучу от своего двора! Марш отсюда!

Она взмахнула ведром и окатила Сережу холодной водой. На спине и на трусиках осела картофельная шелуха. Мальчики как ошпаренные выскочили за ворота. Сережа стиснул зубы и схватил камень.

- Считай! - тревожно крикнул Левка. - Считай скорей!

- Раз, два, три, четыре... - начал Сережа, бросил камень и расплакался. - Дура, дура, дура! Как ни считай, все дура!

Левка молча выжимал на нем трусики, отряхивая с них приставшую шелуху.

* * *

Ночью шел дождь. Шлепая босыми ногами по теплым лужам, Левка поджидал Сережу. Из раскрытых окоп верхней квартиры доносились громкие голоса взрослых.

"Нас ругают... - испугался Левка. - Обоих или одного Сережу к стенке приперли? Только за что?.." За эти дни как будто ничего плохого они не сделали. "Сделали не сделали, а взрослые, если захотят, всегда найдут, к чему придраться".

Левка спрятался в кусты и прислушался.

- В конце концов, я этого совсем не одобряю - получить себе чаютку из-за несчастного кота! - раздраженно кричала Эсфирь Яковлевна. - Она же маковой росинки в рот не берет...

- Бесплезное животное, в общем... - начал профессор.

Левка презрительно улыбнулся.

"Хорошо им разговаривать, а ей, бедной, даже и кушать не хочется, - с жалостью подумал он о Марье Павловне. - Если б у меня была овчарка, я бы ее любил, воспитывал, и вдруг бы она пропала! Ясно, обедать не стал бы... Квас какой-нибудь выпил, и все!"

- Ты чего стоишь? - толкнул его Сережа. - Пойдем скорей, пока мать занята!

- Пойдем, - обрадовался Левка, - а то скоро в лагерь!

Решено было сходить на рынок.

- Там старух видимо-невидимо! - клялся Левка. - Кто за молоком, кто за чем... Соберутся в кучку около возов - сразу всех видно. Может, и наша там.

- Я уж теперь ее помню - она мне снилась, - говорил Сережа. Низенькая, сморщенная... Только бы увидеть такую!

День был праздничный. На рынке беспорядочно толкался народ. Сережа и Левка, поддергивая трусики, озабоченно заглядывали под каждый платок. Завидев подходящую

старушку, они мчались ей наперерез, сбивая с ног домашних хозяек.

- Бесстыдники! Хулиганы! - кричали им вслед.

В самой гуще людей мальчики заметили школьного преподавателя.

Они спрятались от него за ларек, дождались, пока он скрылся, и снова забегали по рынку. Старух высоких, низеньких, толстых и худых было много.

- Но где же наша? - сердился Левка. - Хоть бы мяса пришла купить себе! Неужели она обед не варит?

Солнце начинало сильно припекать. Волосы прилипли ко лбу.

- Напьемся квасу, - предложил Левка.

Сережа вытащил из кармана двадцать копеек.

- Кружку на двоих! - заказал он.

- Хоть и на троих, - лениво буркнул торговец, вытирая платком красное лицо.

- Пей, - сказал Сережа, отметив пальцем середину кружки. - Пей до сих пор.

Левка, закрыв глаза, медленно потянул холодную жидкость.

- Пенки оставь, - забеспокоился Сережа.

Низенькая старушка в черном платке подошла к ним сбоку и с любопытством оглядела обоих.

- Не то я обозналась, ребятки, не то нет? - громко сказала она.

Сережа оторопело глянул на нее и с размаху толкнул товарища:

- Смотри!

У Левки цокнули зубы и на шею плеснул квас.

- Эх! - рявкнул он, растопырив руки. - Сережка! Она! Она!

- Бабушка, это вы? - задыхаясь, спросил Сережа.

Старушка закивала головой:

- Ну да, ну да...

Левка подпрыгнул и, размахивая кружкой, заорал во все горло:

- Старушечка! Миленькая!

Продавец, перегнувшись через прилавок, дернул его за трусики:

- Кружку верните, гражданин!

Левка, не глядя, сунул ему пустую кружку.

Сережа почесал затылок и облизнул сухие губы.

- Бабушка, бежим к вам домой! Сколько километров? Четыре, пять? подхватывая старушку под руки, захлебывался Левка.

- Стой, стой! Батюшки мои, очумел ты, что ли? - отбивалась она.

- Пойдем, пойдем, бабушечка! - Левка на ходу чмокнул старушку в сухую щеку.

- Ишь как бабушку свою любят ребята! - расплылась в улыбке молочница. - Поглядеть любо!

- Затормошили совсем, - покачал головой какой-то старик.

- Напрямик! - орал Левка, расталкивая прохожих. - Жарь, бабушка!

- Голубчики, голубчики, весь народ повалили кругом себя!.. Лешие этакие! - сердилась старушка.

У ворот рынка она уперлась ногами в землю и тоненько закричала:

- Да чего вам от меня надобно-то?

- Котика рыжего, бабушка! Помните, мы отдали вам вечером на улице.

- Сестренка плачет по нем, исхудала, как спичка, - затынул Левка.

- Ишь ты... Назад, значит, взять хотите?

- Назад! Сейчас же назад!

- Вот-вот... Ну так бы и сказали, а то разорвали было на части.

- Да жив ли он еще, котик рыжий? - испуганно спросил Сережа.

Старушка вынула сложенный вчетверо платочек, обтерла лицо и, не спеша, засеменяла по тротуару.

- Жив или нет? - простонал Левка.

- А с чего ему помирать-то? Толстый такой котище... И то правда, забирайте вы его лучше - бестолковый, страсть! Только и лазит по всей квартире, по всем углам нюхает...

- Пускай нюхает! Бежим, бабушка!

Старушка высвободила руку из Левкиных пальцев.

- Убери клещи-то! Такой и кот твой надоедней, как ты. Утром орет и ночью встанет орет. Совсем не нравится он мне. Уж я его дочке отдала.

- Как дочке? Какой еще там дочке? Раз, два, три, четыре...

- Насовсем? - ахнул Сережа.

- Зачем насовсем?! На подержание.

- Да где она живет хоть?

- Дочка-то? В Москве. Где же ей жить, там у ней детки...

- Адрес давайте! - сказал Левка, сжимая зубы.

- Какой адрес? Одна-то я не езжу туда. Город шумный... Покойник зять, бывало, и на метро прокатит...

Сережа махнул рукой:

- Пропал Мурлышка!

- Ну нет! - закипел Левка. - Я и в Москву поеду, и с покойником на метро прокачусь. Как щепка высохну, а достану этого кота!

- Да чего его доставать-то? - вдруг сказала старушка. - Привезла его вчерась дочка. Вот домик-то мой. Заходите, гостями будете!

Она круто свернула к маленькому крылечку, зазвенела ключами и погрозила пальцем в окно:

- Сиди, сиди, рыжий! Чего выставился? Стекло продавишь, настойчивый какой...

Левка прыгнул в палисадник, уцепился обеими руками за раму и прижался носом к окну:

- Мурлышка! Усатенький...

- Ухо, ухо, смотри! - взвизгивал Сережа.

Через минуту Левка торжественно шагал по улице.

Рыжий кот острыми когтями царапал ему шею. Сережа, весело подпрыгивая, говорил:

- Отделает он тебя здорово! Да ладно, терпи уж!

- Только б не упустить теперь, - пыхтел Левка.

* * *

Марья Павловна сняла с подоконника блюдце, вылила из него посиневшее молоко и, стоя посреди комнаты, прислушалась. Дверь широко распахнулась.

- Вот! - крикнул Левка, разжимая руки.

Рыжий пушистый ком сорвался с его груди и, взметнув хвостом, прыгнул на руки своей хозяйке. Блюдце с радостным звоном скользнуло на пол.

- Роднушка моя!.. Да как же это?..

Сережа шлепнул Левку по спине. Оба выкатились за дверь и с визгом упали в траву.

В буйной мальчишеской радости они тузили друг друга под бока:

- Нашелся-таки!.. Нашелся! Усатый-полосатый!

* * *

На зеленой аллее рассыпалась барабанная дробь. В белых панамках, с рюкзаками за спиной весело шагали пионеры. По боковым дорожкам, растроганные и умиленные, торопились за ними родители. Левка выбился из строя, подпрыгнул и замахал рукой Сереже.

- Смотри, кто стоит!

У зеленой калитки, заслонив от солнца глаза сухонькой ладонью, Марья Павловна искала кого-то в строю. Большой рыжий кот, вывернув наизнанку ухо, сидел на заборе.

- Марья Павловна! До свиданья!

Левка горячей щекой прижался к забору.

- Мурлышечка, до свиданья!

Сережа погладил кончик пушистого хвоста.

БАБКА

Бабка была тучная, широкая, с мягким, певучим голосом. В старой вязаной кофте, с подоткнутой за пояс юбкой расхаживала она по комнатам, неожиданно появляясь перед глазами как большая тень.

- Всю квартиру собой заполонила!.. - ворчал Борькин отец.

А мать робко возражала ему:

- Старый человек... Куда же ей деться?

- Зажилась на свете... - вздыхал отец. - В инвалидном доме ей место вот где!

Все в доме, не исключая и Борьки, смотрели на бабушку как на совершенно лишнего человека.

* * *

Бабка спала на сундуке. Всю ночь она тяжело ворочалась с боку на бок, а утром вставала раньше всех и гремела в кухне посудой. Потом будила зятя и дочь:

- Самовар поспел. Вставайте! Попейте горяченького-то на дорожку...

Подходила к Борьке:

- Вставай, батюшка мой, в школу пора!

- Зачем? - сонным голосом спрашивал Борька.

- В школу зачем? Темный человек глух и нем - вот зачем!

Борька прятал голову под одеяло:

- Иди ты, бабушка...

- Я-то пойду, да мне не к спеху, а вот тебе к спеху.

- Мама! - кричал Борька. - Чего она тут гудит над ухом, как шмель?

- Боря, вставай! - стучал в стенку отец. - А вы, мать, отойдите от него, не надоедайте с утра.

Но бабушка не уходила. Она натягивала на Борьку чулки, фуфайку. Грузным телом колыхалась перед его кроватью, мягко шлепала туфлями по комнатам, гремела тазом и все что-то приговаривала.

В сенях отец шаркал веником.

- А куда вы, мать, галоши дели? Каждый раз во все углы тыкаешься из-за них!

Бабка торопилась к нему на помощь.

- Да вот они, Петруша, на самом виду. Вчерась уж очень грязны были, я их обмыла и поставила.

Отец хлопал дверью. За ним торопливо выбегал Борька. На лестнице бабушка совала ему в сумку яблоко или конфету, а в карман чистый носовой платок.

- Да ну тебя! - отмахивался Борька. - Раньше не могла дать! Опоздаю вот...

Потом уходила на работу мать. Она оставляла бабушке продукты и уговаривала ее не тратить лишнего:

- Поэкономней, мама. Петя и так сердится: у него ведь четыре рта на шее.

- Чей род - того и рот, - вздыхала бабушка.

- Да я не о вас говорю! - смягчалась дочь. - Вообще расходы большие... Поаккуратнее, мама, с жирами. Боре пожирней, Пете пожирней...

Потом сыпались на бабушку другие наставления. Бабушка принимала их молча, без возражений.

Когда дочь уходила, она начинала хозяйничать. Чистила, мыла, варила, потом вынимала из сундука спицы и вязала. Спицы двигались в бабушкиных пальцах то быстро, то медленно - по ходу ее мыслей. Иногда совсем останавливались, падали на колени, и бабушка качала головой:

- Так-то, голубчики мои... Не просто, не просто жить на свете!

Приходил из школы Борька, сбрасывал на руки бабушке пальто и шапку, швырял на стул сумку с книгами и кричал:

- Бабушка, поешь!

Бабушка прятала вязанье, торопливо накрывала на стол и, скрестив на животе руки,

следила, как Борька ест. В эти часы как-то невольно Борька чувствовал бабку своим, близким человеком. Он охотно рассказывал ей об уроках, товарищах.

Бабка слушала его любовно, с большим вниманием, приговаривая:

- Все хорошо, Борюшка: и плохое и хорошее хорошо. От плохого человек крепче делается, от хорошего душа у него зацветает.

Иногда Борька жаловался на родителей:

- Обещал отец портфель. Все пятиклассники с портфелями ходят!

Бабка обещала поговорить с матерью и выговаривала Борьке портфель.

Наевшись, Борька отодвигал от себя тарелку:

- Вкусный кисель сегодня! Ты ела, бабка?

- Ела, ела, - кивала головой бабка. - Не заботься обо мне, Борюшка, я, спасибо, сыта и здрава.

Потом вдруг, глядя на Борьку выцветшими глазами, долго жевала она беззубым ртом какие-то слова. Щеки ее покрывались рябью, и голос понижался до шепота:

- Вырастешь, Борюшка, не бросай мать, заботься о матери. Старое что малое. В старину говаривали: трудней всего три вещи в жизни - богу молиться, долги платить да родителей кормить. Так-то, Борюшка, голубчик!

- Я мать не брошу. Это в старину, может, такие люди были, а я не такой!

- Вот и хорошо, Борюшка! Будешь поить-кормить да подавать с ласкою? А уж бабка твоя на это с того света радоваться будет.

- Ладно. Только мертвой не приходи, - говорил Борька.

После Обеда, если Борька оставался дома, бабка подавала ему газету и, присаживаясь рядом, просила:

- Почитай что-нибудь из газеты, Борюшка: кто живет, а кто мается на белом свете.

- "Почитай"! - ворчал Борька. - Сама не маленькая!

- Да что ж, коли не умею я.

Борька засовывал руки в карманы и становился похожим на отца.

- Ленишься! Сколько я тебя учил? Давай тетрадку!

Бабка доставала из сундука тетрадку, карандаш, очки.

- Да зачем тебе очки? Все равно ты буквы не знаешь.

- Все как-то явственней в них, Борюшка.

Начинался урок. Бабка старательно выводила буквы: "ш" и "т" не давались ей никак.

- Опять лишнюю палку приставила! - сердился Борька.

- Ох! - пугалась бабка. - Не сосчитаю никак.

- Хорошо, ты при Советской власти живешь, а то в царское время знаешь как тебя драли бы за это? Мое почтение!

- Верно, верно, Борюшка. Бог - судья, солдат - свидетель. Жаловаться было некому.

Со двора доносился визг ребят.

- Давай пальто, бабка, скорей, некогда мне!

Бабка опять оставалась одна. Поправив на носу очки, она осторожно развертывала газету, подходила к окну и долго, мучительно вглядывалась в черные строки. Буквы, как жучки, то расползались перед глазами, то, натываясь друг на дружку, сбивались в кучу. Неожиданно выпрыгивала откуда-то знакомая трудная буква. Бабка поспешно зажимала ее толстым пальцем и торопилась к столу.

- Три палки... три палки... - радовалась она.

* * *

Досаждали бабке забавы внука. То летали по комнате белые, как голуби, вырезанные из бумаги самолеты. Описав под потолком круг, они застредали в масленке, падали на бабкину голову. То являлся Борька с новой игрой - в "чеканочку". Завязав в тряпочку пятак, он бешено прыгал по комнате, подбрасывая его ногой. При этом, охваченный азартом игры, он наткался на все окружающие предметы. А бабка бегала за ним и растерянно повторяла:

- Батюшки, батюшки... Да что же это за игра такая? Да ведь ты все в доме

переколотишь!

- Бабка, не мешай! - задыхался Борька.
- Да ногами-то зачем, голубчик? Руками-то безопасней ведь.
- Отстань, бабка! Что ты понимаешь? Ногами надо.

* * *

Пришел к Борьке товарищ. Товарищ сказал:

- Здравствуйте, бабушка!

Борька весело подтолкнул его локтем:

- Идем, идем! Можешь с ней не здороваться. Она у нас старая старушенция.

Бабка одернула кофту, поправила платок и тихо пошевелила губами:

- Обидеть - что ударить, приласкать - надо слова искать.

А в соседней комнате товарищ говорил Борьке:

- А с нашей бабушкой всегда здороваются. И свои, и чужие. Она у нас главная.

- Как это - главная? - заинтересовался Борька.

- Ну, старенькая... всех вырастила. Ее нельзя обижать. А что же ты со своей-то так?

Смотри, отец взгреет за это.

- Не взгреет! - нахмурился Борька. - Он сам с ней не здоровается.

Товарищ покачал головой.

- Чудно! Теперь старых все уважают. Советская власть знаешь как за них заступается!

Вот у одних в нашем дворе старичку плохо жилось, так ему теперь они платят. Суд постановил. А стыдно-то как перед всеми, жуть!

- Да мы свою бабку не обижаем, - покраснел Борька. - Она у нас... сыта и здрава.

Прощаясь с товарищем, Борька задержал его у дверей.

- Бабка, - нетерпеливо крикнул он, - иди сюда!

- Иду, иду! - заковыляла из кухни бабка.

- Вот, - сказал товарищу Борька, - попрощайся с моей бабушкой.

После этого разговора Борька часто ни с того ни с сего спрашивал бабку:

- Обижаем мы тебя?

А родителям говорил:

- Наша бабка лучше всех, а живет хуже всех - никто о ней не заботится.

Мать удивлялась, а отец сердился:

- Кто это тебя научил родителей осуждать? Смотри у меня - мал еще!

И, разволновавшись, набрасывался на бабку:

- Вы, что ли, мамаша, ребенка учите? Если недовольны нами, могли бы сами сказать.

Бабка, мягко улыбаясь, качала головой:

- Не я учу - жизнь учит. А вам бы, глупые, радоваться надо. Для вас сын растет! Я свое отжила на свете, а ваша старость впереди. Что убьете, то не вернете.

* * *

Перед праздником возилась бабка до полуночи в кухне. Гладила, чистила, пекла. Утром поздравляла домашних, подавала чистое глаженое белье, дарила носки, шарфы, платочки.

Отец, примеряя носки, кряхтел от удовольствия:

- Угодили вы мне, мамаша! Очень хорошо, спасибо вам, мамаша!

Борька удивлялся:

- Когда это ты навязала, бабка? Ведь у тебя глаза старые - еще ослепнешь!

Бабка улыбалась морщинистым лицом.

Около носа у нее была большая бородавка. Борьку эта бородавка забавляла.

- Какой петух тебя клюнул? - смеялся он.

- Да вот выросла, что поделаешь!

Борьку вообще интересовало бабкино лицо.

Были на этом лице разные морщины: глубокие, мелкие, тонкие, как ниточки, и широкие, вырытые годами.

- Чего это ты такая разрисованная? Старая очень? - спрашивал он.

Бабка задумывалась.

- По морщинам, голубчик, жизнь человеческую, как по книге, можно читать.

- Как же это? Маршрут, что ли?

- Какой маршрут? Просто горе и нужда здесь расписались. Детей хоронила, плакала - ложились на лицо морщины. Нужду терпела, билась опять морщины. Мужа на войне убили - много слез было, много и морщин осталось. Большой дождь и тот в земле ямки роет.

Слушал Борька и со страхом глядел в зеркало: мало ли он поревел в своей жизни - неужели все лицо такими нитками затянется?

- Иди ты, бабка! - ворчал он. - Наговоришь всегда глупостей...

* * *

Когда в доме бывали гости, наряжалась бабка в чистую ситцевую кофту, белую с красными полосками, и чинно сидела за столом. При этом следила она в оба глаза за Борькой, а тот, делая ей гримасы, таскал со стола конфеты.

У бабки лицо покрывалось пятнами, но сказать при гостях она не могла.

Подавали на стол дочь и зять и делали вид, что мамаша занимает в доме почетное место, чтобы люди плохого не сказали. Зато после ухода гостей бабке доставалось за все: и за почетное место, и за Борькины конфеты.

- Я вам, мамаша, не мальчик, чтобы за столом подавать, - сердился Борькин отец.

- И если уж сидите, мамаша, сложа руки, то хоть за мальчишкой приглядели бы: ведь все конфеты потаскал! - добавляла мать.

- Да что же я с ним сделаю-то, милые мои, когда он при гостях вольным делается? Что спил, что съел - царь коленом не выдавит, - плакалась бабка.

В Борьке шевелилось раздражение против родителей, и он думал про себя: "Вот будете старыми, я вам покажу тогда!"

* * *

Была у бабки заветная шкатулка с двумя замками; никто из домашних не интересовался этой шкатулкой. И дочь и зять хорошо знали, что денег у бабки нет. Прятала в ней бабка какие-то вещицы "на смерть". Борьку одолевало любопытство.

- Что у тебя там, бабка?

- Вот помру - все ваше будет! - сердилась она. - Оставь ты меня в покое, не лезу я к твоим-то вещам!

Раз Борька застал бабку спящей в кресле. Он открыл сундук, взял шкатулку и заперся в своей комнате. Бабка проснулась, увидела открытый сундук, охнула и припала к двери.

Борька дразнился, гремя замками:

- Все равно открою!..

Бабка заплакала, отошла в свой угол, легла на сундук.

Тогда Борька испугался, открыл дверь, бросил ей шкатулку и убежал.

- Все равно возьму у тебя, мне как раз такая нужна, - дразнился он потом.

* * *

За последнее время бабка вдруг сгорбилась, спина у нее стала круглая, ходила она тише и все присаживалась.

- В землю вырастает, - шутил отец.

- Не смейся ты над старым человеком, - обижалась мать.

А бабке в кухне говорила:

- Что это вы, мама, как черепаха, по комнате двигаетесь? Пошлешь вас за чем-нибудь и назад не дождешься.

* * *

Умерла бабка перед майским праздником. Умерла одна, сидя в кресле с вязаньем в руках: лежал на коленях недоконченный носок, на полу - клубок ниток. Ждала, видно, Борьку. Стоял на столе готовый прибор. Но обедать Борька не стал. Он долго глядел на мертвую бабку и вдруг опрометью бросился из комнаты. Бегал по улицам и боялся вернуться домой. А когда осторожно открыл дверь, отец и мать были уже дома.

Бабка, наряженная, как для гостей, - в белой кофте с красными полосками, лежала на столе. Мать плакала, а отец вполголоса утешал ее:

- Что же делать? Пожила, и довольно. Мы ее не обижали, терпели и неудобства и расход.

* * *

В комнату набились соседи. Борька стоял у бабки в ногах и с любопытством рассматривал ее. Лицо у бабки было обыкновенное, только бородавка побелела, а морщин стало меньше.

Ночью Борьке было страшно: он боялся, что бабка слезет со стола и подойдет к его постели. "Хоть бы унесли ее скорее!" - думал он.

На другой день бабку схоронили. Когда шли на кладбище, Борька беспокоился, что уронят гроб, а когда заглянул в глубокую яму, то поспешно спрятался за спину отца.

Домой шли медленно. Провожали соседи. Борька забежал вперед, открыл свою дверь и на цыпочках прошел мимо бабкиного кресла. Тяжелый сундук, обитый железом, выпирал на середину комнаты; теплое лоскутное одеяло и подушка были сложены в углу.

Борька постоял у окна, поковырял пальцем прошлогоднюю замазку и открыл дверь в кухню. Под умывальником отец, засучив рукава, мыл галоши; вода затекала на подкладку, брызгала на стены. Мать гремела посудой. Борька вышел на лестницу, сел на перила и съехал вниз.

Вернувшись со двора, он застал мать сидящей перед раскрытым сундуком. На полу была свалена всякая рухлядь. Пахло залежавшимися вещами.

Мать вынула смятый рыжий башмачок и осторожно расправила его пальцами.

- Мой еще, - сказала она и низко наклонилась над сундуком. - Мой...

На самом дне загремела шкатулка. Борька присел на корточки. Отец потрепал его по плечу:

- Ну что же, наследник, разбогатеет сейчас!

Борька искоса взглянул на него.

- Без ключей не открыть, - сказал он и отвернулся.

Ключей долго не могли найти: они были спрятаны в кармане бабкиной кофты. Когда отец встряхнул кофту и ключи со звоном упали на пол, у Борьки отчего-то сжалось сердце.

Шкатулку открыли. Отец вынул тугой сверток: в нем были теплые варежки для Борьки, носки для зятя и безрукавка для дочери. За ними следовала вышитая рубашка из старинного выцветшего шелка - тоже для Борьки. В самом углу лежал пакетик с леденцами, перевязанный красной ленточкой. На пакетике что-то было написано большими печатными буквами. Отец повертел его в руках, прищурился и громко прочел:

- "Внуку моему Борюшке".

Борька вдруг побледнел, вырвал у него пакет и убежал на улицу. Там, присев у чужих ворот, долго вглядывался он в бабкины каракули: "Внуку моему Борюшке".

В букве "ш" было четыре палочки.

"Не научилась!" - подумал Борька. И вдруг, как живая, встала перед ним бабка - тихая, виноватая, не выучившая урока.

Борька растерянно оглянулся на свой дом и, зажав в руке пакетик, побрел по улице вдоль чужого длинного забора...

Домой он пришел поздно вечером; глаза у него распухли от слез, к коленкам пристала свежая глина.

Бабкин пакетик он положил к себе под подушку и, закрывшись с головой одеялом, подумал: "Не придет утром бабка!"

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ ВОЛЬКИ

Волька всю зиму жил в детском саду, и только на воскресенье его брали домой. Весной его мама, Дарья Ивановна, устроилась поварихой в детском доме за городом и в первую же субботу привезла к себе Вольку. Они приехали под вечер. Солнце золотило широкую аллею, и Волькина матросская шапка с черными ленточками весело мелькала в кустах.

Вдруг Волька остановился, широко раскрыл голубые глаза и оглянулся на мать:

- Ребята, мама!

На террасе большого белого дома сидели ребята. На длинных столах, покрытых голубой клеенкой, блестели белые чашки. Ребята ели творог, политый медом, и запивали его молоком. Волька подумал, что это ребята из его детского сада, и радостно замахал руками:

- Ребята!

Ребята вскочили.

- Смотрите, какой мальчик! Чей это?

Две девочки быстро нырнули под стол, вылезли с другой стороны и, прыгая по лестнице, побежали навстречу Вольке.

А через минуту Волька уже сидел рядом с ними за столом, чинно сложив за спиной руки. А когда воспитательница Клавдия Ивановна положила ему на тарелку творог и налила чашку молока, он поднял вверх обе ладони и, поворачивая их над головой то вправо, то влево, громко сказал:

Молоко, молоко

Выпивается легко.

А творог, а творог

Проскочить никак не мог.

Мы помазали медком,

Проскочил и он легко.

И только после этого Волька принялся за еду. Он поел, вытер ладошкой молочные капельки на покрасневшихся щеках, оглядел ребят и лукаво сказал:

- А это не наш детский сад, это другой. Я сюда только на выходной день приехал!

Дарья Ивановна жила в маленькой светлой комнатке, рядом с детдомовской кухней. Дарья Ивановна вставала рано. У нее было много дел по хозяйству. Нужно было пойти на скотный двор помочь молоденькой девушке Насте подоить детдомовских коров, потом получить продукты из кладовой, приготовить завтрак, нарезать ломтиками белый и черный хлеб.

Волька встал вместе с Дарьей Ивановной. Он проснулся даже раньше матери и несколько раз подымал с подушки свою светлую, пушистую, как одуванчик, голову, а когда мать открыла глаза, сейчас же вскочил и стал одеваться. Одевание было трудное. Просовывая в петли пуговики, Волька громко сопел и тихо приговаривал:

- Ну, полезай, застегивайся!

Дарья Ивановна схватила сына на руки, звонко расцеловала в обе щеки, пошлепала по крепкой спинке, застегнула ему лифчик. Потом налила в таз свежей воды, ополоснула Вольке лицо, насухо вытерла полотенцем и, взяв в руку большую корзину, сказала:

- Ну, пойдём на работу!

На дворе еще не было солнца. От мокрой травы и свежего утреннего ветерка у Вольки покраснел нос, он поежился и просунул в теплую ладонь матери свою холодную ручонку.

- Замерз? Ну сейчас согреешься, - сказала Дарья Ивановна.

Они прошли на скотный двор. Там стоял большой кирпичный дом с маленькими окошками и большими дверями.

- Это коровкин дом, - сказала Вольке мать.

В коровнике было тепло и сухо. От светлых загоронок, где стояли детдомовские коровы, пахло парным молоком, соломой и еще каким-то теплым коровьим духом.

Веселая черноглазая Настя подхватила Вольку на руки, потрепала его за толстые щеки, подула на пушистую головушку.

- Ах ты дуван-одуван! В гости к нам приехал! Масленок этакий! Как из-под сосенки выскочил!

Вольке понравилась Настя: он прятался за мать, лукаво выглядывал и опять прятался, но играть Насте было некогда. Дарье Ивановне тоже было некогда. Они обе отошли к окну и стали что-то записывать в клеенчатую тетрадь. Волька заглянул за перегородку. Там на

чистой подстилке из соломы лежала большая светло-шоколадная корова Милка. Не обращая внимания на мальчика, она медленно жевала сено.

- У-у, какая! - удивленно сказал Волька и, прижимаясь к стенкам, осторожно обошел корову со всех сторон, дотронулся пальцем до мягкой шерсти, заглянул в умные и грустные глаза Милки, прикрытые прямыми черными ресницами, и глубоко вздохнул. - У-у, какая! - Потом присел на корточки подальше от длинного хвоста с кисточкой и замер, боясь пошевелиться.

Вошла Настя в белом переднике, с чистым полотенцем и с подойником. Корова повернула голову, радостно замычала и тяжело поднялась на ноги. Волька испугался, попятился к двери.

- Сиди, сиди! Она смирная, - сказала Настя.

Волька вернулся.

Настя обмыла теплой водой полное, налитое вымя Милки и, присев на скамеечку, начала доить, ласково приговаривая:

- Я тебе травушки изумрудной, зелененькой, я тебе пойлица густого да жирного, хлебушка свежего, сольцы крупитчатой, а ты мне, голубушка, молочка хорошего на маслице свежее, на густые сливочки. - Голос у Насти был певучий и нежный.

Струйки молока, сбегая в подойник, журчали, как тихая музыка; Милка стояла смирно и, повернув к Насте голову, слушала. Волька, сидя на корточках позади Насти, тоже слушал и шевелил губами, повторяя про себя ее слова. Потом ресницы у него сонно захлопали, и чтобы не заснуть, он изо всех сил таращил глаза.

Струйки молока делались все тоньше, потом журчание их сразу прекратилось. Волька вскочил, заглянул в подойник и сказал:

- Пена... А где молочко?

- А молочко под пеной. Вот процежу - выпей тепленького. Коровки свежую траву едят, сладкое молочко, душистое... А Милка у нас самая лучшая корова, рекордистка.

Молоко действительно было сладкое и душистое. Волька выпил целую чашку и пошел с матерью в кладовую. В кладовой высокий старик Дмитрий Степанович не спеша отвечивал продукты. Он клал на большие весы буханки черного хлеба, потом белые батоны, потом крупу, сахар, масло. Волька внимательно смотрел, как двигается по каким-то черточкам железка, - весы опускаются вниз, а Дмитрий Степанович записывает что-то в тетрадь.

- Снимайте.

Дарья Ивановна с Настей укладывают продукты в корзину и уносят на кухню.

Из кладовой Волька долго не уходил. Когда Дмитрий Степанович отвернулся, он встал на весы, подвигал железку и тихонько сказал:

- Два кило двадцать.

- Чего двадцать? - усмехнулся Дмитрий Степанович.

Волька склонил набок голову и застенчиво улыбнулся:

- Крупы.

- Крупы? В тебе? Много ж ты, брат, каши съел! - Дмитрий Степанович поправил на толстом носу очки и добавил: - Видно, хорошим работником будешь!

Волька вдруг поднял палец и к чему-то прислушался. Во дворе громко мычали коровы.

- Коровы песни поют! - радостно крикнул он и бросился к порогу.

* * *

Зарядку Волька делал вместе с ребятами. Пристроившись в конце младшей группы, он старательно делал все, что показывал большой мальчик с красным галстуком.

- Молодец, Волька! - хвалили его ребята.

Завтракал и обедал Волька тоже с ребятами за общим столом на террасе. Все наперерыв звали его сесть рядом, но Клавдия Ивановна сказала:

- Пусть сядет там, где сидел вчера.

И Волька послушно уселся на вчерашнее место.

* * *

После обеда Волька крепко спал. Его разбудили ребята. Они стояли посреди двора с корзинками и тихо разговаривали с Дарьей Ивановной.

- Дарья Ивановна, дайте нам Вольку! Мы с ним в лес пойдем за ягодами.

- Пойду! Пойду! - закричал из кровати Волька.

Девочки дали ему маленькую корзиночку.

В лесу пели птицы. Все казалось Вольке в легком зеленом свете, и как ни запрокидывал он голову, за ветками и листьями не видно было неба. А внизу была густая трава, она цеплялась за ноги, и Волька падал. Падать было мягко и весело. Ребята бросались поднимать Вольку, а он нарочно падал и звонко смеялся.

Потом одна девочка крепко взяла его за руку и сказала:

- Не балуйся. Пойдем лучше ягоды искать!

А другая девочка спросила:

- Ты знаешь, Волька, какая земляника?

- Красненькая и сладкая, - сказал Волька и причмокнул языком.

Под большими пнями в густой траве покраснели ягоды.

- Сюда, сюда, Волька! - кричали вокруг ребята. - Разгребай руками траву, смотри, вот она ягодка!

Волька потоптался на одном месте, присел на корточки. Несколько рук совали ему в рот ягоды, он отбивался и кричал:

- Я сам! Я сам!

- Ребята! Пусть сам. Он сам хочет сорвать.

Волька шарил в траве, а ребята стояли вокруг и громко радовались, когда он находил ягоду.

Щеки у Вольки покраснелись, рот, измазанный красным соком, улыбался, голубые глаза удивленно и радостно смотрели вокруг.

По дороге домой ребята по очереди несли его, складывая руки "креслицем". Волька болтал ногами и без умолку говорил о ягодах, о больших весах Дмитрия Степановича, о птичках и деревьях... А потом замолкал и, склонившись на чье-нибудь плечо, издавал вдруг длинное и нежное мычание.

* * *

Вечером в детском доме был вечер самодеятельности. Волька сидел в первом ряду с Дарьей Ивановной и Настей. Дмитрий Степанович тоже пришел послушать, как выступают ребята. Они пели песни, читали стихи, плясали.

Клавдия Ивановна вдруг сказала:

- А Волька, наверно, тоже знает какую-нибудь песенку или стихи. Скажи нам, Воленька!

Дарья Ивановна тихонько подтолкнула Вольку.

- Ну, скажи, сыночек, что знаешь!

Волька боком полез на сцену. Клавдия Ивановна подняла его и поставила на середину. В зале стало очень тихо. Все ждали.

Волька постоял, подумал. Потом вдруг присел на корточки и затянул нараспев тонким комариным голоском:

- Я тебе травушки изумрудной, зелененькой, я тебе попилица густого да жирного, хлебушка свежего, сольцы крупитчатой, а ты мне, голубушка, молочка хорошего на маслице свежее, на густые сливочки.

В зале все зашевелились. Ребята полезли на стулья, чтоб лучше видеть маленькую фигурку на сцене. Потом все захлопали, захохотали, зашумели:

- Еще! Еще!

Черноглазая Настя, звонко хохоча, вытирала кончиком платка слезы. Волька, сидя на корточках, улыбался со сцены смущенной и радостной улыбкой.

* * *

На другой день утром Дарья Ивановна сказала, что выходной кончился, и отвезла Вольку в детский сад. Ребята пробовали просить ее оставить сынишку хоть на недельку, но она решительно отказала:

- Нельзя, нельзя! У него своя работа. Он в детском саду и лепит, и рисует, и музыке учится, а дача у них в Сокольниках не хуже нашей. Вот на выходной день опять я его возьму.

Ребята долго смотрели вслед Вольке. И пока на широкой аллее была видна синяя матросская шапка, они все махали руками и кричали:

- Приезжай, Волька!

А из-за желтых сосен доносился до них веселый, полюбившийся всем голосок:

- В выходной при-еду!

ОТЦОВСКАЯ КУРТКА

Куртка была черная, бархатная, карманы ее топорщились, в глубоком мягком рубчике отливали серебром круглые пуговицы. Сидела она на отцовских плечах крепко, туго обхватывая широкую грудь.

- Папаня, а папаня! Отдай мне эту куртку. Ты, гляди, уже старый для нее, - с завистью говорил Ленька, обдергивая свой коротенький пиджачок и приглаживая вихрастую голову.

- Я стар, а ты больно молод, - отшучивался отец.

Ленька и правда был еще молод. Он учился в четвертом классе, но в семье был старшим. Кроме того, с ним водился соседский Генька. А Генька уже год назад кончил семь классов школы и теперь работал на селе в пожарной команде. Но пожаров в селе не было, зачастую даже дым не поднимался из труб. Шла война, и в колхозе спешили с уборкой урожая. Ленькин отец возвращался домой поздно, при свете фонаря долго возился во дворе и, озабоченно поглядывая на сына, говорил:

- Ты, брат, гляди, приучайся к делу. Я не сегодня-завтра на фронт уйду. Большаком в семье останешься!

- "Большаком"! - усмехался Ленька. - Стану я еще связываться! Одного Николку по затылку стукнешь, и то к матери побежит жаловаться.

- А ты не стучай. Большак - это делу голова, а не рукам воля! Много я тебя по затылку стучал?

* * *

В день проводов отца в избе шла кутерьма. Мать, как потерянная, хваталась то за одно, то за другое, стряпала, пекла, наспех укладывала в сундучок какие-то вещи. Отец вынимал их и отдавал ей обратно:

- Убери. Не в гости еду.

Увидев в руках матери бархатную куртку, он посмотрел на Леньку, усмехнулся и ласково сказал:

- Носи, большак!

Ленька вспыхнул и застеснялся.

- Да куда она ему! - всплеснула руками мать. - Не дорос ведь!

- Дорастет, - уверенно сказал отец и погладил мать по плечу. Помощником тебе будет!

Уложив сундучок, отец обвел взглядом просторную избу, присел на край скамьи и сказал:

- По русскому обычаю, посидим перед дорогой.

Мать поспешно усадила детей и села с ними рядом, придерживая рукой трехлетнюю Нюрку. Все притихли. Ленька посмотрел на отца, и горло у него сжалось.

"Как же мы одни будем?" - подумал он, поняв вдруг, что отец действительно уезжает далеко и надолго.

* * *

Прощались у околицы. Отец спустил с рук Нюрку и троекратно поцеловался с матерью.

- Прости, коль сгоряча обидел когда...

Низко, без слез, поклонилась ему мать:

- За все, что прожито, за все, что нажито, спасибо тебе, Павел Степанович!

Женщины подхватили ее под руки, и Ленька вдруг услышал тонкий плач с разноголосыми причитаниями.

Лицо у отца дрогнуло. Он махнул рукой, вынул туго сложенный платок, обтер им лоб, щеки и подозвал Леньку:

- До Веселовки проводишь меня.

Шли молча.

Ленька, в наброшенной на плечи отцовской куртке, размахивая длинными рукавами, то и дело поворачивал тонкую шею, чтоб взглянуть на отца. Но отец о чем-то думал и время от времени тяжело вздыхал.

- Ты вот что... пять человек вас у матери... - Он замолчал, не находя простых и нужных слов, которые хотелось сказать сыну.

- Ты просись к пулемету. Чуть что - сотню немцев уложишь, озабоченно сказал вдруг Ленька.

- Там знают куда... - рассеянно ответил отец.

Ленька испуганно посмотрел на его круглое доброе лицо.

- А ежели в штыковой пойдешь... - шепотом сказал он и замер, глядя широко раскрытыми глазами в лицо отца.

- Ну-ну, - ласково усмехнулся тот.

Ленька бросился к нему на шею:

- Папка, вернись! Живым вернись!

Теплыми ладонями отец оторвал от своей груди голову сына и заглянул в его глаза:

- Мать береги.

Мелкие капли дождя сеялись на размытую лесную дорогу. По краям топорщились голые осенние кусты. В мутных лужах мокли опавшие листья.

Отец крепко держал за руку сына.

- Солому внесите, а то дожди намочат... Дров заготовьте на зиму...

Отец останавливался, крепче сжимая маленькую жесткую руку.

- Слышь, Ленька!

- Слышу, папаня.

* * *

Жизнь пошла по-новому. Один человек ушел из дому, а семья осиротела. За столом пустовало место, не вздрагивали половицы от тяжелых отцовских шагов, на дворе не слышался голос хозяина. Мать постарела, осунулась, сняла с окон нарядные занавески, убрала со стола скатерть. Думая об отце, она устало покрикивала на младших детей или, сидя на лавке и покачиваясь из стороны в сторону, тихонько причитала:

- Ушел мой голубчик, ушел мой милый...

Ленька подсаживался к ней, неумело утешал ее, обнимал за шею:

- Ну ладно тебе... Говори, чего делать-то, а, мамка? Воды принести иль дров наколоть?

Отцовскую куртку Ленька носить не стал, а аккуратно сложил рукав к рукаву, отдал матери и сказал при этом так же, как отец:

- Убери. Не в гостях я.

Работы у него стало много. Утром, торопясь в школу, он окидывал хозяйским глазом двор.

"Солому внесите, а то дожди намочат", - наказывал отец.

Солома все еще не была внесена. Скотина растаскивала ее по двору, втаптывала в грязь.

- Николка, - кричал Ленька младшему брату, - переноси солому помаленьку! Я приду, сам dokonчу.

Николка лениво почесывал затылок.

- Кому говорю?! - кричал Ленька, хлопая калиткой.

В школе он слушал невнимательно, нетерпеливо ждал конца урока; по стеклам барабанил дождь, в хозяйственных заботах расплывались мысли:

"Поглядеть бы, на чердак слазить, не протекает ли крыша где..."

Татьяна Андреевна вызывала его к доске. Ленька тер лоб и не мог вспомнить заданного урока.

- Не выучил? - мягко спрашивала учительница.

- Учил, - отвечал он грустно, - да перезабыл, видно.

После школы до самого вечера Ленька возился во дворе: таскал солому, лазил на чердак, с грохотом сбрасывал оттуда доски и, вооружившись топором, полез на крышу сарая. На шум из избы выбежала мать:

- Батюшки мои! Никак, сарай разгораживает! Да ты что делаешь? Кто за тобой чинить будет?

- Сам починю! Перепрели ведь доски-то... Новые ставить надо, пробурчал Ленька.

- Слезай, тебе говорю! Одних штанов передерешь бог весть сколько!

Ленька обиженно швырнул на землю топор, сложил доски и ушел в избу.

"На отца небось не кричала бы..."

И тихо огрызался, когда мать выговаривала ему, что он берется не за свое дело, а вот забить в сарае дырку, чтоб не выскакивал оттуда поросенок, - это его допроситься нельзя.

- Все только о поросенке думаешь, а что двор разваливается, так ничего?

Ученье шло плохо. Вечером, положив голову на раскрытую книгу, усталый от хозяйских забот, Ленька крепко засыпал, и снился ему обновленный двор, с новыми крашеными воротами, где он, большак Ленька, встречает вернувшегося отца.

А в школе, держа перед собой его тетрадку, Татьяна Андреевна хмурила густые темные брови и, пылливо глядя ему в глаза, говорила:

- Ленишься ты, что ли? Не стыдно тебе, Леня?

* * *

Захрустела на зубах сладкая, подмороженная рябина. Застыла обледенелая земля, вытянулись и побелели голые кусты. Ночью выпал снег. Село стало ослепительно белым, праздничным. И у Леньки на душе был праздник. Он шел с почты, пряча за пазухой нераспечатанное письмо. Это было первое письмо от отца, и Ленька торопился домой, чтобы прочитать его вместе с матерью.

Из-за угла выскочил соседский Генька и, вытащив из-под полы что-то длинное, завернутое в мешок, таинственно сообщил:

- Ружье достал. Зайцев стрелять пойду.

- Зайцев? - Ленька усмехнулся. - Да их и нету нигде сейчас.

- Нету? - Генька нагнул голову и зашептал ему на ухо: - Куда ни повернись - зайцы!

- Да на что они тебе? - удивился Ленька.

- Как - на что? Мясо есть будем, а из шкуры шапку сделаю!

- Шапку? - переспросил Ленька, припоминая, что отец тоже собирался пойти на зайцев, чтобы делать ребятам шапки.

- Ну да, шапку! - обрадовался Генька. - Что ни заяц, то шапка! Пойдешь?

- Ну тебя... - засмеялся Ленька. - Что мне, делать, что ли, нечего? Вот от отца письмо пришло! - похвалился он, ощупывая конверт.

* * *

В письме отец обращался к Леньке, как к взрослому, называя его большаком. Читая, Ленька кивал головой и вставлял от себя: "Ладно!"

Он гордился, что отец доверял ему и надеялся на него. Описание первых боев, в которых уже участвовал отец, наполняло Леньку гордостью.

"Будем бить до последнего конца", - писал отец.

"Точно", - сжимая кулаки, отвечал ему Ленька.

Мать слушала письмо, собрав вокруг себя всех детей. В письме отец спрашивал про каждого, называя Нюрку Анной Павловной. Анне Павловне было три года. Она чмокала пухлыми губами, терлась об юбку матери и заглядывала ей в лицо. Двух девочек-двойняшек звали в семье общим именем Манька-Танька.

Беленькие курносенькие двойняшки всюду ходили, держась за руки, ели из одной миски, тихо играли за широкой кроватью, шепотком о чем-то советуясь друг с другом. Плакали они и смеялись тоже вместе. Стоило одной засопеть носом и всхлипнуть, как другая широко раскрывала глаза и раздражалась громким плачем.

Глядя друг на дружку, они могли часами выть на всю избу. И теперь, не сводя глаз с матери, они как будто только и ждали знака, чтобы присоединить к ее слезам свой дружный рев. Восьмилетний Николка, старший после Леньки, услышав свое имя, ежился от смущения и виновато косил по сторонам голубыми глазами.

- Разрюмился! - презрительно бросил ему Ленька. - Только и умеешь, что хныкать.

Он был недоволен, что Николка мало помогает ему в хозяйстве и лениво выполняет его приказания. Слушая письмо, мать всплакнула, а двойняшки залились громким плачем. Чтение было прервано; Ленька схватил обеих сестер, посадил их на колени и, топая ногами, загудел на всю избу:

- Ду-ду-ду! Поезд идет!

Двойняшки, подпрыгивая, стучались лбами. Плакать им было некогда. Подкинув несколько раз, Ленька поставил обеих на пол и снова принялся за чтение письма. После этого он долго ходил по избе, обдумывая все свои дела и чувствуя необходимость сейчас же, немедленно проявить себя большаком и хозяином.

- Что ты как маятник, прости господи! - сердилась мать.

- "Маятник, маятник"!.. - ворчал Ленька, выволакивая из-под лавки старый ящик с пыльными прошлогодними валенками. - Зима на дворе - вот что!

- Сама знаю, что зима, - вздыхала мать, перебирая вместе в Ленькой смятую старую обувь. - Давно ли отец покупал? Не напасешься на вас!

Ленька вытащил драгву и неумелыми руками пытался чинить перепрелый войлок.

- Шапки у Николки нету... Прошлогодняя изнасилась совсем. В чем ходить будет? - задумывалась мать.

- Найдем! - хмурился Ленька и, забравшись на печь, долго сидел, обхватив руками острые коленки.

"Что ни заяц, то шапка, - вспоминались ему Генькины слова. - Пойти надо", - решил он, прикрывая ладонью тяжелые веки.

* * *

На последнем уроке Татьяна Андреевна подошла к Лене и сказала:

- После обеда зайти ко мне домой.

Идти Леньке не хотелось. Еще на той неделе с большим трудом выволок он из сарая тяжелый ящик с гвоздями и инструментами, отобрал в сарае годные доски и отточил топор. Сделал он это потому, что в своем письме отец писал: "Кончится война... Вернутся домой люди. Сядем мы с тобой, Ленька, на трактор и промчимся мимо наших ворот в колхозное поле..."

Ленька представил себе отца в военной одежде, гордо восседающего на тракторе, и озабоченно оглядел свои ворота... Обитые дождями доски почернели и перекошились, посередине зияла черная дыра...

"Как же, промчишься мимо таких ворот! Починить бы их надо..." подумал Ленька и побежал отбирать доски. Теперь уже несколько дней доски валялись посреди двора, рядом были брошены топор и рубанок, а около крыльца мокли под дождем гвозди...

Мать, натыкаясь на ящик с гвоздями и разбросанные по двору доски, сердилась на Леньку:

- Бессовестный! Людям пройти нельзя! На безделье дела себе ищет. Никакого покоя нет от тебя!

Ленька молчал и не сдавался. Ходил советоваться к кузнецу, лазил с топором и гвоздями, засорял двор стружками. Отрываться сегодня от работы ему не хотелось, да и боялся он идти к Татьяне Андреевне, так как сам знал, что с учебой у него неладно. Но делать было нечего.

И теперь, сидя в комнате учительницы на знакомом низеньком диванчике, Ленька испытывал томительное беспокойство. Школьные тетради, лежащие горкой на столе, вызвали в нем неясную тревогу. Увидев себя в круглом стенном зеркале, он испугался, поплевал на ладонь, пригладил вихрастые волосы, одернул курточку и, повернув голову, стал прислушиваться к голосу Татьяны Андреевны, которая разговаривала в кухне со своей матерью.

Голос был ласковый, и приветствие, которым встретила Леньку учительница, тоже не предвещало ничего неприятного. Она сказала:

- Здравствуй, Леня. Посиди минуточку.

И все-таки беспокойство разъедало Леньку - он чувствовал себя неуверенно и, держа между колен шапку, тяжело вздыхал.

В прошлом году в этой самой комнате они с отцом пили чай. Отец осторожно ставил на блюдце чашку и, когда Татьяна Андреевна хвалила Леньку, напускал на себя строгость, а Леньке было отчего-то смешно: он смотрел на угол с зеленой лесенкой, заставленной цветочными горшками, и думал, что было бы, если бы он, Ленька, вдруг оступился и сшиб все эти горшки на пол или поскользнулся бы на блестящем крашеном полу и сел мимо стула.

Теперь Ленька ни о чем не думал, он сидел один и даже радовался, что отца с ним нет, так как хвалить его было не за что.

Татьяна Андреевна вытерла полотенцем мокрые руки, присела на стул и ласково сказала:

- Ну, теперь рассказывай, как вы там живете? Как без отца справляетесь?

Лицо у нее было спокойное, с круглой ямочкой на щеке; когда учительница сердилась, эта ямочка исчезала, лицо делалось нетерпеливым, голос - отрывистым.

Ребята верили, что правду она узнает по глазам, и врать ей побаивались. Если кто-нибудь начинал уклоняться и путать, Татьяна Андреевна возмущалась.

- Ну, ну дальше? А дальше что? - гневно спрашивала она.

А дальше оставалось только одно - говорить правду.

Ленька хорошо знал это и, чувствуя себя виноватым, оправдываться не собирался. Но вопрос, который задала ему учительница, ободрил его. Он посмотрел на спокойную глубокую ямочку на щеке Татьяны Андреевны и, увлекаясь, начал рассказывать о письме отца, о своих домашних делах.

Раз или два Татьяна Андреевна громко засмеялась, потом чему-то удивилась и перебила его:

- Постой, постой... Я чего-то не поняла. Так ты чинишь ворота? Какие ворота?

- Наши...

- Ваши? - Татьяна Андреевна сморщила лоб. - А мать не хочет? Почему не хочет?

Ленька покраснел, дернул носом.

- А кто ее знает...

Татьяна Андреевна вдруг очень серьезно и неожиданно сказала:

- Это все хорошо. Заботиться о хозяйстве нужно...

Она взяла Ленькину руку с черными поломанными ногтями:

- А нужнее всего, Леня, не запускать учебу. Учиться...

Ленька Поспешно спрятал руки, растерянно поглядел на горку школьных тетрадей и, опустив голову, зажмурился.

Но учительница не встала, не подошла к злополучным тетрадям, не вытащила из кипы одну из них с надписью: "Леонид Чистяков". Она говорила совсем не так, как он предполагал. Не бранила его, не сердилась, говорила спокойно. Она надеялась, что Леня ее поймет.

- Один урок плохо сделан, другой... Вот и накопилось. Что-то прослушал, что-то не дослушал, а подогнать трудно, и самому неприятно. А когда каждый день понемножку, петелька за петельку цепляется... - мягко говорила она. - Я, Леня, по себе знаю.

Ленька кряхтел, соглашался. Говорить ему было нечего. У него уже накопилось много

запущенных уроков. Правда. И на душе от этого тягостно, и подогнать трудно. Все правда.

- Я налажусь, Татьяна Андреевна! Честное пионерское, налажусь! горячо сказал он и тут же начал припоминать все, что забыл или просто не выучил.

Потом пили чай в маленькой теплой кухоньке. В окна бился снежный ветер. Пузатенький говорливый самоварчик дышал в лицо теплым паром. Мать Татьяны Андреевны называла Леньку внучком и советовалась с ним о хозяйских делах. Он уверял ее, что ему два-три кубометра дров ничего не стоит переколоть в один день.

Татьяна Андреевна смеялась.

* * *

Вечером Ленька вытащил все свои книжки, разложил их перед собой, и долго видела Пелагея, как торчала над столом его вихрастая голова. Спать он лег веселый: не так уж были страшны те долги, что накопились у него за это время.

А утром кто-то тихонько постучал в окно.

Ленька увидел широкий Генькин нос, приплюснутый к стеклу, и выскочил на крыльцо.

- Следы на опушке! - с таинственным видом зашептал Генька.

Ленька кивнул головой и побежал одеваться.

* * *

Резкий ветер продирался сквозь лес, колючей снежной крупой хлестал молодой ельник и со свистом мчался по полю, обнажая на болотах серую корку льда.

Генька в ушанке, высоких сапогах и тулупе, туго подвязанном ремешком, согнувшись, шагал по полю, держа под мышкой ружье. Глаза его обшаривали каждый кустик. Ленька с трудом пробирался за ним. В худые валенки набился снег. Ветер трепал отцовский шарф на Ленькиной шее.

- Есть? - нетерпеливым шепотом спрашивал он товарища.

- За болотом они, видно, за кочками, - отвечал Генька, выпрямляясь и прибавляя шаг.

Ленька в школу не пошел. Он решил прямо с охоты, с убитыми зайцами за поясом, прийти к Татьяне Андреевне и объяснить, почему не был на уроках.

Светало, когда они с Генькой вышли из своих дворов. Время шло быстро. Синеватый белый день давно уже клубился над селом, а приятели все еще в напрасных поисках кружили по полю. Морщась от резкого ветра и закрывая варежкой лицо, Ленька тяжело плелся за товарищем. Между кочками, покрытыми прошлогодней осокой, под тонким ледком стояла мутная вода. Из-под Генькиных сапог она вместе со стеклышками льда выплывала наверх. Ленька, прыгая с кочки на кочку, оступился и попал ногой в Генькин след. Острая ледяная струя охватила пальцы, в коленках заломило. Ленька вытащил из валенка ногу, стянул мокрый носок и безнадежно оглянулся: домой бы, на печку. Пальцы ныли от холода. Ленька беспокоился и думал: "Может, врет Генька! Что он в охоте понимает? Отец и тот один не ходил, а все, бывало, с колхозным пастухом... Посоветоваться бы с кем, как их, зайцев-то, стрелять, да боязно: скажут матерям и ружье отымут..." Ленька остановился.

- Слышь, Генька... Обмерз я совсем. Может, ты все наврал про зайцев-то?

Но Генька не врал. Что-то грязно-белое вдруг пушистым комочком подпрыгнуло за кустом. Ленька увидел прямые острые уши и, забыв обо всем, схватил Геньку за руку. Генька с размаху плюхнулся прямо в болото. Заяц высоко подбросил ноги и мгновенно исчез. У Леньки зарябило в глазах.

- Стреляй, что ль! - с отчаянием крикнул он.

- В кого? - Генька с досадой плюнул в сторону. - Ушел проклятый...

* * *

Домой шли мимо школы. Ленька молчал и едва волочил ноги. Генька, несмотря на упущенного зайца, торжествовал:

- Говорил я тебе, есть зайцы! Поймаем!

Времени у Геньки было достаточно. В пожарке по-прежнему работы не было.

- Не сегодня-завтра все зайцы наши будут!

Кареглазый румяный парнишка с сумкой под мышкой вышел из школы и подбежал к

Леньке:

- Тебя Татьяна Андреевна спрашивала... Ты где был?

- Где был, там нету, - еле двигая синими губами, ответил Ленька. - На печи не сидел небось...

Генька хвастливо повертел в воздухе ружьем.

Егорка свистнул, оттопырил нижнюю губу и покачал головой.

- Шатаетесь? - как бы с сожалением сказал он.

Ленька вскипел:

- Это ты, может, шатаешься! У меня семья на шее!

Егорка с любопытством взглянул на него.

- Обмерз ты... - вместо ответа сказал он и, повернувшись, зашагал в другую сторону.

На пороге своей избы Ленька лицом к лицу встретился с матерью.

- Батюшки! Побелел весь! Бродяга этакий! Шарф на тебе колом стоит!

- Иди ты еще! - грубо ответил Ленька, отстраняя ее. - Отстань от меня!

В избе пахло свежее испеченным хлебом.

На горячей печке, укрывшись с головой тулупом, Ленька лежал и слушал, как мать горько жаловалась Николке:

- При отце все - дети. А без отца все - хозяйва. На одно Слово - два. На два - двадцать два!

Ноги саднило. Пальцы распухли и горели. Ленька вспомнил, как в прошлом году в метель и завихуру отец ходил в соседнее село за валенками. Ждали его к вечеру, а вернулся он только под утро. Бросил на лавку мешок, долго стучал ногами, тер снегом отмороженные щеки.

- Заблудился... Метель закружила. Погляди там валенки, мать!

"Достал все-таки, - подумал Ленька. - Эх, убежал заяц! Неужели еще идти?" Голова тяжело опустилась на подушку. В сонных глазах потянулось длинное мерзлое поле... Страшно и зябко было вспоминать о нем.

* * *

На другой день Ленька встал рано и побежал в школу, чтобы еще до уроков встретить Татьяну Андреевну и объяснить ей все. Он ждал ее и волновался. Но Татьяна Андреевна пришла к самому звонку, и объяснение с ней вышло короткое и совсем не такое, как думал Ленька.

- Почему ты не был вчера в школе? - спросила учительница, останавливаясь у Ленькиной парты.

Ленька раскрыл рот, но говорить при ребятах ему не хотелось.

- Я потом... - прошептал он, глядя на Татьяну Андреевну виноватым и умоляющим взглядом.

Ее лицо вдруг стало строже: темные полосы бровей сошлись у переносья, ямочка на щеке исчезла.

Тогда, испугавшись, Ленька тоскливо выдал из себя случайно подвернувшиеся слова:

- Дельце тут одно было... для ребятешек...

- Заболел кто-нибудь? - участливо спросила Татьяна Андреевна.

- Не заболел, а... - Ленька замялся. Потом, наспех припоминая, что хотел сказать учительнице с глазу на глаз, забормотал: - Не заболел, а погода... зима стоит...

Татьяна Андреевна, вскинув брови, смотрела на него с удивлением. Ленька почувствовал ее недоверие и смутился окончательно.

- На болоте они... зайцы-то...

Кто-то громко фыркнул. Татьяна Андреевна гневно обернулась к классу. Ребята обеими руками затыкали себе рты, и беззвучно тряслись от хохота.

- Леня! - мягко сказала Татьяна Андреевна. - Я не понимаю, что с тобой? Объясни мне толком.

Ленька стоял перед ней красный, бросая исподлобья злые, упрямые взгляды на ребят.

Губы его были крепко сжаты, он молчал. Татьяна Андреевна ждала. В классе наступила тишина. И вдруг поднялся Егорка. Его круглое лицо выражало и досаду, и сочувствие к растерявшемуся товарищу.

- Скажи правду - и к стороне, - дружески кивнул он головой.

Ленька оторвался от парты.

- Я не вру! - крикнул он, тяжело дыша.

- Не врешь? - медленно переспросил Егорка. - А с пожарным Генькой где шатался?

Ленька побелел. Веснушки желтыми пятнами проступили на его щеках.

- А... ты вот что! "Шатался"! - крикнул он и рванулся к Егорке.

Татьяна Андреевна положила руку на его плечо.

- Довольно! - сказала она.

Ленька испуганно посмотрел ей в глаза.

- Я до сих пор верила тебе, Леня. - Она сняла руку с его плеча и отошла.

Ленька в смятении хотел броситься за ней, остановить ее, но ноги его приросли к полу, и, когда Татьяна Андреевна была уже около стола, он с отчаянием крикнул:

- Я зайцев ходил стрелять!

Тишина в классе прорвалась взрывом дружного смеха. И, поняв, что произошло что-то нелепое и безнадежное, Ленька тяжело опустился на парту. Ему не хотелось больше оправдываться. Все равно ему никто не поверит. Он сидел, облокотившись на спинку парты, макал в чернильницу промокашку и мазал чернилами ногти. Ребята фыркали, переглядывались.

Но Татьяна Андреевна не замечала Леньки и не интересовалась его поведением. Она объясняла урок обычным, ровным, спокойным голосом.

* * *

Вечером к матери забежала соседка Паша.

- Хоть обижайся, хоть не обижайся, а прямо тебе скажу, Поля, распустился твой парень, дальше ехать некуда, - тараторила она, дергая на шее концы платка. - Нынче мой из школы пришел, рассказывал, как Ленька перед учительницей осрамился!

- Батюшки! - испугалась Пелагея и, опустив голову на руки, заплакала. - Одна я, одна... И помочь-то мне некому.

- Некому, некому! - торопливо подтвердила Паша. - Не помощник тебе твой парень, прямо скажу.

Мать, глядя перед собой усталыми, заплаканными глазами, тихо жаловалась:

- Что день, что ночь - болит душа...

- Болит, болит! - точно обрадовалась Паша. - И за самого болит, и за мальчишку болит.

Плач матери Ленька услышал еще в сенях и, не отряхивая с валенок снега, ввалился в избу.

- Мам!..

Он вопросительно посмотрел на Пашу.

Она вытерла двумя пальцами губы.

- Себя спрашивай... - и, повернувшись, со вздохом вышла.

Ленька подошел к матери. Ему хотелось рассказать ей все, что произошло с ним в школе, пожаловаться на ребят, на Егорку, но она тихо плакала, отвернувшись от него; в Пашиных словах он чувствовал какое-то обвинение и не решался спросить. И только, охваченный жалостью, робко повторял:

- Мам... мам...

- погоди... Найдется на тебя управа. Все отцу напишу, - неожиданно сказала мать.

* * *

Забившись на печь, Ленька сочинял отцу письмо. Слова подбирались жалостные: "Все на меня, папаня, нападают, а я старался, чтоб по-хорошему было..."

Он достал из тетради чистый лист, присел к столу и, опершись на локоть, слушал сонное дыхание матери, посапывание сестер и храп Николки. К ночи все события смешались

у него в голове, он даже хорошо сам не знал, что с ним случилось. Вспоминался почему-то чай у Татьяны Андреевны за чистым уютным столом, вспоминалось длинное мерзлое болото, прямые заячьи уши, а над всем этим - доброе озабоченное лицо и большая теплая отцовская рука.

"Я, папаня, не могу большаком быть. И ты на меня не надейся..."

Ленька вытер ладонью глаза и положил перо. Получит отец письмо. Холодно в землянке. Страшно. Кругом враги. И письмо от сына нерадостное. Обещал Ленька быть большаком и обманул. Там, в лесу, обещал и обманул!

Ленька торопливо обмакнул перо в чернила и жирной чертой три раза перечеркнул написанное.

"Стараюсь я, папаня, как могу. Обо мне не думай. Я все стерплю..."

Ленька прочитал эти строчки, снова зачеркнул их, достал новый лист бумаги и написал по-другому:

"Живем мы, папаня, хорошо..."

И, бросив ручку, полез на печь. Закрывшись рукавом, он горько заплакал: "Некому и сказать-то о себе, пожаловаться некому..."

* * *

Ленька не ходил в школу. С утра он брал свою сумку и бежал к Геньке. По дому он тоже ничего не стал делать, а когда мать уходила в колхоз, он слонялся из угла в угол, забавлялся с Нюркой. Пробовал от безделья учить двойняшек. Учеба эта кончалась визгом на всю избу.

- Ты Маня, а ты Таня - вот и нечего вам под одним именем ходить. Садись одна палочки писать, а другая картинку красить!

Двойняшки отчаянно цеплялись друг за дружку.

- Пускай вместе они! Пускай вместе! - заступался за них Николка.

- Уйди! Что, они всю жизнь за ручку ходить будут? Уйди, не мешай лучше!

Николка жаловался матери, и мать обрушивалась на Леньку:

- Всех ребят перемутил! Бессовестный этакий! Игру какую нашел себе!

Ленька уходил, обиженно хлопая дверью.

"Ладно! Отец сам меня над ними назначил! Приедет - все расскажу!"

Ладу в семье не было. Ленька все чаще и чаще загуливался до позднего вечера. Возвращаясь, он боязливо поглядывал на свой двор, опасаясь встречи с Татьяной Андреевной.

Татьяна Андреевна действительно пришла к Пелагее. Узнав от учительницы, что Ленька не ходит в школу, Пелагея растерялась, покраснела и, путаясь в ответах, выгораживала сына:

- Помогает он мне по дому... детишки малые... Не управляюсь я одна с ними!

Учительница качала головой:

- Неправа ты, Пелагея. У всех детишки, а учатся все.

После ухода учительницы мать плакала, упрекала Леньку, а он отмалчивался и горько думал о своей жизни: все напасти сразу свалились на него. Ничего поправить уже нельзя, везде ему стыдно и нехорошо, и сам он ходит обиженный и злой на всех. И ни с того ни с сего реветь ему хочется от такой жизни.

Так и сяк обдумывая свои дела, Ленька не видел другого выхода, как только явиться к Татьяне Андреевне с убитыми зайцами и тем самым доказать ей, что не лгал он тогда в классе и не шатался зря. Этими же зайцами думал он наладить свои отношения с матерью и показать ей, что не пропащий он человек, а большак, хозяин - для семьи старается. Вместе с Генькой ходил он в лес ставить силки, лазил по сугробам, но зайцы не попадались.

- Под вечер ходить надо, - уверял Генька.

* * *

В воскресенье Пелагея собралась в лес за хворостом.

- Пойдем, Ленюшка, а то на гору не втащить мне одной.

- Николку бери, - ответил Ленька.

В этот день он снова сговорился с Генькой идти на зайцев. Генькино ружье было заряжено крупной дробью, а заячьи следы, по словам Геньки, прошли весь лес.

- Куда ни ткнись - везде зайцы! Только сейчас и стрелять их!

Пелагея не взяла Николку. Он остался с младшими детьми - на Леньку мать уже не надеялась.

Повязав голову платком, она впряглась в длинные санки и вышла со двора.

Под вечер Ленька и Генька, измученные лазанием по глубоким сугробам, голодные и злые, возвращались домой. К ночи крепкий мороз туго стянул землю. Дорога шла в гору. Голубые, накатанные санями колеи круто поднимались вверх и исчезали в лесу.

Шли молча. Генька чувствовал себя виноватым, но не сдавался, вертел головой и про каждую ямку в снегу говорил:

- Заяц сидел... его след!

Вдруг Генька увидел большое дупло в старом дубе.

- Вот откуда выслеживать надо! - обрадовался он. - Пойдем?

И, не дожидаясь ответа, шагнул в сугроб. Ленька, набирая полные валенки снега, полез за ним. Дупло было просторное, стенки его обуглились и пропахли дымом. У самого входа был кем-то сложен валежник. Мальчишки присели на него.

- Тут один от волков прятался. Всю ночь костер жег, - сообщил Генька.

- Врешь все, - недоверчиво усмехнулся Ленька. - То зайцы, то волки... - Он вдруг прислушался. На дороге скрипел снег.

Генька выглянул и, легонько свистнув, попятился назад.

- Прячься! Прячься! Мамка твоя идет!

Ленька посмотрел на дорогу. Натянув на груди веревки, Пелагея, нагнувшись всем телом вперед, медленно волокла в гору санки с хворостом. Ноги ее скользили, платок съехал с головы, и влажные волосы покрылись инеем. Она часто останавливалась, с трудом переводя дыхание.

Ленька невольно рванулся к ней, но Генька крепко вцепился в его рукав:

- Дурак! Тебя же ругать будет! Она небось злая сейчас. Они все такие, матери-то. Чуть что потруднее, так сейчас злые делают. И на нас нападают. Моя тоже такая.

Ленька опустил голову и слушал удаляющийся скрип полозьев. Скрип был неровный: то затихающий, то резкий. Леньке казалось, что он слышит трудное дыхание матери. От волнения он и сам дышал глубоко и тяжело.

"Не доведет... Слабая она..." - вертелось у него в голове. Но руки были опущены, онемевшие ноги не двигались.

И только когда фигура матери черной точкой исчезла в синих сумерках, он поднял голову и повернулся к Геньке:

- Пропади ты пропадом со всеми твоими зайцами! В последний раз я с тобой шатался!

* * *

Прошло несколько дней, Ленькино место в классе все еще пустовало. Это пустое место сразу бросалось в глаза Татьяне Андреевне, когда она входила в класс. Ее сердило и тревожило отсутствие ученика. Она припоминала свой разговор с Ленькой дома, потом - неприятное объяснение в классе. Одно как-то не вязалось с другим, и Татьяна Андреевна, пожимая плечами, грустно говорила себе: "Не понимаю". Было очевидно, что Ленька не хочет и боится с ней встретиться.

Она пробовала узнать что-нибудь от ребят, но и они говорили разное:

- Матери помогает...

- С Генькой шатается...

Татьяна Андреевна позвала к себе Егорку. Егорка ничего не знал. Он рассказал только про последнюю встречу с Ленькой, когда тот возвращался с неудачной охоты.

- И чего шатался? - простодушно сказал он. - Обмерз весь... Семья, говорит, большая. А сам с Генькой на зайцев ходит.

- На зайцев?

- Ну да! С ружьем ходит. Все ребята их видели!

Татьяна Андреевна задумчиво посмотрела на Егорку.

- Мне все это узнать надо.

- Я к нему не пойду, - насутился Егорка. - Я тогда про него сказал, он на меня злится теперь.

Татьяна Андреевна села на диванчик и вздохнула. Егорка тоже присел на кончик стула и поглядел на учительницу круглыми карими глазами.

- Ведь он не ходит в класс! - почти выкрикнула Татьяна Андреевна. На щеках ее вспыхнули красные пятна.

Егорка вскочил. За эти пятна на щеках учительницы он решил хорошенько поквитаться с Ленькой.

"Вот я ему дам по шее", - подумал он про себя.

- Да вы не беспокойтесь, Татьяна Андреевна! Не беспокойтесь!

Татьяна Андреевна рассердилась:

- Что ты мне все твердишь: "Не беспокойтесь"! Я тебе говорю, что в классе, там, где сидел твой товарищ, пустое место! А ты мне повторяешь: "Не беспокойтесь, не беспокойтесь"!

Егорка раскрыл рот, но Татьяна Андреевна продолжала:

- А если у тебя в семье за столом нет сестренки или братишки, который должен сидеть тут, рядом с тобой, то ты не беспокоись?

- Так ведь он жив... - робко начал Егорка. - И не болеет, слышно...

- "Слышно"! - рассердилась Татьяна Андреевна. - А что еще тебе слышно?

Егорка потупился.

- Я с ним не дружу, - сказал он.

- Не дружишь? - протянула Татьяна Андреевна. - Тогда конечно... Тебе безразлично... Пускай болеет, пускай умирает, пускай неучем остается...

Егорка молчал.

- Ведь четыре года вы в одной школе вместе сидели. Что же это, по-твоему, ничего не значит? Научу я вас когда-нибудь быть людьми?

Егорка потянул к себе шапку.

- Ребят с собой возьми. Помогите там по хозяйству - может, не справляется он один... Да не говори, что я послала тебя, - провожая его, сказала Татьяна Андреевна.

* * *

Ленька похудел. Не щеках его обозначились скулы, подбородок заострился. Когда, втянув голову в плечи, он проходил по двору или, подперевшись руками, сидел за столом, Николка спрашивал у матери: "Что это он тихий такой?"

После встречи с матерью в лесу Ленька перестал бегать из дому. Он вставал рано, гремел ведрами, наполнял водой кадку и следил за каждым шагом матери, внимательно примечая все, что она делает, и удивляясь тому, что никогда не замечал раньше, сколько у нее работы. Часто, когда мать клала руки на поясницу и с трудом разгибала спину, он подбегал к ней и испуганно говорил:

- Сядь! Сядь!

А она, вместо того чтобы жаловаться, растроганно отвечала:

- Да не устала я, милоч... Ни чуточки не устала...

И гладила Леньку по щеке жесткой от работы ладонью.

По ночам мать тяжело вздыхала. Ей не давало покоя, что Ленька отбился от школы. Она пробовала заговаривать об этом, но Ленька молчал, съеживался и озлоблялся. Тогда мать пыталась хитрить с ним и иногда утром, искоса поглядывая на сына, говорила:

- Батюшки! Время-то, время-то бежит! Девятый час, поди... - и клала перед ним сумку с книгами.

Ленька подходил к окну и, забывшись, смотрел на улицу. Из всех дворов выбегали

школьники. Ленька барабанил по стеклу пальцами, хмурился, о чем-то думал про себя, но в школу не шел.

- Сынок! - окликала его мать.

Ленька вздрагивал, как человек, застигнутый врасплох.

- Сходил бы ты к Татьяне Андреевне, сынок. Повинился бы ей по-хорошему.

- Не в чем мне виниться, - сурово отвечал Ленька и, чтоб прекратить разговор, выходил из избы.

"Выгонит он нас", - тревожно думал Егорка, шагая по улице с соседскими ребятами Степой и Митрошей. Митроша был рослый и крепкий. Степа - тонкий и длинный. Егорка - приземистый и круглолицый. Все трое были неразлучными друзьями и всюду являлись вместе. Зная наперечет семьи фронтовиков, они заходили к ним как свои люди и деловито принимались за работу: кололи дрова, носили воду, перебирали вместе с хозяйками проросшую картошку и, уходя, говорили:

- Если что надо, гукните в школу, мы сразу и придем!

С первого дня войны Митроша, Степа и Егорка вывешивали в колхозной избе-читальне сводки. Переписывали они их крупными печатными буквами и заканчивали всегда одними и теми же словами: "Да здравствует непобедимая Красная Армия!"

Все село знало и любило этих ребят, и везде чувствовали они себя желанными гостями, но сегодня, идя к Леньке, Егорка хмурился и молчал кажется, ни за что не пошел бы он к Чистяковым, если б не Татьяна Андреевна.

Ленька был дома. Он сидел за столом, а мать стояла у печи и, глядя на огонь, вспоминала последнее письмо отца. Было оно писано чужой рукой и послано из какого-то госпиталя. Отец ни на что не жаловался и только короткой припиской сообщал, что малость вышел из строя и лежит в госпитале.

Дверь с шумом хлопнула, и в избу ввалилось трое ребят. Ленька поднял голову и увидел Егорку. Егорка снял шапку и оглянулся по сторонам.

- Мы к тебе, тетя Поля! - улыбаясь, сказал он и поправил за поясом топор. - Вишь, ребята по работе соскучились! Не помочь ли чего по мелочи? Здорово, хозяин! - кивнул он растерявшемуся Леньке.

Пелагея поставила ухват и заволновалась:

- Ишь ты... Скажи пожалуйста... Да кто же это вас прислал-то?

- Мы сами по себе! - весело сказал Егорка.

- Сами сознательные! - буркнул от двери Митроша, подпирая головой притолоку.

Тонконосый длинный Степа вытащил записную книжку и важно сказал:

- Ну, в чем тут нужда? Говори, тетя Поля! Я заявление могу от тебя написать! И сам в район его отнесу!

- Что ты, что ты! - замахала руками Пелагея. - Зачем людей зря тревожить? Время военное. Не мы одни!

Митроша потянулся и потер варежкой нос.

- К делу! Спрашивай, Егорка!

- Чего спрашивать? Сперва снег с крыши скинем - больно много снегу этой зимой... А там, глядишь, и еще какая работенка найдется. - Егорка дружески кивнул Леньке. - Пошли во двор! Лопаты давай!

- Вот-вот... - заторопилась вдруг Пелагея. - Когда б вы мне сарайчик починили: поросенок у меня там в дырку выскакивает. Вот кабы починили - не набегаюсь я за ним...

Ленька бросил на мать сердитый взгляд, надел тулуп и вышел из избы. Сердце его кипело обидой на мать, на ребят, на Егорку. Больше всего на Егорку, державшего себя как ни в чем не бывало. Он не знал, что Егорка, выполняя мудреное задание Татьяны Андреевны, чувствует себя неуверенно и старательно прячет эту неуверенность. Оба исподтишка следили друг за другом. Ленька с ненавистью смотрел, как Егорка, весело насвистывая, подошел к сарайчику, вытащил старые тряпки, которыми Пелагея затыкала большую дыру в стене, шлепнул по носу выглянувшего оттуда поросенка и сказал:

- Хрюшка-то у вас небось по всему двору бегает?

- Выскакивает, выскакивает! - снова подтвердила Пелагея.

Егорка вытащил из сарая доску, повертел ее в руках, примерил и стал обтесывать.

- Гвозди есть?

Ленька пошел в кладовку. Железная крыша трещала под Митрошиными сапогами, по двору сновала длинная фигура Степы, от сарайчика доносились веселое посвистывание и стук топора. Сердце у Леньки сжималось от стыда и обиды, что на его дворе хозяйничают непрошенные гости, тогда как ему, Леньке, ничего бы не стоило сделать все это самому. Он долго копался в ящике с гвоздями и горько повторял:

- Приедет отец - все расскажу!

Митроша вытащил из-под снега промерзшие бревна.

- На починку они тебе не пойдут, - постукав топором по гнилому стволу, сказал он Леньке. - Давай матери на дрова изрубим!

Стиснув зубы, Ленька в сердцах схватил топор и всадил его в бревно. Митроша молча вытащил топор и бросил его на крыльцо.

- Пилу давай!

Окончив работу, мальчики полезли на крышу и потом долго топтались на дворе, отряхивая с валенок и полушубков снег.

- Да, тяжело тебе... Такая семья не шутка, - протянул Егорка, поглядывая на Леньку.

В горле у Леньки заклокотало от злости, и, захлебываясь словами, он хрипло забормотал:

- Моя семья! И никому до нее дела нет! Я большак! Отец меня сам назначил! Сам я и справлюсь здесь!

Он задохнулся и обвел взглядом ребят.

- Справишься так справишься! - безразлично сказал Митроша, хлопая мокрыми варежками. - Пошли, что ли!

Степа косо поглядел на Леньку, обидчиво дернул носом, спрятал в карман записную книжку и шагнул за Митрошей.

- А за помощь... спасибо! - бросил им вслед Ленька.

Егорка облокотился на перила крыльца.

- Ступайте! Я приду потом, - кивнул он ребятам.

Ленька вызывающе посмотрел на него.

- Это ты правильно сделал, - сказал вдруг Егорка.

- Чего? - удивился Ленька.

- Я и сам не люблю, когда мне помогают, - не отвечая на его вопрос, задумчиво сказал Егорка. Он прищурился и помотал головой. - Смерть не люблю!

- А ко мне пришел? - с упреком спросил Ленька.

- Я пришел... - замялся Егорка и посмотрел на Леньку. - Ты вот все... на охоту ходишь.

- На охоту? - переспросил Ленька и, засунув руки в карманы, поглядел на товарища сверху вниз. - На зайцев хожу! А тебе что?

"Увязаться за мной хочет!" - подумал он про себя.

- А не ловятся зайцы-то? - тихо и неуверенно спросил Егорка, чувствуя, что не с того начал и не так ведет разговор, как нужно.

- Ничего! - хвастливо сказал Ленька и, увлекшись, начал рассказывать о своих похождениях. Рассказал и про заячьи уши, которые он чуть руками не схватил, и про силки с зайцами.

Егорка слушал его с улыбкой, щурясь на белый снег; он думал о Татьяне Андреевне: "Что ей скажешь? Зря ведь шатается..." Ему стало жалко Леньку. Он прервал его на середине рассказа и нетерпеливо спросил:

- Да на что тебе зайцы-то? На что!

- Как на что? - опешил Ленька. - Ведь семья у меня! Что ни заяц, то шапка! Я в тот раз ноги отморозил - думал, пропаду вовсе, - неожиданно для себя пожаловался он. - Болото...

Ветер в ушах свистит... - Он поежился. Вот так-то и отец, бывало...

Егорка вспомнил, как встретил у ворот школы посиневшего, промерзшего Леньку. Он заволновался:

- Брось ты это... зайцев своих! Не доведут они до добра! Ведь ты в школу не ходишь!

- А я в школу и не пойду, - твердо сказал Ленька.

- Почему? - удивился Егорка.

- Из-за тебя не пойду, из-за ребят не пойду, из-за Татьяны Андреевны не пойду! - неожиданно со злостью выпалил Ленька.

Егорка смотрел на него испуганными глазами.

- Татьяна Андреевна не верит мне... Думает - гуляю, шатаюсь... Голос у Леньки дрогнул. - Никто жизни моей не знает!

Егорка схватил товарища за рукав и, забыв предупреждение учительницы, быстро заговорил:

- Татьяна Андреевна сама меня послала. Жалеет она тебя, беспокоится. Я ведь не сам пришел...

Ленька выдернул свой рукав и отвернулся.

Егорка тронул его за плечо.

- Ты на меня не сердись. Я ведь тогда в классе по дружбе...

Ленька молчал, сглатывая слезы.

* * *

Егорка пришел к Татьяне Андреевне взволнованный. Из его сбивчивого рассказа выходило так, что не ходит Ленька в школу не потому, что заленился, а потому, что она, Татьяна Андреевна, не верит ему больше. А на зайцев ходил он потому, что ребятам нужны шапки. А зайцы все равно не словились, и только намучился с ними Ленька.

- Сказал: "Не пойду в школу", а сам заплакал.

Егорка замолчал и добавил с тяжелым вздохом:

- Никто жизни его не знает...

Татьяна Андреевна посмотрела на его доброе огорченное лицо и встала.

- Ну иди! Спасибо тебе.

Егорка широко раскрыл глаза и не двинулся с места.

- Как же... с Ленькой-то?

Он хотел еще что-то сказать, но Татьяна Андреевна замахала руками:

- Иди, иди!

Он хмуро и укоризненно посмотрел на нее: "Четыре года учила его... А случись что-нибудь..." И вышел с тяжелым чувством обиды за товарища: "Ничего, Ленька, сами обдумаем!"

Татьяна Андреевна надела шубку, схватила платок и остановилась.

"Я до сих пор верила тебе, Леня!" - вдруг отчетливо вспомнила она свои слова. И перед ней сразу встало испуганное, умоляющее лицо Леньки, вспомнился его отчаянный крик, который вызвал смех всего класса: "Я зайцев ходил стрелять!"

Он испугался, что она не верит ему больше.

Татьяна Андреевна вдруг поняла: "Я не осталась с ним, не узнала, не расспросила... Я ничего не сделала!"

Завязывая на ходу платок, учительница почти бежала по длинной деревенской улице...

А в избе шло тяжелое объяснение.

Расстроенный приходом ребят, Ленька надрывно кричал матери:

- Я бы сам тебе все починил! Я не отказывался! Я вон в школу из-за вас не хожу!

Татьяна Андреевна остановилась в сенях и прислушалась.

- Из-за вас! Из-за вас! Все ноги себе отморозил! Вруном перед Татьяной Андреевной сделался... А она тоже на меня сердится... Если бы пришел к ней с зайцами, может, поверила бы...

Татьяна Андреевна отворила дверь. Ленька, уронив голову на край стола, плакал

громко и жалобно. Пелагея, опустив руки, стояла над ним молчаливая и испуганная. Татьяна Андреевна бросилась к Ленке:

- Тише... тише... Я не сержусь. Я верю тебе...

Ленка поднял мокрое от слез лицо, он силился что-то сказать, но неожиданный визг заглушил его слова.

Уткнувшись друг дружке в плечо пушистыми головками, двойняшки залились звонким плачем.

- Что это? - испуганно спросила Татьяна Андреевна.

- Это... Манька-Танька, - засмеялся Ленка, вытирая пальцами не просохшие от слез щеки.

* * *

Майское солнце заливало Ленкину избу. Оно пробивалось во все щели, золотым ручейком струилось по крашеному полу, зайчиком пробегало по светлым волосам двойняшек и гладило горькие морщины матери. Вестей от отца не было. Последнее Ленкино письмо, посланное в госпиталь, пришло обратно с короткой надписью: "Выбыл". Ленка не показал его матери. Вместе с Татьяной Андреевной они написали запрос в полк.

Время шло. Немного изменилось в Ленкиной жизни, но изменилось главное: учење наладилось, в семье наступил мир и жизнь пошла ровнее. Только об отце вспоминать было больно, о нем старались говорить меньше.

Был первый день праздника. Накануне Пелагее прислали из колхоза подарки для ребят. Двойняшки в одинаковых платьицах, как два розовых цветка, сидели на подоконнике, высовывая на улицу свои пушистые головки. Нюрка, поскрипывая новыми башмачками, бегала по избе; Николка, засучив рукава ковбойки, тер мылом красные уши. Ленка, с удовольствием поглядывая на принаряженных ребят, вместе с матерью рылся в сундуке: к его новым брюкам в полосочку не подходила старая, изношенная за зиму рубаха. Егорка, нарядный и радостный, вбежал в избу. На нем была зеленая гимнастерка, из кармана торчал карандаш, жесткий воротник провел под Егоркиным подбородком красную черту.

- В Веселовке кино нынче! Собирайся! Ребята ждут!

Ленка посмотрел на заштопанные рукава своей рубашки и замаялся. Мать молча вынула из сундука отцовскую куртку и подала ее сыну. Ленка испугался, замотал головой. Ему вдруг показалось, что если он наденет отцовскую куртку, то это будет значить, что отца нет, он не вернется и Ленка уже никогда не увидит этой куртки на отцовских плечах... И, отстраняя ее обеими руками, он повторял:

- Убери... убери! Пусть отцу будет!

- Что же хуже людей-то быть? - мягко сказала мать.

- Надевай! Надевай! - закричал Егорка.

Товарищи Егорки с шумом ввалились в избу:

- Пошли, что ли!

Ленка надел куртку. Рукава были длинны, плечи широки.

- Не по мне она...

- Рукава подвернуть можно. Потом ушью, - сказала мать и, порывшись в сундуке, вынула оттуда старый кошелек. Ее сухие пальцы долго перебирали что-то в кошельке, пока нащупали новенькую пятерку. - Возьми, сынок... Может, кваску там или пряничек себе купишь.

Ленка взял пятерку и, опустив глаза, вышел из избы.

По дороге в Веселовку ребята разговаривали о военных событиях, рассказывали деревенские новости. Егорка всегда ободряюще действовал на Ленку, но сейчас он рассеянно слушал его. У леса они встретились со стариком Пахомычем, давним приятелем Ленкиного отца. Старик работал на пристани.

Он подошел к Ленке.

- Да-а, вырос... Вырос, парнишка, ты... Вот она и куртка отцова на тебе. - Он провел рукой по бархатному рукаву и покачал головой. - Вместе покупали. Да вот... не судьба...

Ленька съежился и, не зная, что сказать, молча переминался с ноги на ногу. Пахомыч вдруг спохватился:

- Да! Бишь, об чем это я? Как мать-то? Ребятишки, а? Небось туго живете, а?

- Ничего, - протянул Ленька, - помаленьку, - и посмотрел вслед товарищам, которые ушли вперед.

- "Помаленьку, помаленьку"! - с живостью подхватил Пахомыч. - Что надо - ко мне приходи! Работенка всегда найдется!

- Учусь я...

- А ты по выходным... По выходным приходи! Сейчас сезон открывается. Первого парохода ждем. Большая погрузка будет. - Он потрепал Леньку по плечу. - Я тебя живо-два пристрою! Придешь?

- Приду! - обрадовался Ленька.

И, попрощавшись с Пахомычем, побежал догонять товарищей. Ребята ушли уже далеко. В лесу Ленька замедлил шаг и, размечтавшись, тихо брел, не замечая дороги.

"Каждый выходной работать буду! Мешки укладывать или таскать что... Всякая работа по мне", - радовался он.

Из-за леса гулко и призывно донесся Егоркин голос:

- Э-эй! Ленька! Опоздаем!

"Ничего, поспею!" Он вспомнил старый пустой кошелек матери и полез в карман за пятеркой: "Эту тоже не потрачу... К своим приложу тогда... Чтоб ей больше было..."

Он представил себе, как выложит матери заработанные деньги, увидел ее удивленное лицо и громко засмеялся, но тут же притих. Этот смех словно резнул его по сердцу, и он тоскливо прошептал:

- Папаня!..

* * *

После праздника рано утром Ленька прибежал к Татьяне Андреевне. В школу они шли вместе, и дорогой Ленька, захлебываясь, рассказывал ей о том, что Пахомыч обещал ему работу на пристани.

- Подожди! Подожди! Что это за Пахомыч такой? - озабоченно спрашивала Татьяна Андреевна.

- Да Пахомыч! Старик вообще...

- Да откуда ты его знаешь, я тебя спрашиваю?

Узнав, что Пахомыч приятель Ленькиного отца, Татьяна Андреевна не стала возражать.

Вечером Ленька подсел к матери:

- Я вот что... К Пахомычу пойду. Работать у него по выходным буду. Может, и на все лето возьмет он меня.

Мать заплакала. Ленька обнял ее за шею и сказал с суровой лаской:

- Ну-ну, не реви... Я совсем тут близко буду.

В первое же воскресенье он отправился на пристань и нарочно прошел мимо раскрытых окон Татьяны Андреевны. Он чувствовал себя взрослым, рабочим человеком; на плечи была накинута отцовская куртка. Его провожал до околицы Николка.

- Ухожу, Татьяна Андреевна! На работу! - крикнул он в раскрытое окошко учительнице.

Она выглянула, кивнула ему головой.

Ленька весело зашагал по дороге, наказывая провожающему брату:

- Глади тут без меня... Мать - она слабая!

* * *

Ленька уже два летних месяца работал на пристани. На его обязанности лежало записывать принятый с парохода груз. Работа была легкая; вместе с другими подростками Ленька успевал несколько раз в день выкупаться в реке, а от парохода до парохода - приготовить мешки для погрузки. Он не боялся никакой работы: чистил сарай, зашивал прорвавшиеся мешки, бегал за хлебом для грузчиков. Каждую субботу, чисто вымытый, с

мокрым пробором на голове, Ленька облакался в бархатную куртку и отправлялся домой. Младшие дети выбегали к нему навстречу. Он оделял их черными медовыми пряниками, брал на руки Нюрку и, поминутно подгоняя отстающих двойняшек, шествовал по деревне, выпрашивая Николку обо всех новостях. В избе степенно здоровался с матерью и выкладывал на стол недельную получку.

Пелагея умилялась, долго держала на ладони деньги, не зная, куда их положить. И потом всю неделю, в ожидании сына, говорила соседкам:

- Мой-то... большак, каждую получку в дом песет!

* * *

Стоял конец июля. На пристани сновали люди, скрипели на воде привязанные лодки, гремели тяжелые, груженные солью вагонетки. Под навесом сидели на узлах пассажиры, топтались босоногие ребятишки. Ждали парохода.

Белоголовый, обветренный, вытянувшийся за лето Ленька стоял на пристани рядом с Пахомычем.

Издали донесся протяжный гудок. В голубые облака поползли черные клубы дыма. Покачивая белыми, заново покрашенными боками, рассекая носом воду, показался пароход. Пассажиры заволновались. Матросы приготовили сходни. Пароход вплотную подошел к пристани. Тяжелые, намокшие кольца каната шлепнулись на чугунные стойки и тихо заскрипели, натягиваясь между пристанью и пароходом. Глубокая темная щель с мутной водой медленно сокращалась. Пароход, дрогнув, остановился. На палубе засуетились люди. Матросы сбросили сходни.

- Поберегись! Поберегись!

Ленька стоял, опираясь грудью на мешки. Пассажиры толпой протискивались мимо него к выходу.

И вдруг губы у Леньки дрогнули, глаза уставились в одну точку; он бросился в толпу и застрял в ней, пробиваясь вперед головой и руками. Пахомыч схватил его за рубаху:

- Стой, стой! Ошалел, что ли?

- Папка! Папаня! - вынырнув из толпы, отчаянно крикнул Ленька.

Люди стиснулись, откачнулись к перилам и пропустили человека в шинели. Одна рука его протянулась вперед к Леньке, вместо другой повис пустой рукав. Обхватив отца за шею и не сводя глаз с этого пустого рукава, Ленька повторял, заикаясь и плача:

- Пришел, ты пришел... папаня мой?!

* * *

Над лесной дорогой шумели старые дубы. В пышной зелени кустов пели птицы. Темные, согретые солнцем листья мягко задевали за плечи. В светлых лужах мокла изумрудная трава.

Сын крепко держал за руку отца и неумолчно, торопливо рассказывал ему о своей жизни. Голос его иногда падал до шепота и терялся в шуме ветра и птичьих голосов, иногда прорывался слезами, и, охваченный горечью воспоминаний, Ленька останавливался.

- Слышь, папка?..

Отец крепко сжимал тонкую жесткую руку сына.

- Слышу, сынок!..

Встречный ветер трепал полы серой шинели и срывал с Ленькиных плеч черную бархатную отцовскую куртку.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА

День начинала мама. Она надевала нарядный клеенчатый передник и быстро-быстро бегала из комнаты в кухню, готовила завтрак, прибирала, мыла посуду. А когда бабушка порывалась встать, ласково говорила:

- Лежи, лежи! Нечего тут двоим делать!

Сначала бабушка слушалась, потом начинала охать и возмущаться:

- Да чего это я лежать буду? У тебя одной дела, что ли? Мне вон кур выпустить надо!

Бабушка вставала, одевалась и шла к сарайчику. Оттуда уже несло громкое

кудахтанье и крик петуха.

- Ишь ты! - говорила бабушка. - Сейчас! Сейчас! Иди, иди, петушиная голова! Нечего на хозяйку глотку драть! Недовольный какой!

На крыльцо выбегала Таня. От утреннего умывания волосы и ресницы ее были мокрые, руки тоже были вытерты наспех. Она громко чмокала бабушку в щеку.

- Фу-ты, вся мокрая! - говорила старушка, утирая лицо платком.

- Ничего, обсохну, - не смущалась девочка.

Ей нравилось смотреть, как, густо сбившись в кучку, куры, оспаривая друг у друга крошки, стучат клювами по тарелке. Белые, черные, пестрые хвостики торчали вверх. Таня, растопырив руки, неожиданно бросалась ловить их. Куры с громким криком разлетались в разные стороны. Рассерженный петух бросался на Таню. Бабушка хватала девочку за руку:

- Ну, что ты делаешь? Озорница этакая! - И, втаскивая Таню в комнату, закрывала за ней дверь.

Таня бежала к маме:

- Мамочка, я тебе посуду помою! Нет, лучше подмету, ладно? Или пыль сотру, ладно?

- "Ладно, ладно"!.. - передразнивала ее мама. - Ну что ты ходишь за мной? Возьми щетку и подметай. Кажется, большая девочка - сама видишь, что нужно делать!

Таня со щеткой лезла под кровать и выметала оттуда башмаки и туфли. Потом высовывала щетку в окно и стучала по подоконнику, стряхивая с нее пыль.

- Тише! Тише! Бориску разбудишь!

Но трехлетний Бориска уже открыл глаза:

- А мама?

Он всегда просыпался с одним и тем же вопросом: "А мама?"

Таня бежала в кухню:

- Уже "А мама" проснулся!

Мама подходила к кроватке. Бориска теплыми руками обнимал маму за шею, дотрагивался пальчиком до маминых губ и просил:

- Смейся, мама!..

Бориска любил одеваться сам. Застегивая рубашечку, он часто попадал не в те петли, начинал сердиться, натягивал на себя одеяло и прятался под него с головой.

Тане становилось жалко братишку. Она бегала вокруг кроватки:

- Ку-ку! Ку-ку!

И, приподняв краешек одеяла, прижимала свое смеющееся лицо к толстым щекам брата.

- Уходи!.. Уходи! - отбивался Бориска.

Мама обнимала девочку:

- Оставь его. Он капризный сегодня, неприятный какой-то.

- Нет, приятный! - кричал Бориска, высовывая из-под одеяла испуганное лицо. И, видя, что мама с Таней уходят, протягивал к ним пухлые ладошки: Нет, приятный, нет, приятный!

Мама с Таней переглядывались, как две заговорщицы.

- Вернемся уже, - шептала Таня, - а то заревет...

- Ну, будешь хорошим мальчиком? Я тебя сейчас одену...

- Ладно, - неожиданно соглашался Бориска.

По сравнению с братишкой Таня чувствовала себя очень умной и взрослой.

- Тебе до меня еще много жить надо, и все равно я всегда старше буду, - говорила она братишке.

На дворе Таня затевала шумные, беспокойные игры. Большею частью она придумывала их сама. Любимая ее игра в "путешествие" редко кончалась хорошо. То какой-нибудь мальчишка сваливался с корабля, построенного детьми из садовых скамеек, то разбивал себе нос, прыгая с бочки. За рев маленький путешественник исключался из игры. А Таня снова выезжала в открытый океан, отбирая себе самых ловких и крепких ребят. Младшие, сбившись в кучу, завистливо смотрели, как, сидя верхом на скамейке и разгребая руками

воздух, уплывают от них старшие.

Моряки - народ отважный,
Не пугает их вода...

запевала Таня. Но тут появлялись взрослые:

- Почему ты малышкой не берешь? Играйте все вместе. Нехорошо так...

Тане становилось скучно, и она шла домой.

- Что прибежала? - подозрительно спрашивала бабушка. - Напроказила небось?

- Скучно, - говорила Таня.

- Ну, сейчас плясать будем, - ворчала бабушка. - Погляди лучше книжку. Все перезабыла поди. Второклассница!..

За ужином мама была молчалива, что-то обдумывала про себя, а потом вдруг подошла к бабушке и крепко поцеловала ее.

- Я уезжаю. Не волнуйся. Всего на три месяца...

- Батюшки! - всплеснула руками бабушка. - На три месяца! Да ведь это за три года покажется!

На лице у нее появился румянец, она взволнованно скомкала салфетку и показала на Таню:

- Если б другая девочка была!..

- Таня! Ты слышишь, что бабушка говорит? - грустно спросила мама.

Таня молча кивнула головой.

- Ты понимаешь, что я должна ехать? Меня посылают в командировку.

Бабушка твердо сказала:

- Не расстраивайся, Нюточка. Надо так надо! А мы и одни с Танюшкой управимся, - неуверенно добавила она, взглянув на внучку.

- Управимся! Управимся! - закричала Таня.

Мама начала укладываться.

Сидя на чемодане, она долго говорила наедине с дочкой:

- Бабушка старенькая, ей трудно... А ты уже большая девочка...

Обе вышли из комнаты с красными глазами.

Бабушка держалась крепко, но про себя волновалась то по одной, то по другой причине.

- Вот еще, Нюточка, - говорила она маме, - по нашей улице все какие-то стройки идут... Как бы наш дом-то не перевезли на другое место. Ты бы там сказала кому надо, что тут вот куры у меня...

- Да не тронут твоих кур, - смеялась мама. - И все это не так скоро!

- Ну, не скоро, не скоро, а раз уж по плану намечено - того и гляди, с места стронемся!

- Ах, мамочка, ну что ты придумываешь? Ничего тут не случится за три месяца.

Мама уехала. Бабушка стала строже. Она как будто даже прибавилась в росте и ходила по дому прямая, сосредоточенная. У Бориски она все время щупала лоб и ни с того ни с сего просила его показать язычок. Каждое маленькое событие волновало ее.

- Бабушка! За квартиру счет принесли!

- Где, где! Да не хватай ты! Что еще за бумажка такая? Разглядеть надо!

- Да, бабушка, ведь всегда такую приносят!

- "Всегда, всегда"! Не учи ты меня, пожалуйста!

Таня посмеивалась, а иногда нарочно поддразнивала старушку.

- Наш дом скоро перевозить будут, - говорила она, растягивая слова, и, подражая бабушке, добавляла: - Уж не знаю, куда и как...

Старушка поднимала на лоб очки:

- Это ты чего болтаешь? Кто тебе сказал?

Таня со смехом бросалась к ней на шею:

- Я пошутила, бабушка, пошутила!

- Тьфу! Поди ты от меня! Все какие-то свои штуки выкомариваешь!

Иногда Таня вспоминала последний разговор с мамой. Она вскакивала утром и принималась за всякие дела. Поставив на плиту молоко, бежала одевать братишку или принималась за уборку. Молоко сбегало. Сосед Алексей Степанович, выходя из своей комнаты, ворчал:

- Ну, напустила угару! Дышать нечем!

Бориска кричал:

- А мама? - и капризничал.

Таня, потеряв терпение, шлепала брата. На шум прибежала бабушка:

- Бессовестная девочка! Уходи отсюда! - и принималась сама успокаивать Бориску.

А Таня, надув губы, уходила во двор.

* * *

1 сентября начались занятия в школе. Таня с вечера складывала в сумку свои книги, аккуратно вешала на спинку стула коричневую форму. Утром быстро одевалась, пила чай и, крикнув:

- До свиданья, бабушка! - убегала.

В школе Тане нравилось все: молоденькая учительница Ирина Петровна, подруги, светлый класс с черной доской, цветы на окнах, которые девочки поливали по очереди каждый день. Нравилась Тане и уроки. Она любила стоять у доски и отвечать на вопросы Ирины Петровны. Любила старательно выводить на доске мелом слова, которые диктовала учительница. Не ответить на заданный вопрос Тане было стыдно, и дома она тщательно готовила уроки.

Но больше всего в школе Тане нравилась вожатая Зина - высокая, худенькая, с гладкими черными косами, связанными вместе одной ленточкой, и красным галстуком на шее. Зина всегда умела чем-то занять девочек. В перемену она выходила с ними на большой двор школы, собирала их в круг и, стоя посередине, хлопала в ладоши:

- Давайте, девочки, споем "Березоньку"!

- А мы не умеем, - раздавались голоса.

- Ничего, я вас научу. Пойте за мной!

Зина начинала тихонько напевать, голосок у нее был слабенький, но она так старательно выводила песню, что даже тонкие брови ее поднимались вверх и все лицо краснело. Таня изо всех сил помогала Зине, первая подхватывала песню и пела громче всех. Всем становилось очень весело. Один раз Зина придумала смешную игру, которая называлась "Куриный разговор", и разделила девочек на петушков и курочек.

- Станьте друг против друга и пойте за мной:

Встретила Хохлатка

Петю-Петушка,

Друг дружке поклонились

Два красных гребешка.

И, разгребая лапками

Навозный теплый сор.

Они ведут учтивый

Куриный разговор...

Поклонитесь! Так! Теперь курочки поют:

"Ты куд-куда,

Ты куд-куда,

Ты куд-куда идешь?"

Теперь петушки поют:

"Я, ко-ко-ко,

Я, ко-ко-ко,

Шагаю прямо в рожь!"

"Ах, куд-куда,

Вот куд-куда,

Возьми меня туда!"

"Но, ко-ко-ко,

Но, ко-ко-ко,

Ведь это далеко!"

"А не беда,

Куд-куд-куда,

Мы после отдохнем!"

Так ко-ко-ко

И куд-куда

Пошли гулять вдвоем!

Девочки просили Зину:

- Еще! Еще поиграем!

Все расшалились, начали кудахтать и кукарекать, и от этого всем было очень смешно.

А Таня, придя после уроков домой, собрала во дворе малышей.

- Сначала мы споем песню "Березонька", - сказала она, - а потом поиграем в смешную игру "Куриный разговор".

Мальши облепили Таню со всех сторон. Таня терпеливо учила их словам песни и пела сама, высоко поднимая вверх брови, как это делала Зина. Малыши часто сбивались, но послушно выполняли все, что говорила им Таня, и, когда игра кончилась, долго не хотели расходиться.

- Завтра опять будем играть, - пообещала им Таня, уводя за руку Бориску, который никак не мог успокоиться и все кукарекал.

Старшие ребята досадовали: им было скучно без Тани.

- Ну, связалась с малышами... - ворчали они. - Давай лучше в путешествия поиграем!

- А кто же будет занимать малышей? - вдруг сказала Таня.

С тех пор, приходя после уроков домой, Таня стала каждый день играть с малышами, втягивая в игру и старших ребят.

Дома она начала заботиться о Бориске. Вечером сама укладывала брата и, придвинув к кровати свой стульчик, спрашивала:

- Хочешь, я тебе сказочку расскажу?

Бабушка на цыпочках подходила к дверям.

- Жила-была курочка-ряба... - тихо доносилось до нее из комнаты.

* * *

Один раз Ирина Петровна сказала:

- Нам дали при школе участок. Сегодня после уроков мы будем сажать маленькие деревца.

И когда все девочки вышли на участок, оказалось, что там уже вырыты ямки: это сделала Зина со старшими девочками. И еще Зина очень интересно придумала: каждая девочка, сажая деревце, написала на дощечке, кто его посадил. Все так и сделали. А потом бегали по саду и громко читали: "Катина березка", "Марусина вишенка", "Валина груша". Появилась и "Танина яблонька". Когда сад был уже посажен, Зина сказала:

- Ай-ай-ай! Остались еще деревца. А места уже нет. Что же нам с ними делать?

Таня вспомнила свой двор: как бы обрадовались все ребята, если б у них появился свой садик.

- Зина, дай мне эти деревца, - попросила Таня, - я посажу их в нашем дворе.

Зина удивилась:

- Ты сама их посадишь?

- Нет, с ребятами. У нас во дворе много ребят.

- Хорошо, Танюк, бери! Я помогу тебе отнести их домой.

На другой день во дворе перед Таниным домом вырос целый молодой лесок. И у ребят появились новая радость и новая забота.

В конце сентября сильно похолодало.

Около бабушкиного сарайчика были сложены дрова. Надо было переколоть и убрать их.

- Я все сделаю, бабушка, - сказала Таня. - Ты не беспокойся.

Ранним утром девочка накинула платок и побежала к дворнику:

- Дядя Степа! Поколите нам дрова!

- Занят, - важно сказал дворник. - Вон рабочие завтракают - может, кто и возьмется!

В последнее время во дворе началась стройка. Гора стружек была свалена в углу.

Посреди двора лежали бревна и доски. Рабочие завтракали, сидя на сложенных бревнах.

Таня подошла к ним и остановилась, не зная, с чего начать.

- Ну что, гражданочка, скажешь? Работать с нами пришла или гостьей будешь? - пошутил молодой рабочий.

Таня присела рядом с ним на бревно:

- Мне надо дрова расколоть. За деньги...

- Слышь, Митрич! Дрова колоть пришла, - подмигнул рабочий.

- Никакого смеху тут нет, - обиженно сказала Таня.

- Смеху нет, - значит, дело есть! - добродушно улыбнулся старик, которого звали Митрич. - Тебе чего, дрова, что ли, поколоть?

- Ну да! - обрадовалась Таня. - Поколоть и в сарайчик сложить.

- А где живешь-то?

- Здесь, - Таня показала рукой: - Вон мой дом, где деревца посажены.

- Ну что ж! Завтра приду до работы и справлюсь!

Таня побежала домой:

- Бабушка, наняла!

- Чего наняла?

- Да рабочего... Митрича... дрова поколоть!

- Ишь ты! - удивилась старушка. - Да как же это ты?

- Очень просто, - сказала Таня.

- Чудеса! - покачала головой бабушка.

* * *

Когда старушка проснулась, Бориска, сидя на полу, строил из кубиков дом, а в кухне разговаривали два голоса.

Бабушка приоткрыла дверь. Таня в длинном мамином переднике, с приглаженными волосами хлопотала около стола. За столом сидел старик в синей блузе, перед ним дымилась тарелка картошки. Таня обильно поливала ее маслом и приговаривала:

- Кушайте, пожалуйста. Кто работает, тому много есть надо.

- Да уж это, хозяйюшка, конечно: сила-то, она из пищи вырабатывается. Ничего, сейчас все, как надо, оборудуем: и поколем, и сложим дровишки ваши, - принимаясь за картошку, говорил Митрич и, ласково прищурившись, поинтересовался: - Я смотрю - росточком вы небольшие, а проворные. Какой же ваш возраст, позвольте полюбопытствовать?

- Возраст? - переспросила Таня. Она не знала этого слова и, поспешно снимая с плиты кофейник, сказала: - Вот еще кофе вам!

Митрич положил локти на стол, оглядел Таню с головы до ног и снова спросил:

- А как же вас звать, хозяйюшка?

Таня вспомнила, как отвечала мама, и важно сказала:

- Меня звать попросту... Татьяна Петровна!

Бабушка отошла от двери.

- Ну и ну - Татьяна Петровна! Смех и грех с ней. В передник вырядилась... - И, сидя на кровати, старушка смеялась до слез, повторяя: Татьяна Петровна! Ишь ты!

А на дворе Митрич колот дрова и говорил Тане:

- Дрова ваши, Татьяна Петровна, сыроваты малость. Ежели щепок или стружек вам на разжижку понадобится, так ко мне на стройку пожалуйста! Корзиночку наложите, и готов... А то вы, хозяйюшка Татьяна Петровна, с этими дровами замучаетесь.

Называя девочку Татьяной Петровной, старик усмехался доброй усмешкой и лукаво поглядывал по сторонам. Около Таниного крыльца собрались ребята; они толкали друг дружку и хихикали:

- Татьяна Петровна! Татьяна Петровна!

- Да она просто Таня! - крикнула Митричу одна девочка. - Она еще маленькая, в школе еще учится!

Таня смутилась, но Митрич положил топор и серьезно сказал:

- А это ничего не обозначает, что учится. Человек до самой смерти чему-нибудь учится. Она хозяйка, при своем деле находится. Значит, и величать ее надо: "Татьяна Петровна".

- Татьяна Петровна! Татьяна Петровна! - с удовольствием повторяли ребята. Им очень понравилось называть Таню этим взрослым именем.

Теперь, когда малыши приходили к Тане домой, они звонили и спрашивали:

- Пришла Татьяна Петровна?

- Три звонка, четыре звонка... - ворчал Алексей Степанович. Бросаешь работу, думаешь - к тебе, а тут, пожалуйста, от горшка два вершка и Татьяну Петровну спрашивают!

Как-то вечером он прибил к двери дощечку и написал печатными буквами: "Татьяна Петровна - звонить 2 раза".

Дети приходили к Татьяне Петровне заниматься. Они приносили с собой тетрадки, усаживались за стол и писали палочки или раскрашивали картинки. Таня играла в учительницу. С малышами она чувствовала себя совсем взрослой и охотно откликалась на свое новое имя.

Иногда женщины с Таниного двора, прочитав на двери записку, звонили два раза и с улыбкой спрашивали:

- Татьяна Петровна дома?

- Дома, дома, - улыбалась бабушка.

- Можно к ней часа на два своего малыша подкинуть - не с кем оставить его?

- Танюша! - кричала бабушка. - К тебе пришли!

Приближался день рождения Бориски. Таня подолгу шепталась с бабушкой. Вечером, лежа в кровати, обдумывала все свои дела. Надо испечь пирог и купить Бориске подарок. Позвать ребятшек, играть с ними, угощать их. Таня представила себе, как мама встречает гостей, как улыбается им, шутит, смеется и каждому старается сделать приятное. В темноте девочка улыбается и шепчет:

- Кому пирожка?

Вечером, накануне праздника, бабушка месит пухлое тесто. Сладко пахнет ванилью и миндалем. Бориска, переваливаясь на толстых ножках, входит в кухню и, потянув носом воздух, причмокивая языком, говорит:

- Пахнет цветочками!

Бабушка и Таня хлопочут. Обе они красные, перепачканные в муке.

- Бабушка, не сгорит пирог?

- Да нет, не должно! Подержи-ка полотенце, Танечка! Ох, батюшки! Кажется, один бочок жаром прихватило! Ступай, деточка, принеси белки сбитые да миндаль захвати!

Наконец все готово. На вышитом полотенце лежат сладкие булки, пирожки и посыпанный сахаром крендель.

- Удачные, да, бабушка? - в сотый раз спрашивает Таня.

Она сидит на своей кровати с закрытыми глазами и стягивает с ноги чулок - чулок длинный-длинный... Он никак не кончается...

За окном летают красные, синие, зеленые шары. Они привязаны ниткой к форточке.

Бориска потягивается и открывает глаза.

- Бабушка, иди! - взволнованно кричит Таня и бросается к окошку.

Бабушка подходит к кровати:

С гуся вода - с Борюшки худоба!

Потягунушки-порастунушки,

Поперек толстунушки,
Спинку поцеловать, пяточку пощекотать,
Здоровьечка пожелать!
Бориска выгибает спинку и звонко хохочет.

- С днем рождения, Борюшка! Расти большой, голубчик! - растроганно говорит бабушка.

Глаза Бориски широко раскрываются:

- Шары! Шары!

Таня едва успевает чмокнуть брата и пожелать ему здоровья. Вокруг Борискиной головы уже летают шары; он дергает их за нитку и громко радуется.

Когда Таня приходит из школы, собираются гости.

Алексей Степанович сидит за столом рядом с бабушкой. Бабушка в шелковом платье с белой рюшкой вокруг шеи. Бориска в новом костюмчике, толстый, смешной и удивленный, сидит среди детей.

Таня поверх нарядного платья надела мамин передник: в такой день она ни за что не решилась бы расстаться с ним. Ведь она хозяйка!..

В передней два звонка... еще два.

- Пожалуйста! Входите, входите!

- Здравствуйте, здравствуйте, Татьяна Петровна!

- Ну, где тут самый главный у вас?

- Боря, Боря! Гости пришли!

Бориска вылезает из-за стола и бежит к двери, потом смущается, прячется за Таню и убегает, прижимая к груди какой-нибудь сверток.

По комнате уже прыгают зайцы, бегают автомобильчики, пищат птички.

Таня угощает. Она приветливо улыбается, бегает на кухню, меняет тарелки.

- Татьяна Петровна, мне макарон!

- Мне пирожок, Татьяна Петровна! - кричат малыши.

Золотой свет осеннего солнца заливает с головы до ног Таню.

- Сними передник, - говорит бабушка.

Ей хочется показать свою внучку во всей красе: в новом платье с шелковым поясом. Но разве Таня расстанется с маминым передником? Ведь это он придает ей такой солидный вид и уверенность в себе!

- Бабушка! Я самовар большой поставила, побегу за щепками сейчас, шепчет она старушке.

- Ну-ну, - кивает головой бабушка, - сбегай, сбегай!

Таня берет в кухне корзинку и бежит на стройку. Ого! Как выросли за это время леса. В первом этаже прорезались окна, а на втором этаже вокруг всего дома лежат доски. Вот где в путешествие поиграть можно! Высоко! Все видно вокруг! Можно смотреть на небо и думать, что плаваешь в синем океане. Девочка ставит на землю корзинку и собирает в нее щепки. Рабочих на стройке нет. Она заглядывает за угол. Вон они где - в том конце работают. И Митрич там. А вот лестница ко второму этажу приставлена. Ничего себе - крепкая лестница. Таня закладывает за шелковый пояс длинный конец маминого передника, бросает на кучу щепок свою корзинку и лезет вверх.

"Моряки народ отважный..."

Чего тут бояться? Рабочие каждый день лазят и вокруг дома по двум дощечкам расхаживают. Таня, держась за перила, медленно обходит дом и, запрокинув голову, смотрит в небо. Над ней плавает большое белое облако.

"Моряки народ отважный..."

Таня слышит чьи-то голоса и стук. Она прижимается к стене и, крадучись, бежит к лестнице. Нехорошо, если ее увидят здесь.

"Ой, - вдруг вспоминает она, - ведь дома гости! И самовар в кухне затух... А щепки в корзине брошены".

Передник путается под ногами... Но где лестница? На другом конце двора двое рабочих несут лестницу.

"Подождите! Подождите!" - хочет крикнуть Таня. Но краска заливает ее лицо и шею. Стыдно... Стыдно... Зачем она влезла сюда? Ведь все узнают, будут смеяться. А она?.. Ведь она теперь Татьяна Петровна! Еще все гости узнают про ее шалость, и сам Митрич узнает - он где-то здесь на дворе. Хозяюшка! Хороша хозяйюшка!

Таня в отчаянии мечется вокруг дома и смотрит вниз. Высоко... Ой, высоко! Все пропало теперь!.. Гости ждут. Бабушка ждет. Таня садится и, опустив голову в колени, горько плачет:

- Mamочка, мамочка! Хоть бы ты приехала скорей!

В кухне стоит затушенный самовар.

- Батюшки мои! - говорит бабушка. - Да куда ж это наша Татьяна Петровна делась?

- Хозяйка хлопочет по хозяйству, верно, - замечает кто-то из гостей.

Но Алексей Степанович вдруг поднимается с места.

- Хозяйство хозяйством, - говорит он, глядя на часы, - а уже двадцать минут прошло...

И дождик накрапывает... Схожу посмотрю.

- Уж не стряслось ли чего? Ведь она за щепками пошла, - пугается бабушка.

- За щепками? На стройку, значит, - соображает Алексей Степанович. Ну, я схожу туда!

- Пойдемте все!

- Пойдемте! Пойдемте!

Гости шумно поднимаются и выходят во двор. Впереди шагает Алексей Степанович. За ним, окруженная малышами, торопится бабушка. Еще издали она видит, как Алексей Степанович поднимает с кучи мусора Танину корзинку, и щеки ее делаются серыми.

- Только б чего не случилось! Только б жива была!..

Алексей Степанович надевает очки и внимательно оглядывает стройку.

- Так и есть, - говорит он про себя, - вот она...

И теперь уже все видят жалкую фигурку в длинном переднике: Таня сидит наверху, тесно прижавшись спиной к стене дома и подогнув колени. Голова ее опущена вниз, мокрые пряди волос рассыпаются по плечам.

- Не спугните ее, не спугните ее... - шепчет бабушка.

Но малыши не слышат.

- Татьяна Петровна! Татьяна Петровна! - хором кричат они.

Таня поспешно вскакивает и с ужасом смотрит вниз.

- Осторожно, Танюша, голубчик! - умоляет ее бабушка.

Из-за угла выходит Алексей Степанович с Митричем. Они несут лестницу.

Митрич быстро оглядывает всю компанию и переводит глаза на Таню.

- Так вот оно какие дела! - говорит он, почесывая затылок. - А мы-то лестницу отсюда утащили! Ну сейчас, сейчас... Не извольте беспокоиться!

Таня стоит, прижав к груди руки. Ей так стыдно: она готова остаться здесь навсегда. Но лестница скрипит, и Митрич с добродушной улыбкой лезет наверх.

- Я не сойду, - шепотом говорит девочка и пятится от него, - я не сойду...

- А мы вместе сойдем, - спокойно отвечает Митрич и, прищурившись, смотрит на Таню. - Оно, конечно, бабушка напугалась, ну да ведь поглядеть стройку тоже надо! Уладится, уладится, - приговаривает он. - Вот извольте за мной потихоньку со ступенечки на ступенечку. Вот... Вот...

Внизу Таня падает в раскрытые объятия бабушки.

- Ну и напугала ж ты нас, - пробуют шутить гости.

- А чего тут пугаться-то? - выступает вдруг Митрич. - Мы вот с хозяйюшкой тут стройкой интересуемся! Что и как, значит. Для чего строится? А как же? Вот, извольте посмотреть, я ей, значит, и объясняю: тут лаборатория будет. Вот, пожалуйста, правое крыло - кабинеты ученых людей. Он размахивает руками и, обращаясь ко всем, говорит: - Пожалуйста, пожалуйста! Оно, конечно, каждому интересно... А тем более в своем дворе... Вот

мы, значит, с Татьяной Петровной и того...

Бабушка рассеянно смотрит на Митрича, на стройку... Гладит по голове Таню и кивает головой. Гости тоже слушают Митрича. Таня поправляет передник и берет свою корзинку. Малыш Петя, обхватив ногами столб, карабкается наверх.

- И ты туда же! - кричит на него мать и, хватая сынишку поперек туловища, награждает его шлепками. - Не учишь, не учишь лазить где не следует! - приговаривает она.

- М-да... - многозначительно говорит Алексей Степанович, глядя на Таню. Но Таня не видит его.

Она держит обеими руками темную, заскорузлую от работы руку Митрича и, заглядывая ему в глаза, просит:

- Пойдем к нам, пойдём! Я сейчас самовар поставлю!

* * *

Шофер замедляет ход.

- Тут объехать надо, - говорит он, - сад посажен, как бы не повредить его!

Мама тревожно выглядывает из машины. Мягкий белый снежок падает на ее шубку.

- Подумайте, сад какой-то посадили?! Все так изменилось, не могу своего двора узнать!

- Стройка идет, - говорит шофер, - кого переселяют, кого вместе с домами перевозят.

- Да что вы? - пугается мама. - Как бы мою семью не переселили куда!

- Очень даже свободно, - равнодушно соглашается шофер.

Машина останавливается.

Мама с кожаным чемоданчиком выходит из машины. Около парадного крыльца двое рабочих пилят бревна, отбрасывая в сторону отпиленные куски.

- Как же тут пройти? - волнуясь, спрашивает мама. - Мне в квартиру номер семь.

- А-а, - выпрямившись и стряхивая с шапки снег, говорит старик в стеганке. - Сейчас, сейчас мы вам дорогу освободим! - И, отбрасывая бревна, с улыбкой спрашивает: - Это к Татьяне Петровне изволили прибыть, значит?

- К Татьяне Петровне? - с изумлением глядя на него, переспрашивает мама и, махнув рукой, бежит к своей двери.

- Так и есть - переехали! - с ужасом говорит она, глядя на прибитую к двери дощечку. - "Татьяна Петровна - звонить 2 раза".

"Хоть узнать что-нибудь, расспросить", - нажимая кнопку, думает мама.

- Мне к Татьяне Петровне...

- Это я.

В передней темно. Мама видит маленькую фигурку в длинном переднике. Толстый малыш прижимается к ней сбоку. Он поднимает вверх пальчик и нерешительно говорит:

- А мама?

Мама протягивает руки.

- Танечка!.. Так это ты Татьяна Петровна? - смеясь и плача, спрашивает она.

У КОСТРА

Один раз в походе ребята отошли далеко от лагеря и решили ночевать в лесу. Вечером развели костер. Варили картошку. Пламя костра бросало таинственный отблеск на кусты и деревья; глазам, привыкшим к свету, все еще вокруг костра казалось черным-черно: и лес, и сбегавшие по косогору кусты, и срубленные пни, заросшие папоротником; и только маленький золотой круг, в котором грелись у огня пионеры, казался обжитым и уютным.

Тепло и вкусная горячая картошка разморили ребят. Каждому вспомнилось что-то свое, домашнее, захотелось рассказать об этом товарищам, поделиться.

- Я маленьким эх и озорным был! - усмехнулся Вадим. - Бывало, почистит бабка картошку, а я - раз-раз! - ножичком вырежу из ее картошечек человечков, руки, ноги им из спичек сделаю. А она придет: ах, ах!.. - Он звучно рассмеялся, потом сразу остановился и грустно сказал: - Обижаю я свою бабку...

Ребята удивились.

- Вот тебе раз! - хмыкнул Костя. - То про свое озорство рассказывал, то обиды какие-то

вспомнил... С чего это ты?

Вадим помешал угли и, подняв голову, обвел всех затуманенным взглядом:

- А так просто, ни с чего. Есть у меня такая привычка - на бабку огрызаться. Больше всех ее люблю, и ей же первой от меня грубость слышать приходится. А почему это так - не знаю...

- Нет, знаешь! - вдруг откликается из темноты голос вожатого Гриши. Он сидел поодаль от огня, прислонившись спиной к дереву. - Знаешь, Вадим, да сознаться себе не хочешь, - повторил Гриша.

Вадим блеснул черными глазами и повернулся к Грише:

- Ты думаешь, силы воли не хватает? Сдержаться не могу?

Гриша пожал плечами:

- Нет, почему силы воли не хватает? Я этого не думаю. Ты парень крепкий, сила воли у тебя есть. И сдержаться ты можешь. Не так уж тебе твоя бабка докучает, чтоб и сдержаться было нельзя. Нет, не в том дело...

- А в чем? - негромко спросили сразу несколько голосов.

- А в том, что Вадим не хочет сдерживаться, распускается, пользуется тем, что бабка его любит. А любит - значит, простит и жаловаться тоже не пойдет, - медленно сказал Гриша.

Ребята посмотрели на Вадима. Он молчал и, обхватив руками колени, смотрел на огонь.

- А мы, Гриша, наверно, все такие. А не такие, так еще хуже... У каждого, если так откровенно рассказать, что-нибудь найдется плохое, живо сказал Костя. - Вот я, например, о себе скажу... Я в школе с товарищами один, а дома другой. В школе я и веселый, и все мне хорошо. А дома, как приду, так сейчас надуюсь чего-то, ну, вообще... к сестренке начну придирааться - одним словом, тоже распускаю себя... - Костя виновато улыбнулся. - Честное слово!..

- Не та дисциплина, - заметил кто-то из ребят.

- Перед товарищами не больно-то свой характер покажешь - у нас живо на чистую воду выведут, будь спокоен! - тряхнул головой паренек в клетчатой рубашке со значком на груди.

- А я вот что знаю... - придвигаясь к огню, заговорил Саша. - Надо самому себя время от времени проверять: кто я есть, какой человек из меня получается. А то один раз я так себя запустил, что сам себе опротивел... Он выплюнул изо рта травинку и поглядел на внимательные лица ребят. - Кто смеется - не смейся. Это с каждым может быть...

Ребята поглядели друг на друга.

- Никто не смеется... Что ты?

- Говори...

- Говори, Саша! - слышались тихие голоса.

- А что говорить? Это дело с двойки началось, - хмурясь, сказал Саша. - Получил я как-то двойку по арифметике. Ну, неприятно мне, конечно, и неловко; иду домой и думаю: "Сегодня не скажу - и так у меня сегодня плохой день; завтра скажу". А назавтра я пятерку получил по русскому и опять думаю: "Что я буду хорошее с плохим мешать! Скажу послезавтра". Ну, так день за днем. Хорошее говорю, а о плохом молчу. И все так стал скрывать, а потом уж и врать пришлось, выкручиваться, да уж не только дома перед родителями, а и в классе перед товарищами. Ну, один раз лег спать и думаю: "Что это я перед всеми извиваюсь как-то, все мне на свете опротивело и самому на себя противно глядеть?"

Саша поднял голову и посмотрел на ребят.

- Ну и что? - нетерпеливо спросил Костя.

- Все! - решительно отрезал Саша. - С той поры все! На одной правде живу! Вот как есть, так и есть! Ничего не скрываю и нигде не выкручиваюсь - чистый стал, как после бани вышел!

Наступила тишина. Ребята задумались. Кто-то подкинул в костер сухую ветку. Огонь

вспыхнул и осветил лица.

- А у меня вот, ребята... - услышался взволнованный голос Димы, - у меня свой недостаток...

Ребята раздвинулись. Дима боком просунулся между ними и, вспыхивая горячим румянцем, долго не мог найти нужные слова.

Наконец он грустно улыбнулся и сказал:

- Я, наверно, какой-то трус, ребята, хоть мне об этом и говорить трудно... Но раз все о себе правду говорят, то и я хочу сказать.

- Ясно, говори!

- Как скажешь, так сразу и на душе станет легче! - сочувственно зашумели ребята.

- Говори. Тут чужих нет... Может, разберемся вместе, - сказал Гриша, присаживаясь ближе к костру.

- Я леса боюсь, - сказал Дима. - Боюсь, и все. И никак себя побороть не могу. Ни за что бы один в лес не пошел! Я уж себя проверял - выйду ночью из палатки и смотрю: лес, лес... деревья черные, кусты черные, а за кустами будто зверь какой валежником шуршит. Стою и думаю: "Пошел бы я сейчас один туда? Нет, ни за что на свете! Боюсь..."

- А чего боишься? Людей или зверей?

Дима пожал плечами:

- Нет, почему людей? Зверей, конечно, гадюк боюсь, а еще заблудиться мне страшно...

- Да-а... - протянул кто-то из ребят.

- Чудной ты... - сказал Вадим. - Лес все любят, а ты его боишься! И днем боишься?

- Нет, днем меньше. Днем все видно.

- Ну, а если бы ты попробовал преодолеть в себе этот страх? Вот как Саша: преодолел же он свой недостаток, когда понял, что это никуда не годится! И ты попробуй. Возьми себя крепко в руки и решишь пойти в лес, и ты увидишь, что ничего там страшного нет, - сказал Гриша.

- Конечно, Димка! Прямо скажи себе: я ничего не боюсь! И иди! Вон лес! - зашумели вокруг ребята.

Дима оглянулся на лес и тяжело вздохнул.

- Может, я с ним пойду для первого раза? - предложил Костя.

- Ну уж нет! Без нянек, пожалуйста! Димка пионер!

- Нечего ему тут долго думать! Пошел, и все!

Гриша вдруг встал, нащупал в траве пустое ведро и протянул его Диме:

- Слушай! Вон там под горкой ручей. Мы с тобой сегодня там были... Пойди и набери воды в ведро, понял?

Дима нерешительно взял ведро.

- Иди, иди, Димка! Нас много! Мы, в случае чего, все к тебе на помощь прибежим! - подбадривали Диму ребята.

- Иди, - дружески сказал Вадим и погладил товарища по плечу. - Не бойся ничего!

Дима пошел. Ребята молча смотрели, как он спускался с косогора, как в темноте постепенно таяла его фигура, удаляясь вместе с тихим звоном болтающегося на руке ведра. Когда его уже не стало видно, все заговорили разом, перебивая друг друга:

- Пошел!

- Ну и хорошо!

- Важно первый раз решиться!

- А все-таки сила воли у него есть, ребята!

- А ну потише! Не зовет? - спрашивал изредка Вадим, настороженно прислушиваясь к каждому звуку.

- Не зовет! Чего ему звать!

Время тянулось медленно. Ребята помолчали. Потом поговорили еще, но за словами уже чувствовалось нетерпеливое ожидание.

- Долго чего-то он, - сказал Костя, взглядываясь в темноту.

- Может, полное ведро зачерпнул - в гору тяжело нести? - предположил кто-то.

- Не торопитесь, - поднимаясь, сказал Гриша. - Пойду посмотрю, что там.

- А ну тише! - вдруг крикнул Вадим и замер, подняв вверх руку.

Сквозь ночную тишину прорвался откуда-то дрожащий, жалобный крик...

Ребята вскочили и, толкая друг друга, ринулись в темноту.

Гриша, цепляясь за ветки сбегающих по косогору кустов, первый достиг ручья. За ним почти скатился с горки Вадим, потом остальные ребята. Димки не было. В кустах булькал ручей. На берегу валялось пустое ведро.

- Димка! Эй, Димка-а-а! - тревожно понеслось по лесу.

"А-а-а", - передразнивая ребят, откликнулось лесное эхо, и вслед за ним - снова дрожащий тонкий звук, заглушенный голосом Димы:

- Сюда! Сюда!

Ребята, ломая сучья и обжигаясь крапивой, бросились на зов.

Голос шел из глубокого оврага. На дне его, в топком болоте, копошился Димка и рядом с ним что-то большое, темное, похожее на зверя.

- Ребята! Сюда! Тут жеребенок в болоте застрял! Никак не вытащу! кричал Димка.

"И-и-и!" - жалобно ржал жеребенок, пробуя вытащить заплывшие топкой глиной ноги.

Димка, подвернув выше колен штаны и обхватив обеими руками шею жеребенка, изо всех сил тащил его на берег.

Ребята сбросили тапочки и полезли в овраг.

* * *

У ручья вымыли ноги. Почистили копытца жеребенку. Димка, поглаживая густую щеточку его гривки, возбужденно рассказывал:

- Я пришел к ручью... и только хотел воды зачерпнуть, слышу - кричит кто-то! Я подумал: ребенок кричит - заблудился, в овраг попал! Ну, бросил ведро - и туда! А там не ребенок, а жеребенок стоит. Залез в топкое место и никак не вылезет! - Он провел рукой по торчащим вверх ушам жеребенка и добавил: - Тут колхоз близко... Наверное, в ночное лошадей пригнали, а он отбил от матки и попал в болото.

Ребята смотрели на Димку и улыбались.

- А как же ты пошел в овраг, Дима? Ты ведь и к ручью идти боялся! спросил Костя.

- Это - другое дело, - быстро ответил за товарища Вадим. - В овраг он на помощь побежал, тогда, верно, и страху не было...

- Нет, был. - Димка улыбнулся и покачал головой: - Еще какой страх был! Только я стиснул зубы и решил: будь что будет! Не бросать же кого-то в беде? Я этот страх свой... как бы вам сказать... - Дима развел руками, подыскивая слово.

- Преодолел! - спокойно досказал за него Гриша.

АНДРЕЙКА

Андрейке двенадцать лет. Он такой важный в своем рабочем костюме ремесленника. В его черных глазах горячая готовность на любые дела, на любой подвиг. Но таким Андрейка сделался не сразу. Над Андрейкой прошла война, и это большое событие в его маленькой жизни сделало его взрослее. Когда мальчику было семь лет, все рассказы о войне казались ему далекими и страшными сказками, а жизнь была веселая. С утра убегал Андрейка с соседскими ребятами на речку, купался и валялся в горячем песке на берегу и только тогда возвращался домой, когда раздавался звучный голос старшего брата Антона:

- Ау! Андрейка!

Встряхивая мокрой головой, он мчался на зов. Он радовался, что мать и брат уже дома, что на столе стоит миска горячего картофеля с мясом, что скоро наступят теплые летние сумерки. Мать сядет на крылечко, Андрейка примостится сбоку, а Антон приляжет на траву и будет рассказывать о своих товарищах, о работе, о новых заводских машинах и о своем станке, который он называл "сердечным другом". Андрейка видел этот станок. Как-то раз Антон взял с собой братишку на завод и показал ему свой цех. На заводе Андрейке все понравилось: и блестящий станок Антона, и широкие светлые окна цеха, и взрослые рабочие,

которые спрашивали у Антона совета и слушались его. А с Андрейкой шутили, приглашая его вместе работать. Андрейка смущался, а Антон серьезно отвечал:

- Шутки шутками, а лет через пяток будет он мне помощником!

В это воскресенье Антон с утра взялся за починку забора. Он принес из сарая целую охапку досок и начал их обстругивать. Андрейка стоял и смотрел, как из-под рубанка желтыми завитушками падают на траву стружки и доска делается гладкой, новой, светлой.

"Эк ему все удается!" - думает Андрейка, с завистью поглядывая на брата. А брат, посвистывая, ловко перебрасывал с руки на руку дощечку, крепко упирал ее одним концом в станок и легко проводил по ней рубанком, отбрасывал стружки. Один раз он дал братишке рубанок. Андрейка покраснел от удовольствия и, чтобы не осрамиться перед братом, из всех Своих силенок врезал рубанок в доску.

- Заехал сгоряча, - спокойно сказал Антон. - Полегонечку надо - это не дрова рубить!

Андрейка попробовал еще. Стружка у него завилась тоненькая, как мышинный хвостик.

- Не могу, - сказал он со вздохом.

- Пробуй, пробуй! - закричал Антон. - "Не могу" - такого слова нет, такого слова даже грудной ребенок не скажет!

- А какое слово грудной ребенок скажет? - спросила мать.

Андрейка хмыкнул от удовольствия и лукаво посмотрел на брата.

- Какое слово? - переспросил Антон, поглаживая рукой доску. - Очень простое: "Агу. Вырасту - смогу".

Мать засмеялась. Вдруг калитка громко хлопнула.

По дорожке бежали товарищи Антона - Сергей и Борис. За ними, прихрамывая, торопился сын соседа Алексей. Все трое, размахивая руками, кричали:

- Включи радио, Антон!

Антон бросил на станок рубанок и побежал на террасу. Мать поспешно вытерла мокрые руки, поправила платок и присела на кончик стула. Андрейка первый вскарабкался на табуретку и включил радио.

"Граждане и гражданки Советского Союза..."

Андрейка затаил дыхание и переводил глаза с брата на мать, с матери на товарищей Антона. Все слушали молча, не шевелясь. Но на всех лицах Андрейка вдруг увидел какое-то одинаково суровое, незнакомое ему выражение. Антон стоял выпрямившись, как будто принимал боевой приказ.

* * *

Через два дня Антон уехал. Вечером перед отъездом он долго сидел с матерью на крыльчке. Андрейка боком жался к нему. Брат тихонько гладил кудрявый чубик Андрейкиных волос и говорил:

- Было у матери два сына. Один с врагами дрался, а другой дома работал...

- Андрейка? - спрашивал братишка.

- Он, - серьезно отвечал Антон. - Бывало, ляжет спать пораньше, наберется за ночь сил, подрастет маленько, а утром вскочит, щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

Не шутил Антон. И у матери лицо было спокойное, строгое. Андрейка тихонько заложил четыре пальца и пересчитал:

- Щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

- ...и всякие дела за Антона справит, - досказал старший брат.

Андрейка заложил пятый палец.

- Справлю, - деловито сказал он.

* * *

И правда, на другой день Андрейка поднялся рано. В кухне стояли пустые ведра. Пока мать придет с работы, нужно все дела переделать. Как, бывало, Антон. У того все быстро. Он большие ведра с водой сразу по два приносил. Андрейке так не осилить: он берет в кухне большой чайник. Можно несколько раз сходить. И Андрейка ходит. Он несет чайник в

оттопыренной руке, чтобы вода не проливалась на голые колени, потом перекладывает его в другую руку, потом тащит обеими руками, крепко прижимая к животу. Живот у него весь мокрый, трусики прилипли к телу. Но ведра наполняются. Андрейка идет в сарай. Посвистывая, как Антон, он размахивает маленьким топориком. Сухие щепки колются легко. Андрейка собирает их в кучу и задумывается. Потом, отложив два пальца на руке, вспоминает: в лавку за хлебом надо сходить! На заборе, свесившись вниз головами, ребята давно кричат Андрейке:

- Пошли на речку купаться!

- Не... - мотает головой Андрейка, - я после...

- Да пойдем: вода сейчас теплая, горячая...

- "Пойдем, пойдем"! - передразнивает их Андрейка. - Вам бы только бегать без толку!

Антон на фронте... Кто матери помогать будет?

- А у меня отец пошел, одна бабка дома, - озабоченно говорит Генька. Он потихоньку отходит от забора и кричит Андрейке: - Слышь! Не уходи без меня! Я сейчас!

* * *

Ребята давно ушли. Андрейка сидит на крылечке и ждет товарища. "Видно, дело нашлось... - думает он. - Бабка у них старая, еще старше нашей матери".

Но стриженная голова Геньки уже торчит из кустов.

- Пошли!

Они пошли вдоль Андрейкиного забора, и вдруг Андрейка остановился он увидел большую дыру. Это Антон не успел прибить новые доски. Они лежат на траве, чисто выструганные. И гвозди в коробке стоят под станком.

- Кто же вам теперь забьет-то? - спрашивает Генька.

Андрейка молча перелезает через забор и бежит в дом. Генька со вздохом присаживается на траву. Андрейка возвращается с молотком и поднимает с земли тонкую дощечку.

- Держи, чтоб ровно было! Можешь? - спрашивает он товарища.

- Могу! - говорит Генька, деловито примеривая доску.

- Держи, а я буду гвозди вбивать.

Генька долго прилаживает доску. Гвозди выскакивают из рук Андрейки, и молоток часто бьет невпопад. Но Генька терпеливо ждет, изо всех сил налегая на доску.

- Эх, вода хорошая сейчас! Слышь, ребята плещутся? - говорит он, поглядывая на солнце.

- Выкупаться успеем, - отвечает Андрейка. - А вот если у матери два сына и один воует, так другой дома должен работать!

Под вечер Андрейка стоит на зеленом пригорке. Мокрые волосы его блестят. Прикрыв ладонью глаза, он смотрит на дорогу и, увидев мать, окликает ее:

- Ау, мама!

И кажется Андрейке, что голос у него стал совсем как у Антона, а сам он такой же крепкий, сильный и высокий, как старший брат, и от этого на маленьком подвижном лице его впервые появляется выражение готовности к подвигу.

* * *

Андрейка стоит посреди комнаты и таращит в темноту сонные глаза. Мать молча сует ему какой-то узелок, торопливо гладит по голове и, крепко схватив за руку, тащит в темные сени. Над домом что-то тяжело ухает; посуда жалобно звенит на полках; тянущий за душу вой, прерываемый диким кошачьим мяуканьем, несется из темноты. Андрейке страшно. Он цепляется за дверь.

- Не бойся... Не бойся... В убежище пойдем. Там все люди сейчас, там и Генечка с бабушкой...

Мелкий озноб охватывает Андрейку во дворе. Мать обнимает его одной рукой, и они бегут по темной улице, так крепко прижавшись друг к другу, что босые ноги Андрейки, наскоро обутые в башмаки, попадают под ноги матери. Страшное незнакомое небо

разверзается над их головами: крест-накрест перетянутое широкими белыми лентами, оно все время двигается и в глубине его то далеко, то совсем близко слышно грозное гудение моторов... Иногда тонкие зажженные свечи низко свисают над землей, и вслед за ними в ушах у Андрейки что-то с грохотом лопаются. Он цепляется за колени матери, и они оба падают на землю...

- Ничего, сынок... Ничего, миленький... Это Антон фашистов бьет.

Андрейка чувствует, как у матери дрожат руки, но имя Антона сразу воскрешает перед ним высокую, крепкую фигуру брата: на его широких плечах зеленая гимнастерка, а в руке настоящая винтовка...

- Антон фашистов бьет! - растерянным шепотом повторяет он.

Гордость и восторг охватывают его, и теперь он сам бежит вперед, чтобы скорей поделиться этой новостью с Генькой... И в темноте сквозь грохот рвущихся снарядов, пригнувшись к земле, мать слышит его дрожащий голос:

- Ничего, ничего, мама... Это Антон фашистов бьет...

"Бомбоубежище" - новое слово для Андрейки. Но они с Генькой помогали взрослым носить кирпичи и выбрасывать землю из огромной ямы. В местечке, где живет Андрейка, нет настоящих бомбоубежищ, а то бомбоубежище, которое наскоро рыли старики, женщины и дети, похоже на большую пещеру, узкую и длинную, с земляными сиденьями по бокам. Андрейка с матерью медленно спускаются по земляной лесенке вниз и с трудом пробираются в узком проходе между сиденьями. В черной тьме Андрейка чувствует только много чьих-то ног, крепко сдвинутых коленей, слышит отрывистое дыхание и тяжелые вздохи женщин. В глубине плачет грудной ребенок, и чей-то голос все время повторяет громким шепотом:

- Тише, граждане, тише! Спокойно, спокойно...

Андрейка хочет окликнуть Геньку. Но удар за ударом сотрясают землю; кто-то из ребят начинает громко плакать; какая-то женщина протискивается к выходу, ее не пускают. И снова страшный удар...

- Не допусти господи... - шепчет чей-то старушечий голос. И в ответ на него из темноты кто-то насмешливо цедит сквозь зубы:

- Уже допустил твой господь.

Андрейка, затиснутый в угол, туго сжатый с обеих сторон людскими телами, чувствует рядом мать. Она стоит, наклонившись над ним всем телом, и, услышав низкое гуденье самолета, закрывает его собой. В полной тьме, как под черным большим платком, сбились в кучу перепуганные дети, старики и женщины. Непонятный тяжелый страх сковывает Андрейку, но он не может удержать в себе свою торжествующую новость:

- Мама, скажи им: это Антон, это наши бьют фашистов!

* * *

Андрейка никогда не забудет, как прибежал к ним Генька и, широко распахнув дверь, закричал с порога: "Отца моего убили!"; как он сел на край лавки и без слез, с ужасом и удивлением на все вопросы отвечал одним словом: "Убили... Убили!"; как утешали соседи его бабу и плакали вместе с ней.

А жизнь шла своим чередом... На завод, где работал Антон, день и ночь шли люди. Одни сменяли других для короткого отдыха. Женщины, старики и подростки заменили ушедших на фронт. Вместе со всеми работала и мать Андрейки. Соскучившись, мальчик пробирался в заводской двор и заглядывал в светлые окна цеха, где раньше работал Антон. Через стекло был виден "сердечный друг" - блестящий станок Антона. Только теперь за ним стоял Андрейкин сосед, старый мастер цеха, Матвейч. На нос его низко спускались очки. Андрейка со вздохом отворачивался от окна и представлял себе брата в рабочем комбинезоне, с синими смеющимися глазами. А мимо Андрейки сновали люди, грузили на машины какие-то ящики, что-то вносили и выносили, на ходу завтракали. Все торопились выполнять какие-то приказы, идущие из кабинета главного инженера. Этого инженера Андрейка видел только один раз, когда они с Генькой сидели около заводских ворот.

Инженер был высокий, в серой шинели, с черным портфелем под мышкой. Проходя мимо, он бегло взглянул на ребят и крикнул:

- Зачем здесь?

Ребята опрометью бросились бежать.

- Ого! - только сказал Генька.

Но Андрейка, благодарный главному инженеру за то, что он заботится обо всем заводе, за то, что любимый станок Антона по-прежнему блестит в руках старого мастера, ответил Геньке коротко и ясно:

- Прогнал - значит, надо.

* * *

Никто не отрывался от своих дел. Напротив, все люди работали с упорством и ожесточением. Дела прибавилось у всех. Прибавилось и у Андрейки. Почти все свое время мать проводила на заводе. Андрейка старательно прибирал комнату, стоял в очереди за хлебом и варил супы. В супы он крошил все, что имелось в хозяйстве, - они выходили густые и клейкие, но когда мать забежала домой поесть, она покрывала стол чистой скатертью и, разлив по тарелкам Андрейкин суп, говорила:

- Ишь ты! Вкуснота какая! Не суп, а кисель! Ложка стоит!

И Андрейка, чтобы угодить ей, старался всюду. Размешивал в кружке муку с водой, делал густую заправку и удивлялся, что когда мать сама варит суп, то у нее он получается светлый и жидкий.

В бомбоубежище ходили теперь только старики и дети. Андрейка и Генька решительно отказались сидеть во время воздушной тревоги под землей. У ребят были свои важные дела, которые они выполняли с отчаянным усердием: они тушили зажигательные бомбы. Все мальчики в поселке были заняты этим делом. Они хватили бомбы тряпками, рукавицами и бросали их в воду или засыпали песком. Пожаров не было. Один раз Андрейке и Геньке удалось словить "живую" бомбу. Растопырив руки в старых брезентовых рукавицах, они схватили ее и с торжеством швырнули в кадку с водой. Андрейка, красный от натуги, со злыми блестящими глазами, сорвал рукавицу и, подняв кулак, показал немецкому самолету кукиш:

- Вот тебе твои бомбы, видал?!

Тяжелые годы пронесли над Андрейкой. Не раз стоял он над своим супом, придумывая, что еще можно положить в кастрюлю для густоты. Не раз делили они с матерью последний кусок хлеба и, не раздеваясь, ложились в холодную постель. Не раз сжималось сердце мальчика, когда он смотрел на осунувшуюся и постаревшую мать. Антон писал редко, и чем старше становился Андрейка, тем больше понимал, какие страшные опасности окружают его брата. Андрейка вытянулся и похудел. Но только один раз плакал он горькими мальчишескими слезами.

В тот день мать пришла рано. Старые ботсы на ее ногах отяжелели от приставшей к ним глины. Андрейка вытащил ее башмаки на двор и стал на крыльце обмывать их в светлой луже. Мать отказалась от еды и легла. Заунывный звук сирены заставил Андрейку поднять голову... И в тот же момент страшный удар потряс землю, у Андрейки зазвенело в ушах. Он покачнулся и упал...

А потом, как и в первую ночь бомбежки, они с матерью, спотыкаясь, бежали к заводу. Туда бежали все с лопатами, кирками, не обращая внимания на продолжающуюся бомбежку. На бегу мать останавливалась и считала заводские трубы. Они были целы. А между тем все уже знали, что бомба упала на завод.

- Правое крыло, видать... - задыхаясь, проговорила обогнавшая их соседка.

- Антонов цех! - крикнул кто-то из ребят.

Андрейка пулей влетел в заводские ворота. И там, где в широкие светлые окна был виден блестящий станок Антона, лежала груда кирпичей и обломки железа. Не то пыль, не то дымок с каким-то едким запахом шел от этих развалин.

Андрейка громко, жалобно заплакал:

- Не уберегли... Не оборонили...

Казалось ему, что он сам тоже виноват в том, что не уберег завод, и что, вернувшись, Антон спросит его с укором:

- А где же станок мой, Андрейка?

И Андрейка бегал вокруг, громко плача и вытирая кулаком слезы. Черные от копоти Люди толпились около развалин, звенели лопаты, с темных рабочих лиц каплями бежал пот...

А Андрейка, злой, как волчонок, сжимая кулаки, грозился в тяжелое, нависшее над его головой небо, покрытое вражескими самолетами. И как бы в ответ на его детские слезы один из фашистских самолетов вдруг вспыхнул ярким белым пламенем...

ПОЧЕМУ?

Мы были одни в столовой - я и Бум. Я болтал под столом ногами, а Бум легонько покусывал меня за голые пятки. Мне было щекотно и весело. Над столом висела большая папина карточка, - мы с мамой только недавно отдавали ее увеличивать. На этой карточке у папы было такое веселое доброе лицо. Но когда, балуясь с Бумом, я, держась за край стола, стал раскачиваться на стуле, мне показалось, что папа качает головой...

- Смотри, Бум... - шепотом сказал я и, сильно качнувшись, схватился за край скатерти.

Стол выскользнул из моих рук. Послышался звон...

Сердце у меня замерло. Я тихонько сполз со стула и опустил глаза. На полу валялись розовые черепки, золотой ободок блестел на солнце. Бум вылез из-под стола, осторожно обнюхал черепки и сел, склонив набок голову и подняв вверх одно ухо.

Из кухни послышались быстрые шаги.

- Что это? Кто это? - Мама опустилась на колени и закрыла лицо руками. - Папина чашка... папина чашка... - горько повторяла она. Потом подняла глаза и с упреком спросила: - Это ты?

Бледно-розовые черепки блестели на ее ладони. Колени у меня дрожали, язык заплетался:

- Это... это... Бум!

- Бум? - Мама поднялась с колен и медленно переспросила: - Это Бум?

Я кивнул головой. Бум, услышав свое имя, задвигал ушами и завил хвостом. Мама смотрела то на меня, то на него.

- Как же он разбил?

Уши мои горели. Я развел руками:

- Он немножечко подпрыгнул... и лапами...

Лицо у мамы потемнело. Она взяла Бума за ошейник и пошла с ним к двери. Я с испугом смотрел ей вслед. Бум с лаем выскочил во двор.

- Он будет жить в будке, - сказала мама и, присев к столу, о чем-то задумалась. Ее пальцы медленно сгребали в кучку крошки хлеба, раскатывали их шариками, а глаза смотрели куда-то поверх стола в одну точку.

Я стоял, не смея подойти к ней. Бум заскребся у двери.

- Не пускай! - быстро сказала мама и, взяв меня за руку, притянула к себе. Прижавшись губами к моему лбу, она все так же о чем-то думала, потом тихо спросила: - Ты очень испугался?

Конечно, я очень испугался: ведь с тех пор, как папа умер, мы с мамой так берегли каждую его вещь. Из этой чашки папа всегда пил чай...

- Ты очень испугался? - повторила мама.

Я кивнул головой и крепко обнял ее за шею.

- Если ты... нечаянно, - медленно начала она.

Но я перебил ее, торопясь и заикаясь:

- Это не я... Это Бум... Он подпрыгнул... Он немножечко подпрыгнул... Прости его!

Лицо у мамы стало розовым, даже шея и уши ее порозовели. Она встала:

- Бум не придет больше в комнату, он будет жить в будке.

Я молчал. Над столом из фотографической карточки смотрел на меня папа...

* * *

Бум лежал на крыльце, положив на лапы умную морду, глаза его не отрываясь смотрели на запертую дверь, уши ловили каждый звук, долетающий из дома. На голоса он откликался тихим визгом, стучал по крыльцу хвостом... Потом снова клал голову на лапы и шумно вздыхал.

Время шло, и с каждым часом на сердце у меня становилось все тяжелее. Я боялся, что скоро стемнеет, в доме погасят огни, закроют все двери, и Бум останется один на всю ночь... Ему будет холодно и страшно. Мурашки пробегали у меня по спине. Если б чашка не была папиной... и если б сам папа был жив... Ничего бы не случилось... Мама никогда не наказывала меня за что-нибудь нечаянное... И я боялся не наказания - я с радостью перенес бы самое худшее наказание. Но мама так берегла все папино! И потом, я не сознался сразу, я обманул ее, и теперь с каждым часом моя вина становилась все больше...

Я вышел на крыльцо и сел рядом с Бумом. Прижавшись головой к его мягкой шерсти, я случайно поднял глаза и увидел маму. Она стояла у раскрытого окна и смотрела на нас. Тогда, боясь, чтобы она не прочитала на моем лице все мои мысли, я погрозил Буму пальцем и громко сказал:

- Не надо было разбивать чашку.

После ужина небо вдруг потемнело, откуда-то выплыли тучи и остановились над нашим домом.

Мама сказала:

- Будет дождь.

Я попросил:

- Пусти Бума...

- Нет.

- Хоть в кухню... мамочка!

Она покачала головой. Я замолчал, стараясь скрыть слезы и перебирая под столом бахрому скатерти.

- Иди спать, - со вздохом сказала мама.

Я разделся и лег, уткнувшись головой в подушку. Мама вышла. Через приоткрытую дверь из ее комнаты проникала ко мне желтая полоска света. За окном было темно. Ветер качал деревья. Все самое страшное, тоскливое и пугающее собралось для меня за этим ночным окном. И в этой тьме сквозь шум ветра я различал голос Бума. Один раз, подбежав к моему окну, он отрывисто залаял. Я приподнялся на локте и слушал. Бум... Бум... Ведь он тоже папин. Вместе с ним мы в последний раз провожали папу на корабль. И когда папа уехал, Бум не хотел ничего есть и мама со слезами уговаривала его. Она обещала ему, что папа вернется. Но папа не вернулся...

То ближе, то дальше слышался расстроенный лай. Бум бегал от двери к окнам, он звал, просил, скребся лапами и жалобно взвизгивал. Из-под маминой двери все еще просачивалась узенькая полоска света. Я кусал ногти, утыкался лицом в подушку и не мог ни на что решиться. И вдруг в мое окно с силой ударил ветер, крупные капли дождя забарабанили по стеклу. Я вскочил. Босиком, в одной рубашке я бросился к двери и широко распахнул ее:

- Мама!

Она спала, сидя за столом и положив голову на согнутый локоть. Обеими руками я приподнял ее лицо, смятый мокрый платочек лежал под ее щекой.

- Мама!

Она открыла глаза, обняла меня теплыми руками. Тоскливый собачий лай донесся до нас сквозь шум дождя.

- Мама! Мама! Это я разбил чашку. Это я, я! Пусти Бума...

Лицо ее дрогнуло, она схватила меня за руку, и мы побежали к двери. В темноте я наткнулся на стулья и громко всхлипывал. Бум холодным шершавым языком осушил мои слезы, от него пахло дождем и мокрой шерстью. Мы с мамой вытирали его сухим

полотенцем, а он поднимал вверх все четыре лапы и в буйном восторге катался по полу. Потом он затих, улегся на свое место и, не мигая, смотрел на нас. Он думал: "Почему меня выгнали во двор, почему впустили и обласкали сейчас?"

Мама долго не спала. Она тоже думала: "Почему мой сын не сказал мне правду сразу, а разбудил меня ночью?"

И я тоже думал, лежа в своей кровати: "Почему мама нисколько не бранила меня, почему она даже обрадовалась, что чашку разбил я, а не Бум?"

В эту ночь мы долго не спали и у каждого из нас троих было свое "почему".

В КЛАССЕ

Когда Петя вошел в класс, ребята сразу окружили его.

- Новенький, новенький! - закричали они.

Высокий мальчик раздвинул ребят и, подойдя к новичку, протянул ему загорелую, крепкую руку:

- Давай знакомиться! Игорь.

Петя улыбнулся, тряхнул протянутую к нему руку и, обращаясь ко всем, сказал:

- А меня зовут Петя Набатов.

- Набатов? Здорово!

- Хорошая фамилия!

- Молодец, что приехал!

- У нас самые дружные ребята!

- Почти все хорошо учатся, только вот Бунька подводит! - перебивая друг друга, шумно заговорили ребята.

Игорь прищурил глаза и, облокотившись на парту, осторожно спросил:

- Ну, а ты, Набатов, вообще, как учишься?

Ребята примолкли и с интересом ждали ответа. Петя пожал плечами и усмехнулся:

- Странный вопрос!.. Я отличник, конечно!

- Отличник? - Игорь весело хлопнул новичка по плечу.

- Игорь, где ему сесть?

- Садись на заднюю парту, Набатов! - сказал Игорь.

- Почему на заднюю? - недовольно спросил Петя.

- Да ты не обижайся. У нас такое правило: мы отличников всегда на задние парты сажаем. Я сам там сижу. А отстающие у нас поближе к учителю сидят, чтоб на виду были.

- А, ну хорошо! Я не знал.

Ребята торжественно проводили Петю к его парте и, окружив со всех сторон, стали рассказывать ему все школьные новости.

После звонка в класс вошел учитель.

- Андрей Александрович! А у нас новенький!

- Отличник! - похвастался круглолицый Бунька.

- Отличник? Очень приятно. А ты откуда знаешь? - улыбнулся Андрей Александрович.

- Сразу видно! На глазок! - засмеялся Бунька.

- Жалко, что ты себя не видишь на глазок, - пошутил учитель и взглянул на задние ряды парт, где сидел новый ученик.

- Ну, новенький, здравствуй! Давай познакомимся. Как твоя фамилия?

- Петя Набатов, - отчетливо сказал новичок, поправляя курточку и приглаживая черные, коротко подстриженные волосы. - Я учился в Томске.

- Хороший город, - сказал учитель. - Ты как-нибудь нам расскажешь о нем.

Начался урок. Андрей Александрович вызывал ребят к доске. Несколько раз спросил с места Набатова. На вопросы Петя отвечал без запинки.

- Хорошо! Очень хорошо, Набатов! - хвалил учитель.

Ребята торжественно переглядывались, подталкивая соседей локтями.

Бунька, как волчок, вертелся на парте и громко шептал своему соседу:

- Ого! Какой круглый отличник!

- Пожалуй, даже сильнее Игоря!

Витя Волков с любопытством разглядывал новичка. Ему были видны коротко подстриженный затылок мальчика, высокий воротник его курточки, спина и плечи, которые он держал ровно и прямо.

"Молодец! - думал Витя. - Ничего не боится и держится как-то хорошо. Интересно познакомиться с таким поближе!"

* * *

После уроков ребята подходили к Пете и одобрительно хлопали его по плечу, а в раздевалке Витя Волков спросил:

- Тебе в какую сторону?

- Мне налево. А что?

- Хочешь, пойдем вместе погуляем? Я тебе нашу Москву-реку покажу.

Петя согласился. Мальчики бродили часа два по улицам, разглядывая памятники, проехали на метро. Потом остановились на набережной и долго смотрели на высокие башни Кремля.

Провожая Петю домой, Витя предложил ему почаще после уроков прогуливаться вместе по Москве.

- Пойдем завтра же? - сказал Петя.

- Завтра мне нельзя. Я завтра к одному товарищу иду. Он болеет, и мы все по очереди носим ему уроки. Три дня один, потом три дня другой, а завтра как раз моя очередь начинается.

- Ого! По три дня! Ну ладно. Так ты занеси уроки, а я подожду тебя, и пойдем!

- Ну нет! Так не выйдет. Обычно как придешь, так уж весь вечер просидишь. То уроки с ним вместе сделаешь, то в шахматы поиграешь. А сколько новостей надо рассказать! Ведь ему же скучно одному, а нас много, вот мы и распределились.

- Не люблю я больных... - поморщился Петя.

- Нет, он хороший парень. Мы его любим! - горячо сказал Витя.

- Ну ладно. В общем, значит, через три дня, как ты освободишься, пойдем в музей.

- Хорошо, конечно! А потом можно сходить и в кино...

Мальчики подружились.

- Ты знаешь, - говорил Витя, - у нас в классе, конечно, не все ребята одинаковые... ну, там по характеру, что ли... Но все-таки класс у нас очень дружный, ребята боевые, всем интересуются. Кто что услышит, сейчас расскажет; иногда поспорим. Один то, другой это слышал...

- Можно что-нибудь придумывать вместе, - мечтательно сказал Петя, - а потом на пионерском сборе обсуждать...

В классе Петя охотно делился с товарищами всем, что знал, умел интересно рассказывать о том, что увидел где-нибудь сам или прочитал в какой-нибудь книге. Постепенно Петина парта стала самым оживленным местом в классе. Около нее постоянно толпились ребята. Классный организатор Игорь радовался, и единственно, что беспокоило его, - это поведение Набатова на уроках. Петя как будто томился и скучал, когда учитель вызывал к доске другого ученика. При всякой ошибке он с усмешкой откидывался на спинку парты и громко заявлял:

- Неверно! Неправильно! - и порывался ответить.

Даже Андрей Александрович часто делал ему замечания:

- Набатов, подожди. Пусть сам сообразит.

Ученик, стоя у доски, начинал нервничать, поминутно оглядывался на Петю и окончательно терялся, увидев на его лице улыбку. Как-то раз после такого случая Игорь подошел к Пете и дружески сказал:

- Ты отличник, тебе все легко дается, а другим трудно; поэтому, когда они отвечают, ты их не сбивай зря.

Петя обиделся и запальчиво сказал:

- Как это - не сбивай? Я никого не сбиваю. Если что неправильно, указать ошибку каждый может.

- А тебя не просят раньше времени указывать, потому что если человек спокойно подумает, то и сам скажет, без твоей помощи! - рассердился Игорь.

Ребятам не хотелось ссориться с Петей, но все-таки они тоже сказали:

- Нехорошо, Набатов, получается! Стоишь у доски, думаешь, мучаешься, а тут вдруг перебивает кто-то! Так, может, сам бы нашел ошибку, и Андрей Александрович не засчитал бы, а так выходит, что другой за тебя ответил.

Набатов дернул плечами:

- Лучше б уроки готовили как следует и не придирались к другим!

Он ушел недовольный. Витя тоже не стал его ждать в раздевалке, чтобы вместе идти домой. У обоих осталось неприятное чувство. Петя был уверен, что класс просто завидует ему.

Витя Волков, идя домой, думал о товарище: "Как это Петя не понимает, что нехорошо вечно высказывать? Да еще не хочет слушать, что ему говорят, как будто все к нему зря придираются!" На другой день Петя вел себя по-прежнему. Игорь хмурился и сердито кусал губы. Витю начинало сильно раздражать вызывающее поведение Набатова. Сидя на уроках позади Пети, он глядел на его прямые плечи и сердито думал про себя:

"Ишь воображала! Не сидит, а торчит на парте".

Время шло. Прогулки Набатова и Вити по Москве давно прекратились, и, хотя оба мальчика втайне жалели об этом, никто не хотел заговаривать о них первый.

"Наплевать! - горько думал Витя. - Можно со всяким в музей пойти... Жаль только, что я с ним как с товарищем говорил, а он просто выскочка, и все!"

Внимание ребят от Пети неожиданно отвлек Бунька. Один раз Андрей Александрович при всех крепко отчитал мальчика за Лень и неряшливость в домашних заданиях, а потом сказал, обращаясь ко всему классу:

- Приближается конец первой четверти. Почти все отстающие подтянулись, но у Буни Пронина никакого желания подтянуться я не вижу. Ваше общее дело - повлиять как-то на товарища, помочь ему выправиться.

Ребята обрушились на Буньку:

- Ты что думаешь, на самом деле?

- Весь класс подвести хочешь?

Договорившись с товарищами, Витя Волков начал помогать Буньке: проверял тетради, спрашивал домашние задания. Часто они оба оставались после уроков. Дела у Вити прибавилось, и, когда снова подошла его очередь идти к больному товарищу, Игорь сказал, что вместо Вити пойдет Набатов.

Однажды утром Волков подошел к Набатову. Петя сидел за партой и повторял урок.

- Тебе сегодня к Володе идти, - сказал ему Витя.

- Куда? - не поднимая головы от книги, переспросил Петя.

- К Володе Светлову. Ну, к тому товарищу, который болеет. Класс решил послать тебя вместо меня, потому что я сейчас с Бунькой занимаюсь, а твоя очередь все равно скоро подойдет. Так вот: четверг, пятница и суббота. Не забудь. Отнесешь ему уроки и вообще посидишь с ним: расскажешь, что в классе делается...

- Да я же с ним незнаком совсем! - с раздражением сказал Петя.

- Это ничего. Я ему все рассказывал о тебе. Он очень хочет тебя видеть, посоветоваться о чем-то...

Петя пожал плечами, но спросил адрес. Витя тут же вырвал из блокнота листок, написал название улицы, номер дома, квартиры и отошел.

В этот же день Андрей Александрович вызвал Буньку. Ребята взволновались.

Бунька стоял у доски красный как кумач и робко поглядывал на товарищей. Те молча старались ободрить его взглядами и улыбками. Витя кивал ему головой. Один Петя сидел равнодушно, положив на парту правую руку и разглядывая свои ногти.

Учитель задал вопрос. Бунька ответил.

Андрей Александрович спросил еще что-то. Бунька опять ответил. Ребята весело переглянулись.

- Хорошо, - сказал Андрей Александрович. - Возьми мел!

Он перелистал страницы учебника и медленно продиктовал несколько предложений.

Бунька осторожно водил мелом по доске, поминутно оглядываясь на товарищей. Товарищи, встав на партах, следили за каждым словом и одобрительно кивали головами.

Андрей Александрович посмотрел на доску.

- Хорошо, - еще раз сказал он, глядя, как Бунька дописывает внизу доски последние слова. - Молодец!

- Неправильно! - вдруг послышался голос Пети. - В данном случае отрицание пишется отдельно от имени существительного, а у него вместе.

- Правильно! Правильно! Держись, Бунька! - закричал класс.

Но было уже поздно. Бунька поспешно стер написанные слова и в замешательстве остановился.

- У него было отдельно! Там было мало места, и буквы близко стояли, а так все правильно было! - крикнул Игорь.

- Правильно! Правильно! - зашумел класс.

- Тише, - сказал Андрей Александрович и положил руку на плечо Буньки.

- Почему ты стер эти слова, ты же правильно написал их? - ласково спросил он. - Значит, ты не уверен?

- Его сбили! Сбили! - закричали ребята.

Андрей Александрович нахмурился, на лбу его появилась резкая морщинка; он перевел взгляд на Петю Набатова:

- Ты нашел ошибку, Набатов?

- Мне показалось, что Пронин написал неправильно, - сказал Петя.

- В следующий раз я прошу тебя не торопиться, - недовольно сказал учитель. - А тебе, Пронин, надо отвечать уверенней.

После урока ребята сорвались с места и окружили Петю:

- Ты что же, нарочно сбил его?

- Против товарища идешь?

- Он очень тесно поставил слова, и я решил, что у него ошибка, оправдывался Петя.

- Эх ты! Заторопился! Поднял руку да еще кричит: "Неправильно, неправильно!"

- Я уже предупреждал тебя, Набатов, как с человеком с тобой говорил, а ты назло нам стал делать! - сердито сказал Игорь.

- Он не товарищ, он выскочка! - расталкивая ребят, презрительно крикнул Витя.

Набатов побледнел, бросил на парту книги:

- Я не товарищ? Я выскочка? Ладно! Плевать мне на вас тогда! И соваться ко мне нечего, а то все лезут, а потом выскочкой называют! А тебе, Волков, я этого не прощу и к товарищу твоему не пойду! Вот! Сами идите! - Он вытащил из кармана листок блокнота с адресом и швырнул его на парту: - Нате! Без меня обойдетесь!

Ребята стояли молча. Когда Петя ушел, кто-то тихо сказал:

- Мы-то обойдемся...

На другой день Петя пришел в класс к самому звонку. Усаживаясь на свое место, он старался ни на кого не смотреть. На уроке сидел тихо, делая вид, что очень занят решением примеров. На душе у него было нехорошо. Особенно неприятной была ссора с Волковым. Но все-таки он решил не сдаваться, думая, что ребята сами подойдут к нему. Он слышал, что Игорь, Витя и другие ребята куда-то собираются пойти после уроков, и, уходя домой, нарочно задержался в раздевалке, как бы разыскивая свою шапку. Но Игорь, весело разговаривая с другими, сухо сказал ему на ходу:

- Я был в библиотеке. Тебе просили передать, чтобы ты зашел за книгой.

"Подумаешь! - озлился опять Петя. - Говорит, как чужому! Очень нужно! Да я и сам

мириться с ним ни за что не хочу!"

Прошло несколько дней. Петя приходил в класс, садился на свою парту, но теперь уже ребята не окружали его, как раньше. Большая часть класса как-то отошла от Пети, перестала им интересоваться, а некоторые не скрывали своей враждебности и при каждом удобном случае кололи Петю злыми словами:

- Уйди, нам таких не нужно!

Или громко говорили:

- Бывают на свете эгоисты! Все для себя!

- И как только не стыдно!

Петя загрустил. Пятерки не радовали его, жизнь стала скучной. Он замечал, что каждого, кто хорошо ответил у доски, ребята встречали дружным одобрением, и тот, сияющий, возвращался на место. Только он, Петя, ни в ком уже не вызывал сочувствия. Как-то на большой перемене ребята затеяли строить снежную крепость. Петя несколько раз прошелся мимо крепости и громко сказал:

- На ночь полить водой нужно.

- Нужно, так польем, - равнодушно ответили ребята.

* * *

Приближался Новый год. Каждый хотел с чистой совестью провести свои каникулы. Самым слабым учеником был все-таки Бунька.

- Он весь класс подведет - я его знаю! Вечно няньку себе ищет! говорил товарищам Волков.

Бунька стоял подавленный и робко повторял:

- Мне только помочь немножко... Я сам стараться буду!

- Знаем мы, какой ты! - сердились ребята.

- Помочь мы поможем, только брось ты свою привычку на других надеяться!.. Ребята, давайте все-таки решим, кто с Бунькой будет заниматься? - хмуро спросил Игорь.

Ребята молчали: у всех было много своей работы.

"Я бы мог помочь ему, - подумал Петя и посмотрел на Буньку. Откажется... и ребята не захотят..."

- А все-таки, - сказал кто-то, - не по-товарищески выходит.

Бунька опустил голову и громко засопел. Петя вдруг решился.

- Я, ребята... - Голос его вздрагивал от волнения. - Если вы хотите... если согласны...

Ребята молча повернулись к нему и ждали.

- Я с удовольствием помогу Пронину...

- Без тебя обойдемся, - протянул кто-то из ребят.

Остальные молчали.

Петя стоял перед ними и ждал. В глазах его скапливались слезы. Бунька смотрел на Петю с удивлением и сочувствием.

- Ну что же вы? Говорите, что ли!.. Стоит человек... Тоже какие-то... - растерянно бормотал он, переводя глаза на товарищей.

- Ну как, ребята? - притворно равнодушным голосом спросил Игорь. Набатов свою помощь предлагает.

- Пусть помогает.

- Пусть. Нам-то что!

Витя Волков прищурился и с презрительной улыбкой оглядел Петю с головы до ног.

Петя повернулся и медленно пошел к своей парте.

Ребята неодобрительно посмотрели на Волкова.

- Лежачего не бьют, знаешь? - тихо бросил ему Игорь и громко сказал: - Набатов! Договорись с Бунькой насчет занятий.

* * *

Наступили трудные дни. Петя и Бунька не расставались. Ребята видели, как Петя медленно и упорно объяснял что-то своему подшефному.

Терпению Пети удивлялся весь класс. Даже Волков говорил товарищам:

- Если б на меня, я бы не выдержал! Он ему одно, а тот другое!

Однажды ребята подошли к Пете:

- Ну как? Подвигается дело?

- Подвигается, - сказал Петя и смущенно улыбнулся.

Бунька похудел, толстые щеки его побледнели, и только уши были красными от волнения.

Андрей Александрович потирал руки и чему-то радовался про себя. После уроков он приходил к ребятам в пионерскую комнату, рассказывал о своих школьных годах и однажды, глядя на Петю, сказал:

- Школа учит жить в коллективе.

* * *

На контрольных работах Бунька вел себя молодцом. Он спокойно выполнял задание; отвечая у доски, не искал глазами поддержки у товарищей, и мел не прыгал в его руке.

Внимание ребят теперь привлекал Петя. Он волновался. Когда Бунька стоял у доски, Петя не отрывал от него глаз, безмолвно шевелил губами и болезненно морщился в ожидании ответа. Андрей Александрович часто взглядывал на мальчика. Ребята перешептывались.

Однажды в раздевалке кто-то окликнул Набатова. Он обернулся и увидел Витю.

- Тебе в какую сторону идти? - небрежно спросил тот.

Петя вспыхнул и радостно ответил:

- Мне... куда ты...

НОВИЧКИ

Я была больна и целые дни проводила на балконе. Наверху синело небо с мягкими разорванными облачками; в полинявшей осенней зелени деревьев кричали воробьи. А внизу прыгали, смеялись и играли дети... Я не прислушивалась к их голосам, не запоминала их лиц и имен.

Но однажды мое внимание привлекла маленькая девочка с большой сумкой. Она вышла из нижней квартиры и остановилась под моим балконом, пересчитывая зажатые в руке деньги. Сначала я увидела только ровную полоску пробора на аккуратно причесанной голове, две косички, длинные ресницы и пухлые губы. Потом она подняла голову и, глядя куда-то вверх, стала перечислять вслух то, что ей нужно было купить:

- Щавель... картошка... лук... - При этом она все время высовывала кончик языка, озабоченно смотрела на свою ладошку со смятыми деньгами и тихонько соображала: - Можно без луку...

Она была в большом затруднении, а когда из дому вылез пухлый мальчуган и протянул ей пустую бутылку, она совсем растерялась.

- Ах, бабушка...

Малыш посмотрел на нее круглыми карими глазами:

- Мише молока...

- Ну вот... - растерянно сказала девочка и, оглянувшись, крикнула: Бабушка, возьми Мишу!

Потом присела на корточки, вытащила из кармана чистую тряпочку и вытерла малышу нос.

- Я сегодня куплю щавель... зелененький... - нараспев сказала она.

- И молока, - обхватив ее шею толстыми ручками, добавил малыш.

- А луку куплю тебе свежего-пресвежего...

- Нет, молока, нет, молока... - запротестовал малыш, оттопыривая нижнюю губу и обиженно, исподлобья глядя на девочку.

- Бабушка, возьми Мишу! Бабушка!

Нижнее окно раскрылось, и оттуда выглянула старушка.

- Батюшки мои, да как же это он вылез-то? - сказала она, протягивая руки.

Девочка с трудом подняла брата и посадила его на подоконник, потом она отдала старушке пустую бутылку и побежала к калитке.

Вернулась она скоро. Сумка, из которой торчала всякая зелень, перевешивала набок ее тонкую фигурку. Но лицо было довольное, глаза блестели.

Старушка, шлепая туфлями, семенила ей навстречу.

- Бабушка, я все-все купила. А тетенька одна такая добрая попалась, все спрашивала, как я хозяйничаю. Я ей сказала, что мама у нас в больнице, а папы давно нет - умер... Смотри, что я купила Мише... - Она вынула из корзинки красного петушка на длинной палочке. - Его сосать нужно! Сладкий, прозраченький!

Она сглотнула слюнку и счастливо улыбнулась.

- Ну и себе бы купила, - с сожалением сказала старушка.

- Ну, себе! Дома есть печенье!

Дверь захлопнулась, и на дворе стало тихо.

А под вечер на асфальтовую площадку собрались ребята со всего двора. И почему-то теперь я стала различать их голоса, имена и лица. Моя знакомая, которую звали Лелей, играла с девочками в мяч, прыгала через веревочку. Прыгая, она все время поглядывала на своего толстого братишку, который вертелся около старших ребят. Они охотно сажали его на плечи, тискали в объятиях и смеялись каждому его слову.

- Медвежонок! Медвежонок!

- Мишка-топтыжка!

Мальшу это надоело.

- Я к Леле хочу!

Леля бросила игру.

- Ну иди, иди ко мне... Ребята, не надо трогать его руками... Он похудеет от этого, - озабоченно сказала она, поправляя на братишке съехавший фартук.

Я слышала во дворе разные имена: Боря, Витя, Катя, Леша, но одно имя заставило меня прислушаться. Мальчика звали Анатолий. Не Толя, не Толька, а Анатолий! На мальчике был шелковый красный галстук. Приходил он под вечер и собирал около себя всю детвору: старшие и младшие ребята шумно встречали его приход. Он заводил какие-то игры, читал вслух и командовал малышами. В этот вечер он уселся под моим балконом на каменном выступе:

- Малыши, вперед! Равняйся! По росту!.. Живо!..

Малыши, толкая друг дружку, выстроились в одну шеренгу. Леля стала второй, а Миша, держась за чью-то курточку, - последним.

- Семилетки, два шага вперед!

Девочки и мальчики постарше заволновались, стали переглядываться. Анатолий повторил команду:

- Кто в школу скоро пойдет, два шага ко мне!

Тогда они поняли и, раздвинув маленьких, торжественно выстроились перед Анатолием. Их было шесть. И среди них была Леля. Ее глаза сияли, голова держалась прямо, косички с черными бантиками торчали в разные стороны. И тут я хорошо рассмотрела Анатолия. Ему было лет двенадцать, но выглядел он старше. Может быть, от густой пряди волос, которая все время спускалась ему на лоб, или от черных глубоко сидящих глаз, всегда серьезных, даже когда он улыбался. Сейчас он прошелся перед новичками и важно сказал:

- Протяните руки. Так. Руки у вас грязные... С такими руками в школу не принимают!

- Мы вымоем!

- Не вымоете, а отмоете. Вот... Через неделю пойдете в школу! Платья должны быть чистые, носы чистые, сумки или портфели вам матери купят...

- Мне уже купили! - крикнула одна девочка.

Новички зашевелились.

- И мне!.. Пенальчик синенький! И карандаши разные!

- А мне портфель купили! И тетрадки!

- А мне ручку и карандаш мама купила и шапку новую...

Я посмотрела на Лелю. Она молчала, и лицо у нее было такое же, как в тот раз, когда она считала на ладони деньги...

Улыбка медленно сбегала с ее губ, она сразу как-то осунулась и, тревожно оглядываясь по сторонам, пряталась за спины ребят. Мне казалось, что я слышу, как испуганно и быстро стучит ее сердечко.

- Завтра, - сказал Анатолий, - сделаем репетицию! Приходите все в чистых платьях, с чистыми руками - абсолютно!

Слово "абсолютно", видимо, доставило ему самому большое удовольствие, а малышкой даже испугало.

- Абсолютно! - тихо повторяли они. И, вырвавшись из строя, окружили Анатолия: - Можно с подарками? Можно с портфелями?

И, получив согласие, весело запрыгали:

- Завтра, завтра!.. Все с подарками!

Леля незаметно исчезла...

Утром я услышала легкие шажки. Леля шла с покупками: в руках у нее была та же сумка, из нее был виден хлеб, молоко и какой-то белый продолговатый предмет.

Потом она вышла из дому с Мишей, посадила его на травку и, держа перед ним кружку с молоком, тихо ему сказала:

- Я конфетку тебе завтра куплю... Ладно, Мишенька? А? Ладно?

Малыш вертел головой, тянулся к ней мокрыми губами:

- И завтра купишь, и вчера купишь. А я сегодня хочу...

...А вечером состоялся праздник новичков. Анатолий прохаживался перед ними, как настоящий командир. Я заметила, что галстук его был тщательно разглажен, а на груди появились какие-то значки. Гладенькие, отмытые до блеска, румяные, с подарками в руках, новички стояли как вкопанные. И Леля стояла в новом клетчатом платье, прижимая к груди белый продолговатый предмет. Анатолий вызывал каждого новичка, рассматривал его тетрадки, карандаши, портфели...

- С такими подарками, брат, отличником надо быть! А тетрадки-то у тебя чистенькие, новенькие! Смотри, чтоб ни пятнышка не было!.. А это что? Краски? Таких красок у меня у самого нет! А портфель-то, портфель!..

Счастливый малыш отходил на свое место. Каждая вещь от похвалы Анатолия приобретала еще большую ценность.

- Семь лет!.. Ведь это все равно что сорок! Взрослый человек! Школьник! Во как учиться надо!.. Я вас до самой школы с барабаном провожу! С треском!

Ребята смеялись.

У Лели Анатолий взял из рук пенал:

- Вот это пенал так пенал!

Он украдкой посмотрел на опущенные руки девочки: у нее больше ничего не было...

- Вот это пенал так пенал! И с крышкой! Будешь отличницей! Обязательно!

Потом он посмотрел подписи на всех подарках: от папы, от тети, от брата, от мамы... А у Лели было написано: "От Лели Колосковой - на память Леле".

Тут Анатолий запнулся. Вскинул вверх брови.

- Как, как? - закричал он, ворочая во все стороны пенал. И, не выдержав, расхохотался: - Да ведь ты же сама Леля Колоскова! Сама!

Леля покраснела, взяла у него из рук пенал и пошла к дому... Ребята смеялись, а она плакала. И сначала шла медленно, потом побежала. Анатолий кинулся за ней, но она скрылась в дверях.

- Анатолий! - крикнула я.

Он поднял голову, подошел к балкону. Он был озадачен, потому что ни разу не видел меня прежде.

- Ей некому дарить, понимаешь?

Он слушал меня, тер ладонью щеку, виноватый и опечаленный. Потом, откинув со лба прядь волос, сказал:

- Я все исправлю! Я не знал!

На другой день к вечеру я услышала у нас в коридоре голос Анатолия. Он пришел ко мне посоветоваться. Сел возле меня на стул, вытащил из кармана небольшой сверточек и осторожно разгладил на коленях батистовый платочек, обвязанный голубым шелком, и красную ленту:

- Сестренка дала...

Я одобрила обе вещи. Анатолий обращался с ними осторожно и неумело. Ленту он навертел на палец и не мог снять ее, а платок, соскользнувший с его колен, нашел под своим ботинком и очень огорчился. Дул на него, тряс за кончик и, свернув в тугую трубочку, наконец спрятал в карман. Потом вздохнул и задумчиво сказал:

- Жаль только, что нет портфеля.

Я показала ему свой:

- Здесь сломан замочек.

- О, я сделаю! - Он схватил портфель с видом знатока, вытащил из кармана перочинный нож, выковырнул замок, вывернул весь портфель наизнанку и заявил мне, что завтра он будет готов, чему я не очень-то поверила, глядя на зияющую дырку вместо замка и растрепанную подкладку.

Но пока он работал, мне доставляло удовольствие смотреть, как, схватив двумя пальцами нижнюю губу, он по-взрослому хмурит брови или, выкручивая замок, посвистывает сквозь зубы. А прядь волос щекочет ему лоб и лезет на глаза... Ушел он очень довольный... А на другой день он забежал на одну минутку, принес блестящий, неузнаваемый портфель, без конца щелкал у меня над ухом новым замком и объяснял, каким сложным составом он помазал кожу, чтобы она блестела.

- Правда, она липнет к рукам и издает запах...

Потом он положил в портфель платок, ленту и ушел.

А вечером, прижавшись щекой к перилам, я не отрываясь смотрела на Лелю: она стояла в строю со своим пеналом.

Анатолий держал в руках портфель:

- Ребята! Вот этот портфель меня просили передать девочке, которая помогает своей бабушке и нянчит братишку, а зовут ее Леля Колоскова! Есть такая?

Леля вспыхнула, растерялась...

- Есть! Есть! - закричали ребята. - Вот она!

Строй сомкнулся, и упирающуюся Лелю вытолкнули на середину круга.

Анатолий торжественно передал ей портфель. Ребята захопали.

А потом принесли барабан. Начался оглушительный треск, пение, маршировка. И Леля шагала среди других новичков, сияющая и серьезная.

КОЧЕРЫЖКА

Люди возвращались. На маленькой голубой станции, уцелевшей от бомбежек, беспорядочно и суетливо выгружались из вагонов женщины и дети с узлами и авоськами. По обеим сторонам дороги заколоченные домики, глубоко зарывшись в сугробы, ждали своих хозяев. То там то сям вспыхивали в окнах светлячки коптилок, из труб поднимался дым. Дольше всех пустовал домик Марьи Власьевны Самохиной. Забор ее повалился, и только кое-где стояли еще крепко сбитые колья. Над калиткой торчала вверх и билась на ветру сломанная доска. В морозные зимние ночи, проваливаясь в снег, к запущенному крыльцу брел голодный пес, похожий на затравленного волка. Он обходил дом, прислушиваясь к тишине, царившей за большими окнами, тянул носом воздух и, бессильно волоча длинный хвост, укладывался на снежном крыльце. А когда луна бросала на пустой дом светлые желтые круги, пес поднимал морду и выл.

Вой будоражил соседей. Измученные, настрадавшиеся люди, зарываясь головой в подушки, грозилась заткнуть эту голодную глотку дубиной. Может быть, и нашелся бы

человек, решившийся поднять дубину на поджарое собачье тело, но пес, как бы зная это, остерегался людей, и утром на снегу оставались только следы, тянувшиеся неровной цепочкой вокруг брошенного дома. И лишь один маленький человечек из домика напротив каждый вечер за старым обвалившимся погребом ожидал голодного пса. В растоптанных валенках и старой серой шинельке он тихонько вылезал на крыльцо и смотрел, как в сумерках белеет снег. Потом, прижимаясь к стене, круто заворачивал за угол дома и шел к погребу. Там, присев на корточки, он делал в снегу плотную ямку, выкладывал из кармана корочки хлеба и тихонько отступал за угол. А за погребом, медленно переставляя лапы и не сводя с ямки голодных волчьих глаз, появлялась поджарая собака. Ветер качал ее костлявое тело, когда она жадно глотала то, что принес маленький человечек. Окончив еду, пес поднимал голову и в упор смотрел на мальчика, а мальчик смотрел на пса. Потом оба расходились в разные стороны: собака в снежные сумерки, а мальчик в теплый дом.

* * *

Судьба маленького человечка была судьбой многих детей, застигнутых войной и обездоленных фашистскими варварами. Где-то на Украине золотой осенью в обуглившемся селе, только что отбитом у фашистов, безусый сержант Вася Воронов нашел на огороде завернутого в теплые тряпки двухлетнего мальчишку. Рядом на вспаханной огородной земле, среди обрубленных кочанов капусты, в белой сорочке, вышитой красными цветами, лежала, раскинув руки, молодая женщина. Голова ее была повернута набок, голубые глаза застыли в пристальном созерцании высокой горки срезанных капустных листов, а пальцы одной руки крепко сжимали бутылку с молоком. Из горлышка, заткнутого бумагой, медленно стекали на землю крупные молочные капли... Если б не эта бутылка с молоком, может быть, пробежал бы Вася Воронов мимо убитой женщины, догоняя своих товарищей. Но тут, горестно поникнув головой, осторожно вынул он из рук мертвой бутылку, проследил ее застывший взгляд, услышал за капустными листьями слабое кряхтенье и увидел широко открытые детские глаза. Неумелыми руками вытащил безусый сержант закутанного в одеяльце ребенка, сунул в карман бутылку с молоком и, наклонившись над мертвой женщиной, сказал:

- Беру... Слышь? Василий Воронов! - и побежал догонять товарищей.

На привале бойцы поили мальчика теплым молоком, любовно оглядывали его крепенькое тельце и шутя называли Кочерыжкой.

Кочерыжка был тихий; свесив голову на плечо Васи Воронова, он молча глядел назад, на ту дорогу, по которой его нес Вася. А если мальчик начинал плакать, товарищи Воронова с пыльными и потными от зноя лицами приплясывали перед ним, тяжело потряхивая амуницией и хлопая себя по коленкам:

- Ай да мы! Ай да мы!

Кочерыжка замолкал, пристально вглядываясь в каждое лицо, как будто хотел запомнить его на всю жизнь.

- Изучает чегой-то! - шутили бойцы и дразнили Васю Воронова. - Эй, отец, докладай, что ли, по начальству насчет новорожденного!

- Боюсь, отымут, - хмурился Вася, прижимая к себе мальчонку. И упрямо добавлял: - Не дам. Никому не дам. Так и матери его сказал - не брошу!

- Одурел, парень! С ребенком, что ли, в бой пойдешь? Или в няньки теперь попросишься? - урезонивали Васю бойцы.

- Домой отошлю. К бабке, к матери. Закажу, чтоб берегли тама.

Твердо решив судьбу Кочерыжки, Вася Воронов добился своего. Поговорив по душам с начальством и передав своего питомца с рук на руки медицинской сестре, Вася написал домой длинное письмо. В письме было подробно описано все происшедшее, и кончалось оно просьбой: держать Кочерыжку, как своего, беречь, как родное дите сына Василия, и не называть его больше Кочерыжкой, потому как мальчик крещен в теплой речной купели самим Вороновым и его товарищами, давшими ему имя и отчество: Владимир Васильевич.

Молоденькая сестричка привезла Владимира Васильевича в семью Вороновых зимой

сорок первого года, когда сами Вороновы, заколотив свой домик, бежали с вещами и авоськами к голубой станции. На ходу, второпях прочитали Анна Дмитриевна и бабка Петровна письмо Васеньки, со вздохами и слезами приняли от сестрички сверток в сером солдатском одеяле и, нагруженные вещами, полезли с ним в дачный вагон, а потом в теплушку... А когда вернулись на старое жилье и открыли свой отсыревший домик, война уже отодвинулась, письма Васеньки шли с немецких земель, а Кочерыжка уже бегал по комнате и сидел на скамейке, пристально изучая новые углы и новые лица своими зеленовато-голубыми глазами под темными шнурками бровей. Мать Васеньки, Анна Дмитриевна, осторожно поглядывая в сторону мальчика, писала сыну:

"Завет чести твоей и совести, дорогой наш боец Васенька, мы сохраняем. Кочерыжку твоего, то есть Владимира Васильевича, не обижаем, только достатки наши невелики - особенно содержать его не можем. По приказу твоему мальчику о тебе поминаем, как что между вами произошло, и бутылочку тую держим на память. Еще разъясни ты нам, Васенька, как ему нас звать прикажешь, а все "тетенька" да "тетенька" я ему, бабку зовет Петровной, а сестренку твою Граню Ганей кличет".

Вася Воронов, получив письмо, слал ответ:

"За хлопоты ваши великое спасибо. В остальном разберусь, как домой приеду. Одна просьба: Кочерыжкой не звать, потому как это звание походное, данное случаем по обстоятельству местонахождения в капусте. А он должен быть как человек, Владимир Васильевич, и сознавать то, что я ему отец".

Кочерыжке своему Вася Воронов, подумав, всегда писал одно и то же: "Расти и слушайся". Пока что больших задач воспитания приемного сына он на себя не брал. Кочерыжка рос плохо, а слушался хорошо. Слушался молча, медленно, понятно и серьезно.

- Батюшки, да что ты как спеленатый на лавке сидишь? Пойди хоть побегай маленько! - замечая его, на ходу кричала тетенька Анна Дмитриевна.

- А где побегать? - сползая с лавки, спрашивал Кочерыжка.

- Да в садике, батюшки мои!

Кочерыжка выходил на крыльцо и, как будто стесняясь, с неуверенной улыбкой смотрел на тетеньку, потом, опустив руки, неловко перебирая ногами, бежал к калитке. Оттуда медленно возвращался и снова садился на лавку или на крыльцо. Петровна качала головой:

- Притомился, Кочерыжка, то бишь Володечка?

Мальчик поднимал тонкие брови и односложно отвечал:

- Не.

Граня бегала в школу. Иногда у крыльца, как стайка веселых птиц, собирались ее подружки. Граня вытаскивала Кочерыжку, сажала его к себе на колени, дула на его большой лоб с пушистыми темными завитками и, скрестив на его животе крепкие, загорелые руки, говорила:

- Это наш, девочки! Мы его в капусте нашли! Не верите? Он сам знает. Правда, Кочерыжка?

- Правда, - подтверждал мальчик, - меня в капусте нашли!

- Бедненький! - ахали девочки, поглаживая его по головке.

- Я не бедненький, - отводя их руки, говорил Кочерыжка. - У меня отец есть. Вася Воронов - вот кто!

Девочки начинали возиться с ним, но Кочерыжка не любил шумных игр. Однажды Петровна дала ему немного земли из старого цветочного горшка, и в самом углу широкой скамьи Кочерыжка устроил себе огород. На огороде он сделал аккуратные грядочки. Граня дала мальчику красной глянцевиной бумаги к зеленой папиросной. Кочерыжка вырезал круглые красные ягодки, разложил их на грядках, а рядом воткнул зеленые кустики из папиросной бумаги. Потом принес из сада ветку и повесил на нее бумажные яблочки, раскрашенные с помощью Грани. В игре принимала участие и Петровна - она тайком

подкладывала в огород свежую морковку и громко удивлялась:

- Гляди-ка, морковь у тебя поспела!

Анна Дмитриевна называла Петровну потатчицей, но сама как-то привезла два игрушечных ведерка и совочек для "огорода". Кочерыжка любил землю; он брал ее на ладонь, прижимался к ней щекой и, когда скупое зимнее солнце падало из окна, серьезно говорил:

- Не загораживайте солнце-то - ведь расти ничего не будет!

- Агроном!.. - с гордостью говорила о нем Петровна.

* * *

Жизнь в то время была трудная. У Вороновых не хватало хлеба, картошки своей не было. Анна Дмитриевна работала в столовой. Она приносила в бидончике остатки супа. Граня с размаху залезала в бидон ложкой и вылавливала гущу. За столом мать бранила ее:

- В такое-то время, когда весь народ от войны еще не оправился, она только о себе думает! Выловит гущу, а мать и бабушка как хотите! Да Кочерыжка еще на руках у нас!

Громкий голос и сердитые слова пугали Кочерыжку.

- Я не буду! - испуганно говорил он, сползая со стула. - Я не буду кушать!

- Сядь!.. Что за "не буду" такое? - в раздражении кричала на него Анна Дмитриевна.

Кочерыжка низко наклонял голову и начинал капать крупными слезами. Петровна схватывалась со своего места и, вытирая ему глаза передником, ругала дочь и внучку:

- Вы что ребенку нервы треплете? Чужое дите за столом, а они при нем куски считают! Взяли за своего, так и держите по совести!

- Да что ж я ему сказала-то? - ахала Анна Дмитриевна. - Не на него кричу, а на дочь родную! Я его и пальцем не трону! Мне с ним не жить... Пусть кто взял, тот и воспитывает!

- А мне, что ли, с ним жить? Мне и вовсе он не нужен на старости, а раз взяли, так надо сердце иметь! Вишь, он ото всего нервный какой!

- Ну, нервный! Представленный, и все тут! - кричала сквозь слезы Гранька, получившая от матери подзатыльник. - Все, все брату напишу! Пускай забирает его совсем! Не надо нам!

- А кто ж со мной жить будет? - вдруг спрашивал Кочерыжка, обводя всех тревожными заплаканными глазами.

Петровна спохватывалась:

- Усе, усе будем, сынок! Не плачь только! Советская власть сироту не бросит! А отец-то! Отец-то на што? Вон он глядит... Вон он... - Она снимала с полки фотографию Васи и, обтерев ее ладонью, подавала мальчику. - И-и, какой отец... С ружьем!

Кочерыжка сквозь слезы улыбался доброму скуластому лицу Васи, а Петровна, расчувствовавшись, крепко прижимала к себе мальчика:

- Разве он бросит?! Как повидал он это горюшко... Лежит она, голубка сердечная, а молочко-то из бутылочки кап-кап...

Она вдруг прерывала себя и, подперев рукой щеку, начинала раскачиваться из стороны в сторону:

- Ах ты боже ж мой, боже ж мой... Несла своему сыночку, голубушка...

Анна Дмитриевна, прислушиваясь к ее словам, останавливалась посреди комнаты; Граня сидела тихо, поглядывая круглыми глазами то на мать, то на бабу.

- И сказал он ей, мертвенькой...

Кочерыжка закрывал глаза и, борясь с дремотой, крепче прижимал к себе карточку.

- ...нипочем я сыночка твоего не брошу... - доносился до него затихающий голос Петровны, смешанный со слезами и вздохами. - Ах ты боже ж мой, боже ж мой...

- Гляди, карточку всю изомнет! - вдруг кричала Гранька. - Заснул ведь! Дай-ка я возьму у него!

Петровна загораживала от нее Кочерыжку:

- Не тронь, не тронь, Гранечка! Я сама опосля возьму!

Анна Дмитриевна, как бы очнувшись, бежала к постели, взбивала подушечку и принимала из рук Петровны спящего мальчика. Гранька вертелась тут же, чтобы вытащить

из горячих сонных рук Кочерыжки Васину карточку, но мать молча отводила ее руку и, глядя в курносое безмятежное лицо девочки, думала: "Чего в ней не хватает - сердца или разума?"

* * *

По ночам выла собака. Кочерыжка знал, что она воеет от голода, от тоски по хозяевам и за это ее хотят убить. Кочерыжка хотел, чтобы собака перестала выть и чтобы ее не убивали. Поэтому однажды, увидев за своим погребом следы собачьих лап, он стал относить туда остатки еды. Собака и мальчик боялись друг друга. Пока Кочерыжка складывал свои сокровища в ямку, собака стояла в отдалении и ждала. Он не хотел погладить ее сбившуюся шерсть на тощих ребрах - она не хотела вильнуть ему хвостом. Но часто они смотрели друг на друга. И тогда между ними происходил короткий разговор.

"Все?" - спрашивали собачьи глаза.

"Все", - отвечали ей глаза Кочерыжки.

И собака уходила, чтобы в сумерки следующего дня заставить его тревожно ждать за погребом, прислушиваясь к каждому голосу из дома. За столом Кочерыжка, глядя испуганными глазами на все лица, прятал за пазуху хлеб.

* * *

Однажды ночью он проснулся от собачьего голоса. Но это не был вой. Это был короткий визг. Кочерыжка прислушался. Визг не повторился. Мальчик понял: что-то случилось. Он сполз с кровати и, всхлипывая, пошел к двери. Петровна в одной юбке, сонная и растрепанная, схватила его на руки:

- Куда ты? Куда, батюшка мой?

Кочерыжка громко заплакал.

- Молчи, молчи, сынок... Усех в доме перебудешь...

Но мальчик вырывался из ее рук и, захлебываясь слезами, указывал на дверь:

- Туда, туда...

- Да куда же мы пойдем с тобой? Ведь на дворе тьма-тьмущая... Там усё волки сейчас бегают... Гляди-ко!

Петровна подняла Кочерыжку к окну и отдернула занавеску. На дворе стояла оттепель; сквозь мокрое стекло было видно, как из освещенного окна пустого дома на крыльцо падала желтая тень. Кочерыжка вдруг затих, а Петровна, зевая, сказала:

- Никак, Самохины приехали?

* * *

В эту ночь от станции, глубоко проваливаясь в снег тяжелыми бутсами, шла женщина. Рваное мужское пальто, подвязанное веревкой, мокрыми полами обхватывало ее колени, черный платок съехал на плечи, седые пряди волос прилипли к щекам. Женщина часто останавливалась и прислушивалась к собачьему вою. В калитке оторванная доска задела ее за плечо, а с крыльца поднялся одичалый пес и, прижимая к затылку уши, двинулся ей навстречу. Женщина протянула к нему руки, чуть слышно пошевелила губами. Пес с коротким визгом упал на снег и пополз к ней на брюхе... Женщина обняла его за шею и достала из кармана ключ. Потом поднялась на ступеньки, открыла дверь, зажгла огарок свечи, и от освещенного окна упала желтая тень, которую увидел Кочерыжка.

* * *

Собака не приходила. Два дня ждал ее Кочерыжка, глядя на огонек, светившийся через дорогу. Теперь оттуда часто доносился хриплый, сердитый лай. Слышно было, как пес кидался к забору и до конца улицы провожал идущих мимо отрывистым лаем. Он сторожил свой дом. Ночью никто уже не слышал его жалобного воя и не грозил заткнуть ему глотку дубиной. Из разговоров соседей Кочерыжка знал, что в домик Самохиных вернулась одна старуха - Марья. Власьева... Бабка Маркевна, никуда не уезжавшая во время войны, считала себя хозяйкой опустевшего поселка с заколоченными домиками. Ей казалось, что именно она, оставаясь здесь, под немецкими бомбами, уберегла от разрушения весь поселок. И как хозяйка встречала она всех возвращающихся, приветливо и жалостно, не скупясь ни на

сочувствие, ни на вязанку дров для заолодавших людей. Первая являлась она к семьям, еще не обогрешим пустые углы, и, прислонившись к косяку двери, зябко кутаясь в клетчатую шаль, говорила:

- Ну вот, слава те господи! Вернулись! На родном пороге не обобьешь ноги!

И тут же зорко примечала она чьи-то заплаканные глаза, горестно покачивала головой, кляла душегубов-фашистов, вытирала концом платка слезы и утешала:

- Что делать, милушка, война... Уж теперь не вернешь и сама в могилку не полезешь. Скрепи сердце, как ни есть... Небось не одна поплачешь, люди с тобой поплачут и над твоим и над своим горем... Все вместе, легче будет...

Серенькое, востренькое лицо ее, теплые руки с темными жилками, слезы и сочувствие успокаивали. Не одна осиротевшая женщина выплакала свое горе вместе с Маркевной. Поплакав, бабка Маркевна деловито распорядилась:

- Печку-то попробуй - не дымит ли? Да пойдём ко мне: дровишек сухоньких дам или кипяточку отолью.

Бабка Маркевна жила одна, но с утра до вечера у нее толком народ женщины, ребятишки. Каждому что-то было нужно. Иногда на широкой лавке под печкой сидел у бабки чей-нибудь закутанный ребенок, и бабка, придя со двора, говорила:

- Ишь бог послал... Чей же это? Сафроновых али Журкиных? - И сама себе отвечала: - Небось Журкиных... Она нынче к снохе в город уехала...

Погремев в печи заслонкой, Маркевна вытаскивала горячую картофелину, дула на нее, перебрасывая с ладони на ладонь, и подносила ребенку:

- На-кось... Погрей ручки да скушай!

Теперь бабка Маркевна часто сидела у Петровны и, указывая на домик Самохиной, с обидой говорила:

- Я к ней, а она от меня... я во двор, а она в дом... Вижу, лица на ней нет.

- Да-да, - подтверждала Петровна, - чуждается она людей... а бывало, как работала библиотекаршей на заводе, от одних ребят отбою не было, сама всех привечала.

Маркевна освобождала от шали востренький подбородок и шумно сморкалась.

- Всхожу это я в сени, а у самой сердце не на месте... И ее жалко, и навязываться тошно... Только думаю себе: горе-то что петля на шее, если некому растянуть ее, она всего человека захлестнет. - Маркевна оглянулась на Кочерыжку и вдруг зашептала: - Ведь одна-одинехонька вернулась. Игде невестка, игде внучка ейная. Все небось в земле сырой похоронено. Как не бывало да не было. И сама-то вся рваная, пальтишко худенькое...

- О-хо-хо... - подперев щеку рукой, вздыхала Петровна. - Ведь полным домком жил человек! Да где же это она всех растеряла-то?

Но Маркевна уже снова перешла от сочувствия к обиде:

- Да разве в ней человекская душа осталась? Голубушка, говорю, милая ты моя, одна, что ли, в свой домик возвернулась? А она это как глянет на меня, руками за стол схватилась да как крикнет: "Не спрашивай!" Батюшки мои! Ровно я ей в сердце иголку всадила... - Маркевна закрылась платком и заплакала.

Петровна мельком взглянула на Кочерыжку. Лицо у него было серое, губы дрожали, в глазах стоял испуг.

- Уйди ты отсюда! Что за ребенок такой?! - рассерженно крикнула Петровна и, схватив Кочерыжку за руку, вытащила его в кухню. - Ступай оденься, погуляй хоть с ребятами! - Она бросила ему шинельку и платок. Ступай, ступай! Вот всегда эдак-то: прилипнет к лавке и сидит на нервы действует, - объясняла она бабке Маркевне, возвращаясь в комнату.

Кочерыжка нерешительно потоптался в кухне, взял с плиты печеную картофелину, надел шинельку, вышел на двор и побрел на собачий лай. Ему хотелось взглянуть на собаку, которая уже два дня не приходила к погребу. Но ему было страшно, что на крыльце Самохиных вдруг появится та женщина и закричит на него, как на бабу Маркевну. Во дворе никого не было. Не отрывая глаз от закрытой двери, Кочерыжка долго стоял у забора, потом храбро направился к калитке.

* * *

Марья Власьевна сидела одна у холодной печки. Около нее валялась сломанная табуретка и секач. Скрип двери, серая шинелька и протянутая ладошка с печеной картофелиной испугали ее. Она откинула со лба седые волосы и, зажмурившись, сказала:

- Боже мой, что это?

- Собаке... - дрожащим голосом прошептал Кочерыжка, не сводя с нее глаз.

Марья Власьевна глубоко вздохнула.

- Волчок!

Со двора вбежала собака, шумно обнюхала мальчика и, виляя хвостом, остановилась рядом с ним. Марья Власьевна молча смотрела, как Кочерыжка кормил собаку. Потом она заглянула в печь и чиркнула спичкой. Спичка погасла. Она снова чиркнула. Кочерыжка подобрал с полу тоненькие щепочки и положил их перед ней. Потом обнял за шею собаку и удивленно сказал:

- Я ее не боюсь.

В печке затрещали сухие доски. Мальчик осторожно присел на корточки и протянул к огоньку красные руки.

- Чей ты? - тихо, с напряженным вниманием вглядываясь в его лицо, спросила Марья Власьевна.

- Васи Воронова. Я Кочерыжка, - робко сказал он и, заметив на ее губах слабую улыбку, стал рассказывать свою историю.

Он делал это совсем так, как Петровна, подперев рукой щеку и раскачиваясь из стороны в сторону. Марья Власьевна слушала его с удивлением и жалостью. Прощаясь, Кочерыжка сказал:

- Я к тебе и завтра приду.

По дороге его переняла Граня. Размахивая концами платка, она сердито потащила его к дому:

- Ходит не знай где! Весь в снегу извалялся! Настоящий Кочерыжка!

От усталости, сердитого голоса Грани и всего пережитого за этот день Кочерыжка сел на снег и заплакал.

* * *

Самохина сторонилась соседней. Она часами сидела одна, опустив на колени руки. Ее память с болезненной точностью рисовала ей то одно, то другое... Разбросанные в беспорядке вещи напоминали ей сборы в дорогу и залитое слезами лицо ее невестки Маши. Слезы свои Маша объясняла по-разному, невпопад: то нежеланием расстаться с насиженным углом, то боязнью перед незнакомой дорогой. Марья Власьевна не знала тогда, что Маша скрывает от нее смерть сына, что она одна переживает свое тяжелое горе, щадя старуху мать. Марья Власьевна вспоминает, как она сердилась на нее за эти слезы, как в последнюю ночь сборов, выйдя из терпения, она сурово прикрикнула на невестку: "Перестань! Возьми себя в руки! Стыдно! Люди близких теряют..."

Мысли Марьи Власьевны перескакивают. Она видит длинный эшелон, набитый женщинами и детьми. Она сидит между своими и чужими узлами, затиснутая в угол теплушки; потная головенка внучки, прикрытая ее широкой ладонью, прижимается к груди. В полумраке большие заплаканные глаза Маши. А потом бомбежка и глухой полустанок, где она, Марья Власьевна, металась между разбитыми вагонами, не выпуская из рук круглого синего чайника и бессмысленно объясняя кому-то с остановившимися от ужаса глазами: "За горяченьким пошла... за горяченьким..."

А из-под обломков люди вытаскивали что-то страшное, бесформенное, в чем уже нельзя было узнать ни внучки, ни Маши. Кто-то отнимал у нее залитый кровью капор, кто-то совал ей в руки узелок и вел ее за носилками, покрытыми серым брезентом... Затерянная на этом полустанке, одна среди чужих людей, она случайно развязала Машин узелок и там нашла карточку сына вместе с его письмами к жене. Рядом с карточкой лежала серая бумажка, где сообщалось о славной смерти честного бойца Андрея Самохина... Лицо сына

было радостное и удивленное, как будто он сам не верил в это сообщение о его смерти. Марья Власьевна стискивала руки, обводила глазами пустые углы и шептала без слез:

- Деточки мои... деточки...

Волчок клал ей на колени свою острую морду и, шумно вздыхая, лизал старые, сморщенные руки.

* * *

Теперь, когда Кочерыжка прятал в карман хлеб, Петровна бросала на Анну Дмитриевну многозначительный взгляд, и та сама клала перед мальчиком горку печеного картофеля:

- Кушай, кушай, сынок! А то на потом себе спрячь!

Кочерыжка брал в руки картошку и обводил всех недоверчивым, вопросительным взглядом. Но все смотрели в свои тарелки, а то нарочно выходили в кухню, и, глядя, как торопливо натягивает Кочерыжка свою шинельку, Петровна таинственно шептала:

- Собралси...

А Анна Дмитриевна тяжело вздыхала:

- Что ему там нужно?

Если б не Маркевна, в семье Вороновых давно запретили бы Кочерыжке ходить к необщительной соседке.

- В горе он сам родился, да еще на ее горе глаза таращит. Эдак вовсе ребенка испортить можно, - беспокоилась Петровна.

- А не пусти - плакать будет, - огорчалась Анна Дмитриевна.

Гранька надувала розовые губы:

- Сами позволяете... Вася придет - всем попадет... Не она его нашла, и ладно!

Но Маркевна была другого мнения.

- Как можно не пускать? - строго говорила она. - Грех в нем сердечко сдерживать. Кто чужие слезы утрет, тот меньше своих прольет... Не всякое горе к себе близко подпускает, а ребенок, он как лучик тепленький... Ведь вот я-то, старая, разбередила ей душеньку...

История Самохиной, приукрашенная и неправдоподобная, ходила по всему поселку, о ней говорили в заводском кооперативе, где люди получали картошку.

Правдой во всем этом было только то, что осталась женщина одна-одинешенька. Но не это мучило Маркевну, когда вспоминала она Самохину. Мучила ее мертвая душа в живом человеке, и, не в силах оживить ее сама, она надеялась на Кочерыжку.

Уходя, Маркевна вынимала из-под платка свежесдобитый хлебец и совала его Петровне:

- Дай мальчику-то... пуцай снесет... от себя вроде.

Кочерыжка не понимал маленьких хитростей взрослых, он и вправду носил от себя. Войдя к Марье Власьевне, он просто выкладывал на стол все, что принес, выбирая куски для собаки. Один раз Самохина сурово сказала:

- Не носи больше. - Но, заметив в его глазах испуг, спросила: - Кто тебя посылает?

- Сам иду, - всхлипнул Кочерыжка.

Марья Власьевна погладила его по голове:

- Не носи больше, слышишь? Так приходи...

Вечером она собрала кое-что из белья, приладила лампочку и села чинить. Потом затопила печь, нагрела воды, вымыла комнату, вытащила из сарая маленький стульчик и, подумав, поставила его около печки.

* * *

Смеркалось, а Кочерыжки не было. Анна Дмитриевна не выдержала, надела шаль и пошла к дому Самохиной:

- Хоть погляжу своими глазами, как он там...

Но, дойдя до калитки, испуганная яростным лаем собаки, она повернула обратно и, придя домой, написала письмо сыну.

"Дорогой мой Васенька!

Исполняю свой материнский долг и спешу с тобой посоветоваться. Твой сынок

Володенька мальчик тихий, беспокойства он нам не доставляет, только последнее время совсем мы с ним голову потеряли и ума не приложим, как нам быть..."

Анна Дмитриевна подробно описала возвращение соседки Самохиной, привязанность к ней мальчика и закончила словами:

"...Сердце в нем мягкое, а характер настойчивый - весь в тебя".

Заклеив письмо, она позвала Граньку:

- Снеси на станцию. Да покличь Кочерыжку.

- Не пойду я за ним, - отказывалась Гранька.

В это время входная дверь стукнула, и вместе с морозным паром на пороге встали две фигуры. Женщина в черном платке и в мужском пальто, подвязанном веревкой, держала за руку Кочерыжку.

- У меня мальчик ваш был, - тихо сказала она и повернулась, чтобы уйти.

Но Анна Дмитриевна взволновалась:

- Он у вас, а вы у нас... посидите маленько.

Петровна живехонько столкнула с табуретки Граньку и вышла на кухню.

- Хоть чайку-то откушай с нами... Добрые соседи - вторая семья. Сказав это, она вдруг испугалась и робко добавила: - Не обижай старуху, Власьева!

- Спасибо. У меня там собака заперта, - со вздохом сказала Марья Власьева.

Но Анна Дмитриевна увлекла ее в комнату и усадила на табуретку.

- Садись, садись рядышком, Володечка! Около тетеньки садись, хлопотала она.

- С мороза-то чайку попейте, - угощала Петровна.

Самохина молча взяла чашку. Анна Дмитриевна подвинула ей кусок сахара.

- Кушай, кушай, голубочек! - шептала Кочерыжке Петровна, не зная, какой вести разговор.

Граня в упор рассматривала гостью. Гладкие седые волосы, глубокие морщины. Лицо - усталое. Казалось, что у нее смертельно болит голова. Она с трудом поднимала на говорившего выцветшие серые глаза. Привечая гостью, Петровна тщательно подбирала слова и, боясь сказать чего не следует, беспомощно поглядывала на Анну Дмитриевну. Анна Дмитриевна дергала под столом Граньку, обращалась к Кочерыжке и, не слушая его ответов, говорила про погоду:

- Все снег да снег! И куда его столько навалило? На железной дороге девки только и гребут... только и гребут...

В разгар чаепития вошла Маркевна. Увидя за столом Самохину, она оробела, сунула всем руку дощечкой и сразу повела громкий разговор:

- Зима, зима! А весна-то уж вот она! На пригорке сидит, на солнышко поглядывает!

- Верно, верно! - почувствовав в ней поддержку, оживилась Петровна. Зимы-то мы уже отстрадали! Теперь всяко растение к солнышку потянется, всякой душеньке на земле полегчает.

Маркевна строго глянула на нее.

- И подснежнички где-нигде покажутся, и цветочки по овражкам желтенькие... - с испуганным лицом затянула Петровна.

А гостя сидела молча, сжимая обеими руками кружку, как будто хотела согреть свои изящные руки. Глаза ее смотрели куда-то далеко, мимо этих людей, поивших ее чаем. А они, исчерпав все пустые слова, напуганные ее молчанием, сначала перешли на шепот, а потом и вовсе замолчали, растерянно и грустно поглядывая друг на друга. Один Кочерыжка сопел и беспокойно вертелся на лавке. Ему казалось, что все забыли про гостью, а она уже давно пьет горячую воду без сахара. Боясь, чтобы она так и не ушла, он припомнил самые лучшие, по его мнению, слова, которые говорила гостям Петровна, повернулся к Самохиной и, подвигая к ней сахар, громко сказал:

- Кушай, голубочек!

Самохина посмотрела на него и улыбнулась.

Петровна ахнула, Гранька расхохоталась, а Маркевна торжествующе сказала:

- Угощай! Угощай! Ты хозяин! Проси еще чашечку испить!

Провожая Марью Власьевну, Анна Дмитриевна просила не забывать их.

- А уж мальчик, коль не мешает, так нам только радостно... только радостно, - повторяла она, опасаясь про себя, что от Васи выйдет приказ не пускать к Самохиной Кочерыжку.

* * *

Теперь каждое утро после завтрака Кочерыжка начинал собираться.

- На работу, сынок? - шутливо спрашивала его Петровна, не подозревая, что после запрещения носить еду мальчик придумал себе новую заботу: идя по двору или по дороге, он усердно собирал щепки, складывал их в букетик, приносил Марье Власьевне и молча смотрел, как она разжигает огонь его щепками.

Ему нравилось, что в комнате было чисто. Наследив на полу мокрыми валенками, он брал тряпку и, посапывая, затирав свои следы. Все чаще заставлял он Самохину за работой. Однажды она принесла в круглой корзине грязное белье, и на другой день, подходя к дому, он увидел густой белый дым, валивший из трубы. В комнате было тепло, на плите булькал котел. Марья Власьевна стирала, засучив рукава. Кочерыжка остановился на пороге и нежно улыбнулся:

- Тепло у нас!

Марья Власьевна сняла с него шинельку и придвинула к печке стульчик:

- Погрейся. Картинки погляди.

Она достала с полки отсыревшую книжку с картинками и подала мальчику. Собака уселась рядом. Переворачивая страницы, Кочерыжка смотрел картинки и шевелил губами.

Марья Власьевна придвинула к печке стул и стала читать. Она читала медленно: множество слов и собственный голос утомляли ее. Иногда, перевернув страницу, она замолкала, но глаза Кочерыжки смотрели на нее с нетерпеливым ожиданием, и она читала дальше, пока не кончила сказку.

- Вся? - с сожалением спросил Кочерыжка.

- Вся.

Мальчик пристально посмотрел на нее и, наклонив голову, спросил:

- Сапоги-скороходы есть у тебя?

- Нету. А у тебя? - вдруг лукаво спросила Марья Власьевна.

Он посмотрел на свои растоптанные валенки:

- И у меня нету!

Они оба засмеялись.

С тех пор чтение сделалось любимым занятием обоих. Марья Власьевна стирала белье для заводской столовой; Кочерыжка терпеливо ждал, пока она закончит стирку и, придвинув свой стул к печке, начнет ему читать. От сказок перешли к рассказам. Первым читали "Каштанку". В том месте, где собачонка бежит по улице, разыскивая следы столяра, Кочерыжка разволновался. Он перестал слушать, заглядывая вперед и нетерпеливо спрашивал:

- А хозяин-то, хозяин-то у тебя где? - И сердился: - Не надо мне про гуся! Я говорю, хозяина ищи!

Марье Власьевне приходилось доказывать, объяснять, уговаривать. Кочерыжка слушал, соглашался и, прижимаясь к ее плечу, просил:

- Читай, баба Маня!

* * *

Жизнь начинала входить в прежнюю колею. Анна Дмитриевна уже не носила из столовой суп, а Петровна все чаще баловала своих горячими лепешками. Щеки у ребят порозовели. Кочерыжку заставляли пить козье молоко, и, когда он прыгал по комнате, Петровна острила:

- Ишь-ишь, коза-то бунтует!

От Васи пришло только одно письмо. Пахло оно недавним порохом, было полно тоски

по дому и уверенности в близком конце войны:

"Только бы ступить мне на родную землю, обнять вас всех да заглянуть в глаза сыну... Экий парень небось вырос! Ведь шестой год ему пошел! Жаль, не узнает он меня!"

- Где же узнать-то? - вздыхала Петровна.

* * *

Стаял снег. Влажная черная земля подсохла. Люди радостно засуетились, высыпали на огороды. Разделявали грядки, подвязывали молодые деревца и перекликались со двора во двор звонкими помолодевшими голосами. В саду Марья Власьевны зазеленели кусты клубники, вылезли из-под снега тоненькие прутики малины. На окне в тарелке мокли завязанные в тряпочку бобы. Кочерыжка каждый день заглядывал в тряпочку и умилялся, когда у бобов появлялись крошечные зеленые хвостики. Марья Власьевна привезла из города рассаду капусты, они вместе сажали ее и радовались крепким тугим стебелькам. В праздник Победы Марья Власьевна с Кочерыжкой снова сидела рядом за столом Анны Дмитриевны. Народу собралось много, было шумно, пили за славных бойцов, за Васю Воронова. Петровна плеснула в чашку сладкого вина и подала Кочерыжке:

- Выпей, выпей, Владимир Васильевич, за папаньку своего!

Общая радость отодвинула личное горе каждого. Плача о погибших, люди радовались живым. Марья Власьевна тоже плакала и радовалась, обнимая Петровну и Анну Дмитриевну. Кочерыжка смотрел на всех сияющими глазами и смущался, когда пили за его отца - Васю Воронова.

* * *

Каждый день с голубой станции шли военные. Маркевна то и дело, прикрыв глаза рукой, смотрела на большую дорогу и, увидев человека в зеленой гимнастерке, выходила на крыльцо. Инвалиду без руки или без ноги она сама шла навстречу, низко кланялась и говорила:

- Прости, сынок! За нас, грешных, пострадал!

И растроганный чужой человек обнимал ее сухонькие плечи:

- Не зря пострадал, мать.

Петровна после каждого поезда посылала Граньку поглядеть, не идет ли Вася.

Анна Дмитриевна вскакивала ночью и, услышав голоса на дороге, окликала:

- Васенька!

Марья Власьевна, увидев издали военного, указывала на него Кочерыжке. Но мальчик уверенно отвечал:

- Не он. Я его изо всех сразу узнаю.

Он уверял, что даже сердитый Волчок не будет лаять на Васю.

- Ведь он не чужой, а отец мне, - простодушно говорил он.

Марья Власьевна грустно улыбалась. Ей представлялся высокий плечистый человек, который берет за руку Кочерыжку и навсегда уводит его из ее дома. Ей даже снилось, как мальчик идет за своим отцом, оглядываясь на крыльцо, где они так часто сидели с книжкой, на собаку, которую он кормил, и на нее, свою бабу Маню...

А Кочерыжка, не замечая ее тревоги, все чаще и чаще говорил:

- Отец едет ко мне!

* * *

Василий Воронов приехал. Он был крепкий, коренастый, с широкой улыбкой и громким голосом. Первая увидела его Гранька и с визгом бросилась в сени. Мать и бабка выскочили на крыльцо. Вася сбросил с плеч два чемодана, крикнул и прижал к своей груди обе старые седые головы.

- Эх, старушки мои!

- Боец ты наш, защитник! - обливая слезами его гимнастерку, лепетала Петровна.

- Сыночек... сыночек... Васенька... - ошупывая его дрожащими руками, повторяла Анна Дмитриевна.

Гранька при виде брата вдруг застеснялась и спряталась за дверь.

- Давай, давай ее сюда! - кричал Василий, вытаскивая сестренку. - А ну покажись, какая стала? Маленькая, большая, добрая, злая?

Отпустив Граньку, Вася оглянулся вокруг и тревожно спросил:

- Где ж он?

Все поняли, что он спрашивает о Кочерыжке.

- Сейчас, сейчас, - заторопилась Петровна, повязывая платок.

Анна Дмитриевна торопливо стала рассказывать, что мальчик у соседки Самохиной, о которой она писала в письме.

- У той же? Значит, дружба у них идет? - Вася широко улыбнулся, схватил шапку и крикнул Петровне: - Стой, бабушка! Я сам туда пойду! Я их спугаю сейчас! Который дом-то? - Весело улыбаясь, он побежал через дорогу к дому Самохиной.

Кочерыжка в длинных синих штанах стоял рядом с Марьей Власьевной, подрезая большими садовыми ножницами кусты малины. Марья Власьевна что-то говорила ему, оправляя выбившиеся из-под платка волосы. У забора залаял Волчок. Кочерыжка оглянулся, бросил ножницы и шепотом сказал:

- Баба Маня...

От калитки шел военный человек, отгоняя шапкой собаку. Кочерыжка бросился к нему, но вдруг, оробев, остановился.

- Кочерыжка! Владимир Васильевич?! - широко расставив руки, крикнул Вася Воронов.

Кочерыжка зажмурился и, подпрыгнув, обхватил его за шею.

- Сын-то, сын-то какой у меня вырос! - глядя в его лицо, говорил Василий.

Марья Власьевна молча смотрела на них с растерянной жалкой улыбкой. Собака беспокойно взвизгивала.

- Узнал меня? - радостно спрашивал Василий, поглаживая пальцами темные брови мальчика и пристально глядя в знакомые голубовато-зеленые глаза.

- Узнал! Сразу узнал! И она узнала! - Кочерыжка обернулся к Марье Власьевне и, вцепившись обеими руками в руку Василия, потащил его за собой. - Узнала отца моего? - быстро и тревожно спросил он Марью Власьевну.

- Не узнала, так я узнал! - с волнением в голосе сказал Вася и, подойдя к Марье Власьевне, расцеловал ее в обе щеки. - Мы друг дружку небось давно знаем! Через него познакомились, верно я говорю?

Марья Власьевна посмотрела в его открытые глаза и облегченно вздохнула. А Кочерыжка уже тащил Васю за руку, показывая ему грядки, кусты и говорил, задыхаясь от радости:

- Гляди, чего тут мы с ней насажали! Гляди, отец!

Слово "отец" он произносил твердо, как будто давно привык к нему. А Вася Воронов, поминутно оборачиваясь к Самохиной, повторял:

- Спасибо вам за него, спасибо! - И неудержимо радовался: - Нет, каков сын-то у меня!

Марья Власьевна улыбалась, кивала головой, но руки ее дрожали. У крыльца она остановилась, подняла на Васю Воронова серые усталые глаза и тихо спросила:

- Уедете куда или с матерью жить будете?

Он понял ее вопрос и твердо сказал:

- Никуда! У нас с ним теперь два дома, и оба свои. Чего же еще искать-то?

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

СИНИЕ ЛИСТЬЯ

У Кати было два зеленых карандаша. У Лены ни одного.

Вот и просит Лена Катю:

- Дай мне зеленый карандаш!

А Катя и говорит:

- Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

- Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

- Мама-то позволила, а брата я не спросила.

- Ну что ж, спроси еще брата, - говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

- Ну что, позволил брат? - спрашивает Лена.

- Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

- Я осторожненько, - говорит Лена.

- Смотри, - говорит Катя, - не чини, не нажимай крепко и в рот не бери. Да не рисуй много.

- Мне, - говорит Лена, - только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зеленую.

- Это много, - говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на нее Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней.

- Ну что ж ты? Бери!

- Не надо, - отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

- Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

- Карандаша зеленого нет.

- А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела и говорит:

- Я ей давала, а она не берет.

Посмотрел учитель на обеих:

- Надо так давать, чтобы можно было взять.

НА КАТКЕ

День был солнечный. Лед блестел. Народу на катке было мало. Маленькая девочка, смешно растопырив руки, ездил от скамейки к скамейке. Два школьника подвязывали коньки и смотрели на Витю.

Витя выделял разные фокусы - то ехал на одной ноге, то кружился волчком.

- Молодец! - крикнул ему один из мальчиков.

Витя стрелой пронесся по кругу, лихо завернул и наскочил на девочку. Девочка упала. Витя испугался.

- Я нечаянно... - сказал он, отряхивая с ее шубки снег. - Ушиблась?

Девочка улыбнулась:

- Коленку...

Сзади раздался смех.

"Надо мной смеются!" - подумал Витя и с досадой отвернулся от девочки.

- Эка невидаль - коленка! Вот плакса! - крикнул он, проезжая мимо школьников.

- Иди к нам! - позвали они.

Витя подошел к ним. Взявшись за руки, все трое весело заскользили по льду. А девочка сидела на скамейке, терла ушибленную коленку и плакала.

ОТОМСТИЛА

Катя подошла к своему столу и ахнула: ящик был выдвинут, новые краски разбросаны, кисточки перепачканы, на столе растеклись лужицы бурой воды.

- Алешка! - закричала Катя. - Алешка!.. - И, закрыв лицо руками, громко заплакала.

Алеша просунул в дверь круглую голову. Щеки и нос у него были перепачканы красками.

- Ничего я тебе не сделал! - быстро сказал он.

Катя бросилась на него с кулаками, но братишка исчез за дверью и через раскрытое окно прыгнул в сад.

- Я тебе отомщу! - кричала со слезами Катя.

Алеша, как обезьянка, вскарабкался на дерево и, свесившись с нижней ветки, показал

сестре нос.

- Заплакала!.. Из-за каких-то красок заплакала!

- Ты у меня тоже заплачешь! - кричала Катя. - Еще как заплачешь!

- Это я-то заплачу? - Алеша засмеялся и стал быстро карабкаться вверх. - А ты сначала поймай меня!

Вдруг он оступился и повис, ухватившись за тонкую ветку. Ветка хрустнула и обломилась. Алеша упал.

Катя бегом бросилась в сад. Она сразу забыла свои испорченные краски и ссору с братом.

- Алеша! - кричала она. - Алеша!

Братишка сидел на земле и, загоразивая руками голову, испуганно смотрел на нее.

- Встань! Встань!

Но Алеша втянул голову в плечи и зажмурился.

- Не можешь? - кричала Катя, ощупывая Алешины коленки. - Держись за меня. - Она обняла братишку за плечи и осторожно поставила его на ноги. Больно тебе?

Алеша мотнул головой и вдруг заплакал.

- Что, не можешь стоять? - спросила Катя.

Алеша еще громче заплакал и крепко прижался к сестре.

- Я никогда больше не буду трогать твои краски... никогда... никогда... не буду!

ПЛОХО

Собака яростно лаяла, припадая на передние лапы. Прямо перед ней, прижавшись к забору, сидел маленький взъерошенный котенок. Он широко раскрывал рот и жалобно мяукал. Неподалеку стояли два мальчика и ждали, что будет. В окно выглянула женщина и поспешно выбежала на крыльцо. Она отогнала собаку и сердито крикнула мальчикам:

- Как вам не стыдно!

- А что - стыдно? Мы ничего не делали! - удивились мальчики.

- Вот это и плохо! - гневно ответила женщина.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

- Подвиньтесь, - сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное сердитое лицо мальчика, сказал:

- С тобой что-то случилось?

- Ну и ладно! А вам-то что? - покосился на него Павлик.

- Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

- Еще бы! - сердито буркнул мальчик. - Я скоро совсем убегу из дому.

- Убежишь?

- Убегу! Из-за одной Ленки убегу. - Павлик сжал кулаки. - Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не дает! А у самой сколько!..

- Не дает? Ну, из-за этого убежать не стоит.

- Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

- Пустяки! - сказал старик. - Один поругает - другой пожалеет.

- Никто меня не жалеет! - крикнул Павлик. - Брат на лодке едет кататься, а меня не берет. Я ему говорю: "Возьми лучше, все равно я от тебя не отстану, весла утащу, сам в лодку залезу!"

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

- Что же, не берет тебя брат?

- А почему вы все спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

- Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

- Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни - тихим голосом, глядя прямо в глаза...

- А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

- Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

- Я попробую, - усмехнулся Павлик, - я сейчас же попробую.

Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски - зеленые, синие, красные лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

"Обманул старик! - с досадой подумал мальчик. - Разве такая поймет волшебное слово!"

Павлик боком подошел к сестре и потянул ее за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

- Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы ее разжались, и, снимая руку со стола, она смущенно пробормотала:

- Ка-кую тебе?

- Мне синюю, - робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал ее в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

"Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?"

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

- Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке...

- Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! - приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал ее в обе щеки.

"Волшебник! Волшебник!" - повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

- Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

- Возьми его, - вдруг сказала сестра. - Что тебе стоит!

- Ну отчего же не взять? - улыбнулась бабушка. - Конечно, возьми.

- Пожалуйста, - повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы.

- Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся.

"Помогло! Опять помогло!"

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

СЫНОВЬЯ

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

- Мой сынок ловок да силен, никто с ним не сладит.

- А мой поет, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, - говорит другая.

А третья молчит.

- Что же ты про своего сына не скажешь? - спрашивают ее соседки.

- Что ж сказать? - говорит женщина. - Ничего в нем особенного нету.

Вот набрали женщины полные ведра и пошли. А старичок - за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит - любят им женщины.

Другой песню поет, соловьем заливается - заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у нее ведра тяжелые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

- Ну, что? Каковы наши сыновья?

- А где ж они? - отвечает старик. - Я только одного сына вижу!

СЛУЧАЙ

Мама подарила Коле цветные карандаши.

Однажды к Коле пришел его товарищ Витя.

- Давай рисовать!

Коля положил на стол коробку с карандашами. Там было только три карандаша: красный, зеленый и синий.

- А где же остальные? - спросил Витя.

Коля пожал плечами.

- Да я раздал их: коричневый взяла подружка сестры - ей нужно было раскрасить крышу дома; розовый и голубой я подарил одной девочке с нашего двора - она свои потеряла... А черный и желтый взял у меня Петя - у него как раз таких не хватало...

- Но ведь ты сам остался без карандашей! - удивился товарищ. - Разве они тебе не нужны?

- Нет, очень нужны, но все такие случаи, что никак нельзя не дать!

Витя взял из коробки карандаши, повертел их в руках и сказал:

- Все равно ты кому-нибудь отдашь, так уж лучше дай мне. У меня ни одного цветного карандаша нет!

Коля посмотрел на пустую коробку.

- Ну, бери... раз уж такой случай... - пробормотал он.

ПРОСТО СТАРУШКА

По улице шли мальчик и девочка. А впереди них шла старушка. Было очень скользко. Старушка поскользнулась и упала.

- Подержи мои книжки! - крикнул мальчик, передавая девочке свой портфель, и бросился на помощь старушке.

Когда он вернулся, девочка спросила его:

- Это твоя бабушка?

- Нет, - отвечал мальчик.

- Мама? - удивилась подружка.

- Нет!

- Ну, тетя? Или знакомая?

- Да нет же, нет! - отвечал мальчик. - Это просто старушка.

ДЕВОЧКА С КУКЛОЙ

Юра вошел в автобус и сел на детское место. Вслед за Юрой вошел военный. Юра вскочил:

- Садитесь, пожалуйста!

- Сиди, сиди! Я вот здесь сяду.

Военный сел сзади Юры. По ступенькам поднялась старушка.

Юра хотел предложить ей место, но другой мальчик опередил его.

"Некрасиво получилось", - подумал Юра и стал зорко смотреть на дверь.

С передней площадки вошла девочка. Она прижимала к себе туго свернутое байковое

одеяльце, из которого торчал кружевной чепчик.

Юра вскочил:

- Садитесь, пожалуйста!

Девочка кивнула головой, села и, раскрыв одеяло, вытащила большую куклу.

Пассажиры засмеялись, а Юра покраснел.

- Я думал, она женщина с ребенком, - пробормотал он.

Военный одобрительно похлопал его по плечу:

- Ничего, ничего! Девочке тоже надо уступать место! Да еще девочке с куклой!

ДОЛГ

Принес Ваня в класс коллекцию марок.

- Хорошая коллекция! - одобрил Петя и тут же сказал: - Знаешь что, у тебя тут много марок одинаковых, дай их мне. Я попрошу у отца денег, куплю других марок и верну тебе.

- Бери, конечно! - согласился Ваня.

Но отец не дал Пете денег, а сам купил ему коллекцию. Пете стало жаль своих марок.

- Я тебе потом отдам, - сказал он Ване.

- Да не надо! Мне эти марки совсем не нужны! Вот давай лучше в перышки сыграем!

Стали играть. Не повезло Пете - проиграл он десять перьев. Насупился.

- Кругом я у тебя в долгу!

- Какой это долг, - говорит Ваня, - я с тобой в шутку играл.

Посмотрел Петя на товарища исподлобья: нос у Вани толстый, по лицу веснушки рассыпались, глаза какие-то круглые...

"И чего это я с ним дружу? - подумал Петя. - Только долги набираю". И стал он от товарища бегать, с другими мальчиками дружить, и у самого какая-то обида на Ваню.

Ляжет он спать и мечтает:

"Накоплю еще марок и всю коллекцию ему отдам, и перья отдам, вместо десяти перьев - пятнадцать..."

А Ваня о Петиних долгах и не думает, удивляется он: что это такое с товарищем случилось?

Подходит как-то к нему и спрашивает:

- За что косишься на меня, Петя?

Не выдержал Петя. Покраснел весь, наговорил товарищу грубостей:

- Ты думаешь, ты один честный? А другие нечестные! Ты думаешь, мне твои марки нужны? Или перьев я не видел?

Попятился Ваня от товарища, обидно ему стало, хотел он что-то сказать и не смог.

Выпросил Петя у мамы денег, купил перьев, схватил свою коллекцию и бежит к Ване.

- Получай все долги сполна! - Сам радостный, глаза блестят. - Ничего за мной не пропало!

- Нет, пропало! - говорит Ваня. - И того, что пропало, не вернешь ты уже никогда!

ВРЕМЯ

Два мальчика стояли на улице под часами и разговаривали.

- Я не решил примера, потому что он был со скобками, - оправдывался Юра.

- А я потому, что там были очень большие числа, - сказал Олег.

- Мы можем решить его вместе, у нас еще есть время!

Часы на улице показывали половину второго.

- У нас целых полчаса, - сказал Юра. - За это время летчик может перевезти пассажиров из одного города в другой.

- А мой дядя, капитан, во время кораблекрушения в двадцать минут успел погрузить в лодки весь экипаж.

- Что - за двадцать!.. - деловито сказал Юра. - Иногда пять - десять минут много значат. Надо только учитывать каждую минуту.

- А вот случай! Во время одного состязания...

Много интересных случаев вспомнили мальчики.

- А я знаю... - Олег вдруг остановился и взглянул на часы. - Ровно два!

Юра ахнул.

- Бежим! - сказал Юра. - Мы опоздали в школу!

- А как же пример? - испуганно спросил Олег.

Юра на бегу только махнул рукой.

ПРОСТО ТАК

Костя сделал скворечник и позвал Вову:

- Посмотри, какой птичий домик я сделал.

Вова присел на корточки.

- Ой, какой! Совсем настоящий! С крылечком! Знаешь что, Костя, робко сказал он, - сделай и мне такой! А я тебе за это планер сделаю.

- Ладно, - согласился Костя. - Только давай не за то и не за это, а просто так: ты мне сделаешь планер, а я тебе скворечник.

НАВЕСТИЛА

Валя не пришла в класс. Подруги послали к ней Мусю.

- Пойди и узнай, что с Валей: может, она больна, может, ей что-нибудь нужно?

Муся застала подружку в постели. Валя лежала с завязанной щекой.

- Ох, Валечка! - сказала Муся, присаживаясь на стул. - У тебя, наверно, флюс! Ах, какой флюс был у меня летом! Целый нарыв! И ты знаешь, бабушка как раз уехала, а мама была на работе...

- Моя мама тоже на работе, - сказала Валя, держась за щеку. - А мне надо бы полосканье...

- Ох, Валечка! Мне тоже давали полосканье! И мне стало лучше! Как пополошу, так и лучше! А еще мне помогала грелка горячая-горячая...

Валя оживилась и закивала головой.

- Да, да, грелка... Муся, у нас в кухне стоит чайник...

- Это не он шумит? Нет, это, верно, дождик! - Муся вскочила и подбежала к окну. - Так и есть, дождик! Хорошо, что я в галошах пришла! А то можно простудиться!

Она побежала в переднюю, долго стучала ногами, надевая галоши. Потом, просунув в дверь голову, крикнула:

- Выздоровливай, Валечка! Я еще приду к тебе! Обязательно приду! Не беспокойся!

Валя вздохнула, потрогала холодную грелку и стала ждать маму.

- Ну что? Что она говорила? Что ей нужно? - спрашивали Мусю девочки.

- Да у нее такой же флюс, как был у меня! - радостно сообщила Муся. И она ничего не говорила! А помогают ей только грелка и полосканье!

ПЕРЫШКО

У Миши было новое перо, а у Феди старое. Когда Миша пошел к доске, Федя обменял свое перо на Мишино и стал писать новым. Миша это заметил и на перемене спросил:

- Зачем ты взял мое перышко?

- Подумаешь какая невидаль - перышко! - закричал Федя. - Нашел чем попрекать! Да я тебе таких перьев завтра двадцать принесу.

- Мне не надо двадцать! А ты не имеешь права так делать! рассердился Миша.

Вокруг Миши и Феди собрались ребята.

- Жалко перышка! Для своего же товарища! - кричал Федя. - Эх ты!

Миша стоял красный и пытался рассказать, как было дело:

- Да я не давал тебе... Ты сам взял... Ты обменял...

Но Федя не давал ему говорить. Он размахивал руками и кричал на весь класс:

- Эх ты! Жадина! Да с тобой никто из ребят водиться не будет!

- Да отдай ты ему это перышко, и дело с концом! - сказал кто-то из мальчиков.

- Конечно, отдай, раз он такой... - поддержали другие.

- Отдай! Не связывайся! Из-за одного пера крик подымает!

Миша вспыхнул. На глазах у него показались слезы.

Федя поспешно схватил свою ручку, вытащил из нее Мишино перо и бросил его на парту.

- На, получай! Заплакал! Из-за одного перышка!

Ребята разошлись. Федя тоже ушел. А Миша все сидел и плакал.

РЕКС И КЕКС

Слава и Витя сидели на одной парте.

Мальчики очень дружили и как могли помогали друг другу. Витя помогал Славе решать задачи, а Слава следил, чтобы Витя правильно писал слова и не пачкал свои тетради кляксами. Однажды они сильно поспорили:

- У нашего директора есть большая собака, ее зовут Рекс, - сказал Витя.

- Не Рекс, а Кекс, - поправил его Слава.

- Нет, Рекс!

- Нет, Кекс!

Мальчики поссорились. Витя ушел на другую парту. На следующий день Слава не решил заданную на дом задачу, а Витя подал учителю неряшливую тетрадь. Спустя несколько дней дела пошли еще хуже: оба мальчика получили по двойке. А потом они узнали, что собаку директора зовут Ральф.

- Значит, нам не из-за чего ссориться! - обрадовался Слава.

- Конечно, не из-за чего, - согласился Витя.

Оба мальчика снова уселись на одну парту.

- Вот тебе и Рекс, вот тебе и Кекс. Противная собака, две двойки мы из-за нее схватили!

И подумать только, из-за чего люди ссорятся!..

СТРОИТЕЛЬ

На дворе возвышалась горка красной глины. Сидя на корточках, мальчики рыли в ней замысловатые ходы и строили крепость. И вдруг они заметили в сторонке другого мальчика, который тоже копался в глине, макал в жестянку с водой красные руки и старательно обмазывал стены глиняного дома.

- Эй ты, что ты там делаешь? - окликнули его мальчики.

- Я строю дом.

Мальчики подошли ближе.

- Какой же это дом? У него кривые окна и плоская крыша. Эх ты, строитель!

- Да его только двинь, и он развалится! - крикнул один мальчик и ударил домик ногой.

Стена обвалилась.

- Эх ты! Кто же так строит? - кричали ребята, ломая свежевymазанные стены.

"Строитель" сидел молча, сжав кулаки. Когда рухнула последняя стена, он ушел.

А на другой день мальчики увидели его на том же месте. Он снова строил свой глиняный дом и, макая в жестянку красные руки, старательно воздвигал второй этаж...

СВОИМИ РУКАМИ

Учитель рассказывал ребятам, какая чудесная жизнь будет при коммунизме, какие будут построены летающие города-спутники, и как люди научатся по своему желанию изменять климат, и на севере начнут расти южные деревья...

Много интересного рассказывал учитель, ребята слушали затаив дыхание.

- Но, - добавил учитель, - для того чтобы достичь всех этих благ, нужно еще много и хорошо потрудиться!

Когда ребята вышли из класса, один мальчик сказал:

- Я хотел бы заснуть и проснуться уже при коммунизме!

- Это неинтересно! - перебил его другой. - Я хотел бы видеть своими глазами, как это будет строиться!

- А я, - сказал третий мальчик, - хотел бы все это построить своими руками!

ТРИ ТОВАРИЩА

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

- Почему ты не ешь? - спросил его Коля.
- Завтрак потерял...
- Плохо, - сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба. - До обеда далеко еще!
- А ты где его потерял? - спросил Миша.
- Не знаю... - тихо сказал Витя и отвернулся.
- Ты, наверно, в кармане нес, а надо в сумку класть, - сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошел к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

- Бери, ешь!

ХОРОШЕЕ

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Денек хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает:

"Что, если б моя сестренка тонула, а я бы ее спас!"

А сестренка тут как тут:

- Погуляй со мной, Юра!
- Уходи, не мешай думать!

Обиделась сестренка, отошла.

А Юра думает:

"Вот если б на няню волки напали, а я бы их застрелил!"

А няня тут как тут:

- Убери посуду, Юрочка.
- Убирай сама - некогда мне!

Покачала головой няня.

А Юра опять думает:

"Вот если б Трезорка в колодец упал, а я бы его вытащил!"

А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет: "Дай мне попить, Юра!"

- Пошел вон! Не мешай думать!

Закрыл Трезорка пасть, полез в кусты.

А Юра к маме пошел:

- Что бы мне такое хорошее сделать?

Погладила мама Юру по голове:

- Погуляй с сестренкой, помоги няне посуду убрать, дай водички Трезору.

ВСЕ ВМЕСТЕ

В первом классе Наташе сразу понравилась девочка с веселыми голубыми глазками.

- Давай будем дружить, - сказала Наташа.
- Давай! - кивнула головой девочка. - Будем вместе баловаться!

Наташа удивилась:

- Разве если дружить, так надо вместе баловаться?
- Конечно. Те, которые дружат, всегда вместе балуются, им вместе и попадает за это! - засмеялась Оля.

- Хорошо, - нерешительно сказала Наташа и вдруг улыбнулась. - А потом их вместе и хвалят за что-нибудь, да?

- Ну, это редко! - сморщила носик Оля. - Это смотря какую подружку себе найдешь!

ВЫРВАННЫЙ ЛИСТ

У Димы кто-то вырвал из тетрадки чистый лист.

- Кто бы это мог сделать? - спросил Дима.

Все ребята молчали.

- Я думаю, что он сам выпал, - сказал Костя. - А может быть, тебе в магазине такую тетрадку дали... Или дома твоя сестренка вырвала этот лист. Мало ли что бывает... Правда, ребята?

Ребята молча пожимали плечами.

- А еще, может, ты сам где-нибудь зацепился... Крах! - и готово!.. Правда, ребята?

Костя обращался то к одному, то к другому, торопливо объясняя.

- Кошка тоже могла вырвать этот лист... Еще как! Особенно котенок какой-нибудь...

Уши у Кости покраснели, он все говорил, говорил что-то и никак не мог остановиться.

Ребята молчали, а Дима хмурился. Потом он хлопнул Костю по плечу и сказал:

- Хватит тебе!

Костя сразу обмяк, потупился и тихо сказал:

- Я отдам тебе тетрадь... У меня есть целая!..

ПРОСТОЕ ДЕЛО

На каникулы выдался сильный мороз. Москва стояла белая, нарядная; в скверах застывшие деревья закудрявились от инея. Юра и Саша бежали с катка. Мороз колот им щеки, пробирался сквозь варежки к заочневшим пальцам. До дома было уже недалеко, но, пробегая мимо аптеки, мальчики заскочили туда погреться. Поеживаясь и подпрыгивая, они прошли в уголок и увидели около батареи старушку. Она была в теплом пуховом платке. На горячих трубах сушились ее мокрые варежки. Увидев мальчиков, старушка поспешно сдвинула в сторону свое имущество и, вытянув из пухового платка остренький подбородок, сказала:

- Грейтесь, грейтесь, голубчики! Разошелся батюшка-мороз, нечего сказать! Бежишь - и ног своих не чувствуешь.

- Замерзли, бабушка? - весело спросил Юра.

Саша бегло взглянул на красные сморщенные щеки, на тоненькие, как ниточки, морщинки.

- Замерзла, деточки! - вздохнула старушка. - И вот, скажи на милость, никуда не хожу, а тут, как на грех, выбралась из дому! - Пояснила: - За дровами пошла. Дрова у нас кончились. Раньше все, бывало, дочка моя с соседкой привозила, а сейчас дочка в отъезде, а соседка заболела, - дай, думаю, я сама пойду... Мороз - ведь он, батюшка, и на печи найдет, коли печь не топлена! Вот и пошла. А на складе-то перерыв, а у меня уж руки-ноги не свои, и мороз дыханье забил. Добежала до угла - да в аптеку! А сейчас уж о дровах и не думаю, только бы до своего дому добраться!

Старушка натянула теплые варежки, поправила на голове платок.

- Пойду я... Грейтесь, ребятки!

- А мы тоже домой сейчас! У меня Дед Мороз половину носа отгрыз! засмеялся Юра.

- А у меня ухо всю дорогу жевал! А зато каток подморозил здорово! Летишь и, как в зеркале, себя видишь! - сказал Саша.

- Вы уши-то под шапки подберите, а то как сыроежки они у вас торчат, - забеспокоилась старушка. - Долго ли отморозить.

- Ничего, нам близко.

- Ну-ну... Мне тоже недалеко. Пойду уж я, пожалуй, - заторопилась старушка.

- И мы пойдем, бабушка!

* * *

Ребята вышли из аптеки и, подпрыгивая, побежали вперед. Оглянувшись, они увидели старушку. Она закрывала лицо от ветра и шла осторожно, видимо боясь поскользнуться.

- Бабушка! - окликнули мальчики.

Но старушка не услышала их.

Мальчики решили подождать. Засунув в рукава замерзшие руки, они нетерпеливо топтались на месте.

- Скажи пожалуйста, опять встретились! - радостно удивилась старушка, увидев перед собой знакомые лица.

- Вот так встретились! - расхохотался Саша.

- Немудрено! - фыркнул Юра и, наклонившись сбоку к пуховому платку, весело крикнул: - Мы вас ждали, бабушка! Держитесь за меня.

- Нас мороз боится! - кричал Саша.

Старушка, ухватившись за Юрин рукав, быстро засемила по мерзлому тротуару. Пробегая мимо ворот, на которых было написано большими буквами: "Дровяной склад", она подняла глаза и с огорчением сказала:

- Открылись теперь! Ишь ты... И квитанция у меня! Да уж бог с ними, с дровами!

Саша остановился:

- Постойте... Это ведь быстро! Вы подождите, а мы возьмем с Юркой! Давайте квитанцию!.. Юрка, возьмем дрова!

- Конечно, возьмем! Что нам стоит! - хлопая варежками, сказал Юра. Давайте квитанцию, бабушка!

Старушка растерянно поглядела на них, порылась в варежке, нашла квитанцию.

- Да как же это? - передавая Саше квитанцию, сказала она. - Да с чего же это вы тут морозиться будете? Я уж как-нибудь нынче обойдусь с дровами-то, у соседей одолжу... Вон дом-то мой стоит! Ворота красные! Пойдемте и вы со мной - погреемся!

- Да мы сами возьмем! И привезем сами! - решил Саша. - Идите домой!.. Юрка, проводи! Да узнай толком адрес! - распорядился он.

Старушка еще раз взглянула на раскрытые ворота склада, на Сашу и, махнув рукой, быстрыми шажками пошла по улице, Юра пошел за ней.

Когда он вернулся, Саша вместе с возчиками уже складывал на санки мерзлые бревна и деловито командовал:

- Сухих, дяденька, кладите! Березовых! Это для старого человека дрова!

* * *

В это время на кухне соседка говорила бабушке:

- Да как же это вы, бабуся, распорядились так? Сунули ребятишкам ордерок и пошли!

- Да так и распорядилась, Марья Ивановна! Да не я и распорядилась-то, а они! Ведь вот какие ребята-то славные! Не померзли бы только!

- Да что они, знакомые вам, что ли, бабушка? - спросила соседка.

- Знакомые, Марья Ивановна! Как же не знакомые? С полчаса в аптеке вместе стояли и домой вместе пошли! - отвечала старушка, снимая с себя платок и приглаживая седые, прилипшие к вискам волосы.

Саша и Юра крепкими кулаками застучали в дверь и в облаке морозного пара появились на пороге.

- Дрова привезли, бабушка! Принимайте дрова! Куда складывать? Давайте пилу! Перепилить надо! А топор есть? Давайте топор! - командовал Саша.

- Пилу и топор! Сейчас все перепилим и расколем вам! Что нам стоит! кричал Юра.

- Боевые внучата у вас, бабуся! Командиры, - басил за их спиной возчик. - Самых знаменитых дровишек привезли!

- Ах ты, батюшки! Привезли! Марья Ивановна, привезли! А вы говорите знакомые ли? Да при чем же тут знакомство наше, Марья Ивановна, когда галстуки-то на них красные?

А во дворе уже слышался бойкий стук топора, визжала пила; веселые мальчишеские голоса с басовитыми нотками распорядились спешно мобилизованными во дворе малышами:

- Носите в сени! Складывайте столбиками!

...Хлопнула дверь. Саша, сбросив перед печкой щепки, отряхнул варежки и сказал:

- Все, бабушка! Не поминайте лихом!

- Соколы вы мои... - растроганно сказала старушка. - Дело-то какое мне сделали, голубчики!

- Нам это ничего не стоит, - смущенно сказал Юра.

Саша кивнул головой:

- Для нас это простое дело!

ТРУД СОГРЕВАЕТ

В интернат привезли дрова.

Нина Ивановна сказала:

- Наденьте свитеры, мы будем носить дрова.

Ребята побежали одеваться.

- А может быть, дать им лучше пальто? - сказала нянечка. - Сегодня холодный осенний денек!

- Нет, нет! - закричали ребята. - Мы будем трудиться! Нам будет жарко!

- Конечно! - улыбнулась Нина Ивановна. - Нам будет жарко! Ведь труд согревает!

"РАЗДЕЛИТЕ ТАК, КАК ДЕЛИЛИ РАБОТУ..."

Старый учитель жил один. Ученики и ученицы его давно выросли, но не забывали своего бывшего учителя.

Однажды к нему пришли два мальчика и сказали:

- Наши матери прислали нас помочь вам в хозяйстве.

Учитель поблагодарил и попросил мальчиков наполнить водой пустую кадку. Она стояла в саду. Около нее на скамье были сложены лейки и ведра. А на дереве висело игрушечное ведро, маленькое и легкое как перышко, из него в жаркие дни учитель пил воду.

Один из мальчиков выбрал прочное железное ведро, постучал по его дну пальцем и не спеша направился к колодцу; другой снял с дерева игрушечное ведро и побежал за товарищем.

Много раз мальчики ходили к колодцу и возвращались назад. Учитель смотрел на них из окна. Над цветами кружились пчелы. В саду пахло медом. Мальчики весело разговаривали. Один из них часто останавливался, ставил на землю тяжелое ведро и вытирал со лба пот. Другой бежал с ним рядом, расплескивая воду в игрушечном ведре.

Когда кадка была наполнена, учитель позвал обоих мальчиков, поблагодарил их, потом поставил на стол большой глиняный кувшин, доверху наполненный медом, а рядом с ним граненый стакан, также наполненный медом.

- Отнесите эти подарки своим матерям, - сказал учитель. - Пусть каждый из вас возьмет то, что заслужил.

Но ни один из мальчиков не протянул руки.

- Мы не можем разделить это, - смущенно сказали они.

- Разделите это так, как делили работу, - спокойно сказал учитель.

В ЛАГЕРЕ

Еще с вечера Наташа и Муся решили после завтрака сбежать на речку.

- Какое я место знаю! - перегнувшись через спинку кровати, шептала Наташа. - Вода чистая, прохладная... Мелко-мелко! Никак не утонешь! Как раз для тех, кто плавать не умеет.

- Завтра же утречком побежим! И выкупаемся! Только ребятам не говори, а то все бросятся и опять мы плавать не научимся из-за них! - говорила Муся.

Утро было солнечное. За раскрытым окном так звонко пели птицы, что спать было невозможно. Наташа и Муся с трудом дождались горна и первые убрали свои кровати.

- Сейчас же после завтрака на речку!

Но на утренней линейке вожатый сказал, что соседний колхоз спешит с уборкой сена, так как стоят очень жаркие дни и ожидается гроза, и что колхозу нужно помочь.

- Поможем! Поможем! - с готовностью закричали ребята.

- Выделите нам луг побольше! Нас много!

- Нас много! Нам побольше! - кричали вместе с ребятами Наташа и Муся.

- После завтрака не придется купаться, пойдем после обеда! условились подруги.

На уборку вышел весь лагерь. Пионеры рассыпались по полю. Одни сгребали граблями сухое сено, другие складывали его в копны. Зазвенели веселые песни. Солнце, остановившись над полем и заглядевшись на ребят, беспощадно пекло их головы и черные от загара спины. Сухие цветы и травы пахли знойным медовым запахом. Одна за другой вырастали на поле туго сложенные копны. Под одной из копен стояло ведро со свежей водой; ребята то и дело подбегали к нему с граблями в руках и, наскоро напившись, снова принимались за дела.

- Вот в такую жару выкупаться здорово! Утром что... Утром не жарко... Самое

удовольствие в жару! - говорила Наташа, подбирая под косынку разлетающиеся волосы и смачивая водой лоб.

- Сейчас, в самую жару, нехорошо даже! Вот кончим, и как раз жара спадет! Тогда искупаемся! - ответила Муся.

До обеда все было убрано. Далеко были видны аккуратные, как шалаши, копны, и низко скошенная трава делала поле колючим и голым. Ребята пошли обедать. Наташа и Муся прятали за столом полотенце и мыло.

- Вот искупаемся так искупаемся!

- Надо успеть, пока ребята укладываются на мертвый час! - шептались девочки.

* * *

Воздух был душный. Ни один листок не шевелился на кустах. Небо потемнело, из-за леса напознала большая синяя туча. Наташа и Муся бежали к реке напрямки, через поле.

- Скорей, скорей! Мы еще успеем до грозы выкупаться!

И вдруг сорвался ветер. Он налетел на сложенные копны, закружился, засвистел и, срывая верхушки сена, как пух, разнес его по полю.

Девочки ахнули и бросились назад, в лагерь.

- Ребята! Ребята! Копны не накрыли! Ветер сено разносит! Вставайте!

Ребята уже ложились спать.

- Вставайте! Вставайте! - разнеслось по лагерю.

Горнист затрубил тревогу. Все бросились в поле. По дороге захватывали ветки, хворост и накрывали копны. Ветер вдруг утих, острая молния пронзила тучу, и дождь потоком хлынул на землю! Это был теплый летний ливень, освежающий душный, застывший воздух.

Истомленные жарким днем и работой на солнцепеке, ребята неожиданно попали под великолепный душ. Наташа и Муся прибежали в лагерь последними. Волосы у них были мокрые, щеки и глаза блестели, сарафаны прилипли к телу.

- Вот искупались так искупались! - кричала Наташа. - Вода чистая, прохладная, мелко-мелко, никак не утонешь!

- Как раз для тех, кто плавать не умеет! - хохоча, вторила ей Муся.

ПАПА-ТРАКТОРИСТ

Витин папа тракторист. Каждый вечер, когда Витя ложится спать, папа собирается в поле.

- Папа, возьми меня с собой! - просит Витя.

- Вырастешь - возьму, - спокойно отвечает папа.

И всю весну, пока папин трактор выезжает на поля, между Витей и папой происходит один и тот же разговор:

- Папа, возьми меня с собой!

- Вырастешь - возьму.

Однажды папа сказал:

- И не надоело тебе, Витя, каждый день просить об одном и том же?

- А тебе, папа, не надоело каждый раз отвечать мне одно и то же? спросил Витя.

- Надоело! - засмеялся папа и взял Витю с собой в поле.

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ, ТОГО НЕЛЬЗЯ

Один раз мама сказала папе:

- Не повышай голос!

И папа сразу заговорил шепотом.

С тех пор Таня никогда не повышает голос; хочется ей иногда покричать, покапризничать, но она изо всех сил сдерживается. Еще бы! Уж если этого нельзя папе, то как же можно Тане?

Нет уж! Чего нельзя, того нельзя!

БАБУШКА И ВНУЧКА

Мама принесла Тане новую книгу.

Мама сказала:

- Когда Таня была маленькой, ей читала бабушка; теперь Таня уже большая, она сама будет читать бабушке эту книгу.

- Садись, бабушка! - сказала Таня. - Я прочитаю тебе один рассказик.

Таня читала, бабушка слушала, а мама хвалила обеих:

- Вот какие умницы вы у меня!

ТРИ СЫНА

Было у матери три сына - три пионера. Прошли годы. Грянула война. Провожала мать на войну трех сыновей - трех бойцов. Один сын бил врага в небе. Другой сын бил врага на земле. Третий сын бил врага в море. Вернулись к матери три героя: летчик, танкист и моряк!

ТАНИНЫ ДОСТИЖЕНИЯ

Каждый вечер папа брал тетрадку, карандаш и подсаживался к Тане и бабушке.

- Ну, какие ваши достижения? - спрашивал он.

Папа объяснил Тане, что достижениями называется все то хорошее и полезное, что сделал за день человек. Танины достижения папа аккуратно записывал в тетрадку.

Однажды он спросил, как обычно держа наготове карандаш:

- Ну, какие ваши достижения?

- Таня мыла посуду и разбила чашку, - сказала бабушка.

- Гм... - сказал отец.

- Папа! - взмолилась Таня. - Чашка была плохая, она сама упала! Не стоит писать о ней в наши достижения! Напиши просто: Таня мыла посуду!

- Хорошо! - засмеялся папа. - Накажем эту чашку, чтобы в следующий раз, при мытье посуды, другая была осторожней!

СТОРОЖ

В детском саду было много игрушек. По рельсам бегали заводные паровозы, в комнате гудели самолеты, в колясках лежали нарядные куклы. Ребята играли все вместе, и всем было весело. Только один мальчик не играл. Он собрал около себя целую кучу игрушек и охранял их от ребят.

- Мое! Мое! - кричал он, закрывая игрушки руками.

Дети не спорили - игрушек хватало на всех.

- Как мы хорошо играем! Как нам весело! - похвалились ребята воспитательнице.

- А мне скучно! - закричал из своего угла мальчик.

- Почему? - удивилась воспитательница. - У тебя так много игрушек!

Но мальчик не мог объяснить, почему ему скучно.

- Да потому, что он не игральщик, а сторож, - объяснили за него дети.

ПУГОВИЦА

У Тани оторвалась пуговица. Таня долго пришивала ее к лифчику.

- А что, бабушка, - спросила она, - все ли мальчики и девочки умеют пришивать свои пуговицы?

- Вот уж не знаю, Танюша; отрывать пуговицы умеют и мальчики и девочки, а пришивать-то все больше достается бабушкам.

- Вот как! - обиженно сказала Таня. - А ты меня заставила, как будто сама не бабушка!

ПЕЧЕНЬЕ

Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка весело зазвенела чашками. Все уселись за стол. Вова придвинул тарелку к себе.

- Дели по одному, - строго сказал Миша.

Мальчики высыпали все печенье на стол и разложили его на две кучки.

- Ровно? - спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки:

- Ровно... Бабушка, налей нам чаю!

Бабушка подала обоим чай. За столом было тихо. Кучки печенья быстро уменьшались.

- Рассыпчатые! Сладкие! - говорил Миша.

- Угу! - отзывался с набитым ртом Вова.

Мама и бабушка молчали. Когда все печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола. Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму - она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку - она жевала корочку черного хлеба...

ОБИДЧИКИ

Толя часто прибежал со двора и жаловался, что ребята его обижают.

- Не жалуйся, - сказала однажды мать, - надо самому лучше относиться к товарищам, тогда и товарищи не будут тебя обижать!

Толя вышел на лестницу. На площадке один из его обидчиков, соседский мальчик Саша, что-то искал.

- Мать дала мне монетку на хлеб, а я потерял ее, - хмуро пояснил он. - Не ходи сюда, а то затопчешь!

Толя вспомнил, что сказала ему утром мама, и нерешительно предложил:

- Давай поищем вместе!

Мальчики стали искать вместе. Саше посчастливилось: под лестницей в самом уголке блеснула серебряная монетка.

- Вот она! - обрадовался Саша. - Испугалась нас и нашлась! Спасибо тебе. Выходи во двор. Ребята не тронут! Я сейчас, только за хлебом сбегая!

Он съехал по перилам вниз. Из темного пролета лестницы весело донеслось:

- Вы-хо-ди!..

НОВАЯ ИГРУШКА

Дядя сел на чемодан и открыл записную книжку.

- Ну, что кому привезти? - спросил он.

Ребята заулыбались, придвинулись ближе.

- Мне куклу!

- А мне автомобильчик!

- А мне подъемный кран!

- А мне... А мне... - Ребята наперебой заказывали, дядя записывал.

Один Витя молча сидел в сторонке и не знал, что попросить... Дома у него весь угол завален игрушками... Там есть и вагоны с паровозом, и автомобили, и подъемные краны... Все-все, о чем просили ребята, уже давно есть у Вити... Ему даже нечего пожелать... А ведь дядя привезет каждому мальчику и каждой девочке новую игрушку, и только ему, Вите, он ничего не привезет...

- Что же ты молчишь, Витюк? - спросил дядя.

Витя горько всхлипнул.

- У меня... все есть... - пояснил он сквозь слезы.

ЛЕКАРСТВО

У маленькой девочки заболела мама. Пришел доктор и видит - одной рукой мама за голову держится, а другой игрушки прибирает. А девочка сидит на своем стульчике и командует:

- Принеси мне кубики!

Подняла мама с пола кубики, сложила их в коробку, подала дочке.

- А куклу? Где моя кукла? - кричит опять девочка.

Посмотрел на это доктор и сказал:

- Пока дочка не научится сама прибирать свои игрушки, мама не выздоровеет!

КТО НАКАЗАЛ ЕГО?

Я обидел товарища. Я толкнул прохожего. Я ударил собаку. Я нагрубил сестре. Все ушли от меня. Я остался один и горько заплакал.

- Кто наказал его? - спросила соседка.

- Он сам наказал себя, - ответила мама.

КАРТИНКИ

У Кати было много переводных картинок. На перемене Нюра под села к Кате и со

вздохом сказала:

- Счастливая ты, Катя, все тебя любят! И в школе и дома...

Катя благодарно взглянула на подругу и смущенно сказала:

- А я бываю очень плохая... Я даже сама это чувствую...

- Ну что ты! Что ты! - замахала руками Нюра. - Ты очень хорошая, ты самая добрая в классе, ты ничего не жалеешь... У другой девочки попроси что-нибудь - она ни за что не даст, а у тебя и просить не надо... Вот, например, переводные картинки...

- Ах, картинки... - протянула Катя, вытащила из парты конверт, отобрала несколько картинок и положила их перед Нюрой. - Так бы сразу и сказала... А зачем было хвалить?..

КТО ХОЗЯИН?

Большую черную собаку звали Жук. Два мальчика, Коля и Ваня, подобрали Жука на улице. У него была перебита нога. Коля и Ваня вместе ухаживали за ним, и, когда Жук выздоровел, каждому из мальчиков захотелось стать его единственным хозяином. Но кто хозяин Жука, они не могли решить, поэтому спор их всегда кончался ссорой.

Однажды они шли лесом. Жук бежал впереди. Мальчики горячо спорили.

- Собака моя, - говорил Коля, - я первый увидел Жука и подобрал его!

- Нет, моя, - сердился Ваня, - я перевязывал ей лапу и таскал для нее вкусные кусочки!

Никто не хотел уступить. Мальчики сильно поссорились.

- Моя! Моя! - кричали оба.

Вдруг из двора лесника выскочили две огромные овчарки. Они бросились на Жука и повалили его на землю. Ваня поспешно вскарабкался на дерево и крикнул товарищу:

- Спасайся!

Но Коля схватил палку и бросился на помощь Жуку. На шум прибежал лесник и отогнал своих овчарок.

- Чья собака? - сердито закричал он.

- Моя, - сказал Коля.

Ваня молчал.

ПРОДЕЛКИ БЕЛКИ

Пошли пионеры в лес по орехи.

Забрались две подружки в густой орешник, нарвали орехов полную корзинку. Идут по лесу, а синие колокольчики кивают им головками.

- Давай повесим корзинку на дерево, а сами колокольчиков нарвем, говорит одна подружка.

- Ладно! - отвечает другая.

Висит корзинка на дереве, а девочки цветы рвут.

Выглянула из дупла белка, заглянула в корзинку с орехами... Вот, думает, удача!

Натакала белка полное дупло орехов. Пришли девочки с цветами, а корзинка-то пустая...

Только на головы скорлупки летят.

Поглядели девочки наверх, а это белка сидит на ветке, распушила свой рыжий хвост и щелкает орехи!

Засмеялись девочки:

- Ах ты лакомка!

Подожли и другие пионеры, посмотрели на белку, посмеялись, поделились с девочками своими орехами и пошли домой.

ЧТО ЛЕГЧЕ?

Пошли три мальчика в лес. В лесу грибы, ягоды, птицы. Загулялись мальчики. Не заметили, как день прошел. Идут домой - боятся:

- Попадет нам дома!

Вот остановились они на дороге и думают, что лучше: соврать или правду сказать?

- Я скажу, - говорит первый, - будто волк на меня напал в лесу. Испугается отец и не будет браниться.

- Я скажу, - говорит второй, - что дедушку встретил. Обрадуется мать и не будет бранить меня.

- А я правду скажу, - говорит третий. - Правду всегда легче сказать, потому что она правда и придумывать ничего не надо.

Вот разошлись они все по домам. Только сказал первый мальчик отцу про волка - глядь: лесной сторож идет.

- Нет, - говорит, - в этих местах волка.

Рассердился отец. За первую вину наказал, а за ложь - вдвое.

Второй мальчик про деда рассказал. А дед тут как тут - в гости идет.

Узнала мать правду. За первую вину наказала, а за ложь - вдвое.

А третий мальчик как пришел, так с порога во всем повинился. Поворчала на него тетка да и простила.

ПОДАРОК

У меня есть знакомые: Миша, Вова и их мама. Когда мама бывает на работе, я захожу поведать мальчиков.

- Здравствуйте! - кричат мне оба. - Что вы нам принесли?

Один раз я сказала:

- Почему вы не спросите, может, я замерзла, устала? Почему вы сразу спрашиваете, что я вам принесла?

- Мне все равно, - сказал Миша, - я буду спрашивать так, как вы хотите.

- Нам все равно, - повторил за братом Вова.

Сегодня они оба встретили меня скороговоркой:

- Здравствуйте. Вы замерзли, устали, а что вы нам принесли?

- Я принесла вам только один подарок.

- Один на троих? - удивился Миша.

- Да. Вы должны сами решить, кому его дать: Мише, маме или Вове.

- Давайте скорей. Я сам решу! - сказал Миша.

Вова, оттопырив нижнюю губу, недоверчиво посмотрел на брата и громко засопел.

Я стала рыться в сумочке. Мальчики нетерпеливо смотрели мне на руки. Наконец я вытащила чистый носовой платок.

- Вот вам подарок.

- Так ведь это... это... носовой платок! - заикаясь, сказал Миша. Кому нужен такой подарок?

- Ну да! Кому он нужен? - повторил за братом Вова.

- Все равно подарок. Вот и решайте, кому его дать.

Миша махнул рукой.

- Кому он нужен? Он никому не нужен! Отдайте его маме!

- Отдайте его маме! - повторил за братом Вова.

ДО ПЕРВОГО ДОЖДЯ

Таня и Маша были очень дружны и всегда ходили в детский сад вместе. То Маша заходила за Таней, то Таня за Машей. Один раз, когда девочки шли по улице, начался сильный дождь. Маша была в плаще, а Таня в одном платье. Девочки побежали.

- Сними свой плащ, мы накроемся вместе! - крикнула на бегу Таня.

- Я не могу, я промокну! - нагнув вниз голову с капюшоном, ответила ей Маша.

В детском саду воспитательница сказала:

- Как странно, у Маши платье сухое, а у тебя, Таня, совершенно мокрое, как же это случилось? Ведь вы же шли вместе?

- У Маши был плащ, а я шла в одном платье, - сказала Таня.

- Так вы могли бы укрыться одним плащом, - сказала воспитательница и, взглянув на Машу, покачала головой.

- Видно, ваша дружба до первого дождя!

Обе девочки покраснели: Маша за себя, а Таня за Машу.

МЕЧТАТЕЛЬ

Юра и Толя шли неподалеку от берега реки.

- Интересно, - сказал Толя, - как это совершаются подвиги? Я все время мечтаю о подвиге!

- А я об этом даже не думаю, - ответил Юра и вдруг остановился...

С реки донеслись отчаянные крики о помощи. Оба мальчика помчались на зов... Юра на ходу сбросил туфли, отшвырнул в сторону книги и, достигнув берега, бросился в воду.

А Толя бегал по берегу и кричал:

- Кто звал? Кто кричал? Кто тонет?

Между тем Юра с трудом втащил на берег плачущего малыша.

- Ах, вот он! Вот кто кричал! - обрадовался Толя. - Живой? Ну и хорошо! А ведь не подоспей мы вовремя, кто знает, что было бы!

ВЕСЕЛАЯ ЕЛКА

Таня и мама украшали елку. На елку пришли гости. Танина подруга принесла скрипку. Пришел брат Тани - ученик ремесленного училища. Пришли два суворовца и Танин дядя.

За столом пустовало одно место: мама ждала сына - моряка.

Все веселились, только мама была грустная.

Раздался звонок, ребята бросились к дверям. В комнату вошел Дед Мороз и стал раздавать подарки. Тане досталась большая кукла. Потом Дед Мороз подошел к маме и снял бороду. Это был ее сын - моряк.

С К А З К И

ЗАЯЧЬЯ ШАПКА

Жил-был заяц. Шерсть пушистая, уши длинные. Заяц как заяц. Да такой хвастунишка, что во всем лесу другого такого не сыскать. Играют зайчишки на поляне, прыгают через пенек.

- Это что! - кричал заяц. - Я могу через сосну перепрыгнуть!

Играют в шишки - кто выше подбросит.

А заяц опять:

- Это что! Я на самую тучу закину!

Смеются над ним зайцы:

- Хвастунишка!

Пришел как-то в лес охотник, убил хвастливого зайца и сделал из его шкурки шапку. Надел сынишка охотника эту шапку и давай ни с того ни с сего перед ребятами похвастаться:

- Я лучше самой учительницы все знаю! Мне любая задача нипочем!

- Хвастунишка! - говорят ему ребята.

Пришел мальчик в школу, снял шапку и сам удивляется:

- С чего это я, право, расхвастался?

А вечером пошел он с ребятами с горки кататься, надел шапку и опять давай хвастать:

- Я сейчас с горки скачусь прямо на тот берег озера!

Перевернулись на горе его санки, слетела с головы мальчика шапка и закатилась в сугроб. Не нашел ее мальчик. Так без шапки и домой вернулся. А шапка осталась лежать в сугробе.

Пошли как-то девочки хворост собирать. Идут, меж собой сговариваются друг от дружки не отставать.

Вдруг видит одна девочка - лежит на снегу белая пушистая шапка.

Подняла она ее, надела на голову да как задерет сверху нос!

- Что мне с вами ходить! Я сама больше вас всех хворосту соберу и скорей дома буду!

- Ну и ступай одна, - говорят подружки. - Экая хвастунишка!

Обиделись и ушли.

- Без вас обойдусь! - кричит им вслед девочка. - Одна целый воз притащу!

Сняла шапку - снег отряхнуть, оглянулась вокруг и ахнула:

- Что я в лесу одна делать буду? Мне и дороги не найти, и хворосту не собрать одной!
Бросила она шапку и пустилась подружек догонять. Осталась заячья шапка под кустом лежать. Да недолго пролежала она там. Кто мимо шел, тот и нашел. Кто увидал, тот и поднял.

Посмотрите вокруг, ребятки, нет ли на ком из вас заячьей шапки?

ДОБРАЯ ХОЗЯЮШКА

Жила-была девочка. И был у нее петушок. Встанет утром петушок, запоет:

- Ку-ка-ре-ку! Доброе утро, хозяйюшка!

Подбежит к девочке, поклоует у нее из рук крошки, сядет с ней рядом на завалинке. Перышки разноцветные словно маслом смазаны, гребешок на солнышке золотом отливают. Хороший был петушок!

Увидала как-то раз девочка у соседки курочку. Понравилась ей курочка. Просит она соседку:

- Отдай мне курочку, а я тебе своего петушка отдам!

Услыхал петушок, свесил на сторону гребень, опустил голову, да делать нечего - сама хозяйка отдает.

Согласилась соседка - дала курочку, взяла петушка.

Стала девочка с курочкой дружить. Пушистая курочка, тепленькая, что ни день - свежее яичко несет.

- Куд-кудах, моя хозяйюшка! Кушай на здоровье яичко!

Съест девочка яичко, возьмет курочку на колени, перышки ей гладит, водичкой поит, пшеном угощает. Только раз приходит в гости соседка с уткой. Понравилась девочке утка. Просит она соседку:

- Отдай мне твою утку - я тебе свою курочку отдам!

Услыхала курочка, опустила перышки, опечалилась, да делать нечего сама хозяйка отдает.

Стала девочка с уткой дружить. Ходят вместе на речку купаться. Девочка плавает - и утка рядышком.

- Тась-тась-тась, моя хозяйюшка! Не плыви далеко - в речке дно глубоко!

Выйдет девочка на бережок - и утка за ней.

Приходит раз сосед. За ошейник щенка ведет. Увидала девочка:

- Ах, какой щенок хорошенький! Дай мне щенка - возьми мою утку!

Услыхала утка, захлопала крыльями, закричала, да делать нечего. Взял ее сосед, сунул под мышку и унес.

Погладила девочка щенка и говорит:

- Был у меня петушок - я за него курочку взяла; была курочка - я ее за утку отдала; теперь утку на щенка променяла!

Услышал это щенок, поджал хвост, спрятался под лавку, а ночью открыл лапой дверь и убежал.

- Не хочу с такой хозяйкой дружить! Не умеет она дружбой дорожить.

Проснулась девочка - никого у нее нет!

БОЛТУШКИ

Три сороки сидели на суку и болтали так, что дуб трещал и отмахивался зелеными ветками от болтушек.

Вдруг из лесу выскочил заяц.

- Подружки-болтушки, придержите язычки. Не говорите охотнику, где я.

Присел заяц за куст. Замолчали сороки.

Вот идет охотник. Невтерпеж первой сороке. Завертелась она, захлопала крыльями.

- Кра-кра-кра! Удобный сучок, да болит язычок!

Посмотрел охотник вверх. Не стерпела и вторая сорока - широко раскрыла клюв:

- Кра-кра-кра! Поговорить!

Оглянулся кругом охотник. Не стерпела и третья сорока:

- Тр-ром! Тр-ром! За кустом!

Выстрелил охотник в кусты.

- Проклятые болтушки! - крикнул заяц и помчался что было духу.

Не догнал его охотник.

А сороки долго удивлялись:

- За что же это нас обругал заяц?

КАКОЙ ДЕНЬ?

Кузнечик вспрыгнул на бугорок, погрел на припеке зеленую спинку и, потирая лапки, затрещал:

- Пр-р-е-е-красный день!

- Отвр-ратительный! - отозвался дождевой червяк, глубже зарываясь в сухую землю.

- Как! - подпрыгнул кузнечик. - На небе ни одного облачка. Солнышко так славно припекает. Каждый скажет: прекрасный день!

- Нет! Дождик да мутные теплые лужи - это прекрасный день.

Но кузнечик не согласился с ним.

- Спросим третьего, - решили они.

В это время муравей тащил на спине сосновую иглу и остановился отдохнуть.

- Скажите, - обратился к нему кузнечик, - какой сегодня день: прекрасный или отвратительный?

Муравей вытер лапкой пот и задумчиво сказал:

- На этот вопрос я отвечу вам после захода солнца.

Кузнечик и червяк удивились:

- Что ж, подождем!

После захода солнца пришли они к большому муравейнику.

- Ну, какой сегодня день, уважаемый муравей?

Муравей показал на глубокие ходы, прорытые в муравейнике, на кучи сосновых иголок, собранных им, и сказал:

- Сегодня чудесный день! Я хорошо поработал и могу спокойно отдохнуть!

КТО ВСЕХ ГЛУПЕЕ?

Жили-были в одном доме мальчик Ваня, девочка Таня, пес Барбос, утка Устинья и цыпленок Боська.

Вот однажды вышли они все во двор и уселись на скамейку: мальчик Ваня, девочка Таня, пес Барбос, утка Устинья и цыпленок Боська.

Посмотрел Ваня направо, посмотрел налево, задрал голову кверху. Скучно! Взял да и дернул за косичку Таню.

Рассердилась Таня, хотела дать Ване сдачи, да видит - мальчик большой и сильный. Ударил ногой Барбоса. Завизжал Барбос, обиделся, оскалил зубы. Хотел укубить ее, да Таня - хозяйка, трогать ее нельзя. Цапнул Барбос утку Устинью за хвост. Всполошилась утка, пригладил свои перышки. Хотела цыпленок Боську клювом ударить, да раздумала.

Вот и спрашивает ее Барбос:

- Что же ты, утка Устинья, Боську не бьешь? Он слабее тебя.

- Я не такая глупая, как ты, - отвечает Барбосу утка.

- Есть глупее меня, - говорит пес и на Таню показывает.

Услыхала Таня.

- И глупее меня есть, - говорит она и на Ваню смотрит. Оглянулся Ваня, а сзади него никого нет.

ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА

Жила-была Машенька-рукодельница, и была у нее волшебная иголочка. Сошьет Маша платье - само себя платье стирает и гладит. Разошьет скатерть пряниками да конфетками, постелит на стол, глядь - и впрямь сладости появляются на столе. Любила Маша свою иголочку, берегла ее пуще глаза и все-таки не уберегла. Пошла как-то в лес по ягоды и потеряла. Искала, искала, все кустики обошла, всю травку обшарила - нет как нет ее

иголочки. Села Машенька под деревом и давай плакать.

Пожалел девочку Ежик, вылез из норки и дал ей свою иголку.

- Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Поблагодарила его Маша, взяла иголочку, а сама подумала: "Не такая моя была". И снова давай плакать. Увидела ее слезы высокая старая Сосна бросила ей свою иголку.

- Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Взяла Машенька, поклонилась Сосне низко и пошла по лесу Идет, слезы утирает, а сама думает: "Не такая эта иголочка, моя лучше была". Вот повстречался ей Шелкопряд, идет - шелк прядет, весь шелковой ниткой обмотался.

- Возьми, Машенька, мой шелковый моточек, может, он тебе пригодится!

Поблагодарила его девочка и стала спрашивать:

- Шелкопряд, Шелкопряд, ты давно в лесу живешь, давно шелк прядешь, золотые нитки делаешь из шелка, не знаешь ли, где моя иголка?

Задумался Шелкопряд, покачал головой.

- Иголка твоя, Машенька, у Бабы-Яги, у Бабы-Яги - костяной ноги. В избушке на курьих ножках. Только нет туда ни пути, ни дорожки. Мудрено достать ее оттуда.

Стала Машенька просить его рассказать, где Баба-Яга - костяная нога живет.

Рассказал ей все Шелкопряд:

- Идти туда надо не за солнцем, а за тучкой,

По крапивке да по колючкам,

По овражкам да по болотцу.

До самого старого колодца.

Там и птицы гнезд не вьют,

Одни жабы да змеи живут,

Да стоит избушка на курьих ножках,

Сама Баба-Яга сидит у окошка,

Вышивает себе ковер-самолет.

Горе тому, кто туда пойдет.

Не ходи, Машенька, забудь свою иголку,

Возьми лучше мой моточек шелку!

Поклонилась Машенька Шелкопряду в пояс, взяла шелку моточек и пошла, а Шелкопряд ей вслед кричит:

- Не ходи, Машенька, не ходи!

У Бабы-Яги избушка на курьих ножках.

На курьих ножках в одно окошко.

Сторожит избушку большая Сова,

Из трубы торчит Совиная голова,

Ночью Баба-Яга твоей иголкой шьет,

Вышивает себе ковер-самолет.

Горе, горе тому, кто туда пойдет!

Страшно Машеньке к Бабе-Яге идти, да жалко ей свою иголочку.

Вот выбрала она в небе темную тучку.

Повела ее тучка

По крапивке да по колючкам

До самого старого колодца,

До зеленого мутного болотца,

Туда, где жабы да змеи живут,

Туда, где птицы свои гнезда не вьют.

Видит Маша избушку на курьих ножках,

Сама Баба-Яга сидит у окошка,

А из трубы торчит Совиная голова...

Увидела Машу страшная Сова да как заохает, закричит на весь лес:

- Ох-хо-хо-хо! Кто здесь? Кто здесь?

Испугалась Маша, подкосились у нее ноги от страха. А Сова глазами ворочает, и глаза у нее как фонари светятся, один желтый, другой зеленый, все кругом от них желто да зелено!

Видит Машенька, некуда деться ей, поклонилась Сове низко и просит:

- Позволь, Совушка, Бабу-Ягу повидать. У меня к ней дело есть!

Засмеялась Сова, заохала, а Баба-Яга ей из окошка кричит:

- Сова моя, Совушка, само жаркое к нам в печку лезет! - И говорит она девочке так ласково:

- Входи, Машенька, входи!!

Я сама тебе все двери открою,

Сама их за тобой и закрою!

Подошла Машенька к избушке и видит: одна дверь железным засовом задвинута, на другой тяжелый замок висит, на третьей литая цепь.

Бросила ей Сова три перышка.

- Открой, - говорит, - двери да входи поскорее!

Взяла Маша одно перышко, приложила к засову - открылась первая дверь, приложила второе перышко к замку - открылась вторая дверь, приложила она третье перышко к литой цепи - упала цепь на пол, открылась перед ней третья дверь! Вошла Маша в избушку и видит: сидит Баба-Яга у окошка, нитки на веретено мотает, а на полу ковер лежит, на нем крылья шелком вышиты и Машина иголочка в недошитое крыло воткнута. Бросилась Маша к иголочке, а Баба-Яга как ударит помелом об пол, как закричит:

- Не трогай мой ковер-самолет! Подмети избу, наколи дров, истопи печку, вот кончу ковер, жарю тебя и съем!

Схватила иголочку Баба-Яга, шьет и приговаривает:

- Девчонка, девчонка, завтра ночью

Ковер дошью да с Совушкой-Совой попирую,

А ты гляди, чтобы избу подмела

И сама бы в печке была!

Молчит Машенька, не откликается,

А ночка черная уже надвигается...

Улетела чуть свет Баба-Яга, а Машенька скорей села ковер дошивать. Шьет она, шьет, головы не поднимает, уж три стебелька осталось ей дошить, как вдруг загудела вся чаша вокруг, затряслась, задрожала избушка, потемнело синее небо - возвратилась Баба-Яга и спрашивает:

- Сова моя, Совушка,

Хорошо ли ты ела и пила?

Вкусная ль девчонка была?

Застонала, заохала Сова:

- Не ела, не пила Совиная голова,

А девчонка твоя живехонька-жива.

Печку не топила, себя не варила.

Ничем меня не кормила.

Вскочила Баба-Яга в избу, а иголочка Машеньке шепчет:

- Вынь иголочку сосновую,

Положи на ковер как новую,

Меня спрячь подальше!

Улетела опять Баба-Яга, Машенька скорей за дело принялась; шьет-вышивает, головы не поднимает, а Сова ей кричит:

- Девчонка, девчонка, почему из трубы дым не поднимается?

Отвечает ей Машенька:

- Сова моя, Совушка, плохо печь разгорается.

А сама дрова кладет, огонь разжигает.

А Сова опять:

- Девчонка, девчонка, кипит ли вода в котле?

А Машенька ей отвечает:

- Не кипит вода в котле.

Стоит котел на столе.

А сама ставит на огонь котел с водой и опять за работу садится. Шьет Машенька, шьет, так и бегают иголочка по ковру, а Сова опять кричит:

- Топи печку, я есть хочу!

Подложила Маша дров, пошел дым к Сове.

- Девчонка, девчонка! - кричит Сова. - Садись в горшок, накройся крышкой и полезай в печь!

А Маша и говорит:

- Я бы рада тебе, Совушка, угодить, да в горшке воды нет!

А сама все шьет да шьет, уж один стебелек ей остался.

Вынула у себя Сова перышко и бросила ей в окошко.

- На, открой дверь, сходи за водой, да смотри мне, коль увижу, что ты бежать собираешься, кликну Бабу-Ягу, она тебя живо догонит!

Открыла Машенька дверь и говорит:

- Сова моя, Совушка, сойди в избу да покажи, как надо в горшок садиться, как крышкой накрыться.

Рассердилась Сова да как прыгнет в трубу и в котел угодила! Задвинула Маша заслонку, а сама села ковер дошивать. Как вдруг задрожала земля, зашумело все вокруг, вырвалась у Маши из рук иголочка:

- Бежим, Машенька, скорей,

Открывай трое дверей,

Бери ковер-самолет,

Беда на нас идет!

Схватила Машенька ковер-самолет, открыла Совиным перышком двери и побежала. Прибежала в лес, села под сосной ковер дошивать. Белеет в руках проворная иголочка, блестит, переливается шелковый моточек ниток, совсем немножко остается дошить Маше.

А Баба-Яга вскочила в избушку, потянула носом воздух и кричит:

- Сова моя, Совушка,

Где ты гуляешь,

Почему меня не встречаешь?

Вытащила она из печки котел, взяла большую ложку, ест и похваливает:

- До чего девчонка вкусна,

До чего похлебка жирна!

Съела она всю похлебку до самого доньшка, глядит - на доньшке Совиные перышки! Глянула на стенку, где ковер висел, а ковра-то и нет! Догадалась она тут, в чем дело, затряслась от злости, схватила себя за седые космы и давай по избе кататься:

- Я тебя, я тебя

За Совушку-Сову

В клочки разорву!

Села она на свое помело и взвилась в воздух; летит, сама себя веником прищипоривает.

А Машенька под Сосной сидит, шьет, торопится, уж последний стежок ей остается. Спрашивает она Сосну высокую:

- Сосна моя милая, далеко ли еще Баба-Яга?

Отвечает ей Сосна:

- Пролетела Баба-Яга зеленые луга,

Помелом взмахнула, на лес повернула...

Еще пуще торопится Машенька, уж совсем немного ей остается, да нечем дошить, кончились у нее нитки шелковые. Заплакала Машенька. Вдруг, откуда ни возьмись, -

Шелкопряд:

- Не плачь, Маша, на тебе шелку,
Вдень мою нитку в иголку!
Взяла Маша нитку и опять шьет.

Вдруг закачались деревья, поднялась дыбом трава, налетела Баба-Яга как вихрь! Да не успела она на землю спуститься, как подставила ей Сосна свои ветки, запуталась она в них и прямо около Маши на землю упала.

А уж Машенька последний стежок дошила и ковер-самолет расстелила, только сесть на него остается.

А Баба-Яга уже с земли поднимается, бросила в нее Маша ежину иголку: прибежал старый Еж, кинулся Бабе-Яге в ноги, колет ее своими иголками, не дает с земли встать. А Машенька тем временем на ковер вскочила, взвился ковер-самолет под самые облака и в одну секунду домчал Машеньку домой.

Стала жить она, поживать, шить-вышивать людям на пользу, себе на радость, а иголочку свою берегла пуще глаза. А Бабу-Ягу затолкали ежи в болото, там она и затонула на веки вечные.

С Т И Х И

УТРО

Солнце - в оконце,
Я - на порог.
Сколько тропинок,
Сколько дорог!
Сколько деревьев,
Сколько кустов,
Пташек, букашек,
Трав и цветов!
Сколько цветущих,
Пышных полей,
Бабочек пестрых,
Мух и шмелей!
Солнце - в оконце,
Я - на порог.
Сколько работы
Для рук и для ног!

ЗАГАДКА

У мамы моей
Пять сыновей.
Начну я считать
И вовсе не пять.
Считайте хоть сами:
Володя, Игнат,
Сережа и Саня
Мой маленький брат.
Четыре? Четыре!
А пятого нет.
Считаю сначала
Все тот же ответ.
Считаю по пальцам
Вперед и назад.
Скажите, ребята,
Где пятый мой брат?

Ведь точно я знаю:

У мамы моей

Пять сыновей.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Расчесала туча бороду,

Ветер вдруг ускорил бег,

И пошел кружить по городу

Первый снег!

Пусть скорей мороз пожалует,

С ним и лыжи, и коньки.

То-то нас зима побалуует

В эти ясные деньки!

ВЕСЕЛЫЕ ДЕНЬКИ

Проснулся я, слышу - залаял Дружок.

Гляжу - на кого он? На первый снежок!

Конечно, он не жил на свете зимой

И с горки еще не катался со мной.

Коньков не видал. Ну и лает, чудак.

А вот посмотрел бы на взрослых собак!

Они так и рвутся на первый снежок...

Бежим-ка и мы поскорее, Дружок!

И если явился со снегом мороз,

Огнем загорится холодный твой нос,

И так тебе весело станет зимой,

Тебя не загонишь, пожалуй, домой.

Ты будешь кругами носиться, скакать

И снег, как метелкой, хвостом разметать.

Прокатишься с горки по гладкому льду,

Потом на каток я тебя поведу.

Веселые скоро наступят деньки!

Эх, жалко - не можешь надеть ты коньки!

МАЛЕНЬКИЙ ЦЫПЛЕНОК НА БОЛЬШОЙ ЗЕМЛЕ

Маленький цыпленок

Вылез из яйца,

Матери не знал он,

Не видал отца.

В крепкую скорлупку

Долго он стучал,

Знал, что надо выйти,

А куда - не знал.

Кто-то взял цыпленка

В теплую ладонь

И кому-то тихо

Прошептал: "Не тронь!"

Подложил под чье-то

Нежное крыло,

И цыпленку стало

Мягко и тепло.

Задремал. Сложились

Крылышки в тепле.

Маленький цыпленок

На большой земле.

БЕДНЫЙ ЕЖИК

Спит медведь. Уснула галка.
Сон сморил лису.
Я не сплю. Мне очень жалко
Ежика в лесу.
Бедный ежик, бедный ежик!
По ночам не спит.
Весь в иголках, лечь не может,
Сядет и сидит!
На бочок приляжет - колко.
Колется спина.
Я б не мог всю ночь под елкой
Просидеть без сна.
Как себя он спать уложит?
Снял бы шкурку прочь.
Бедный ежик, бедный ежик,
Как тебе помочь?

В ГОСТИ К ЯГОДАМ

На березовой полянке
Земляничка расцвела,
Закраснелась, зазелелась,
В гости Груню зазвала:
"Кушай, Груня, земляничку,
Для тебя созрела я.
А поешь - запей водичкой
Из студеного ручья!"
Съела Груня земляничку,
Запила ее водичкой,
Побежала на село.
А наутро все село
В гости к ягодам пришло.

ХОРОШИЙ ГУСЬ

Я поссорился с Митей,
А потом заскучал.
Я сказал ему: "Митя!
Я нарочно кричал.
Я нечаянно, Митя.
Я уже не сержусь.
Но ты тоже ведь, Митя,
Хороший гусь!"

КУРИНЫЙ РАЗГОВОР

Встретила Хохлатка
Петю-Петушка.
Друг дружке поклонились
Два красных гребешка.
И, разгребая лапками
Навозный теплый сор,
Они ведут учтивый
Куриный разговор.
- Ты куд-куда,
Ты куд-куда,
Ты куд-куда идешь?

- Я ко-ко-ко,
Я ко-ко-ко
Шагаю прямо в рожь.

- Ах, куд-куда,
Ах, куд-куда,
Возьми меня туда.

- Но ко-ко-ко,
Но ко-ко-ко
Ведь это далеко.

- Ах, не беда,
Ах, не беда,
Мы после отдохнем.

Так ко-ко-ко
И куд-куда
Пошли гулять вдвоем!

В ЗОЛОТОМ КОЛЕЧКЕ

Наклонилось солнце низко над домами,
Заблестели стекла желтыми огнями.
Наклонилось солнце низко над крылечком.
Посижу на солнце в золотом колечке.
Наклонилось солнце низко над садами,
И запели птицы разными ладами.
Наклонилось солнце над зеленой грушей,
Зажелтела груша - грушу можно кушать.

Сяду на крылечке
В золотом колечке,
Буду грушу кушать,
Буду птичек слушать!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Спи, мой мальчик.
Спи и слушай
Песенку мою.
Вот в саду упала груша.
Баюшки-баю.
Ночью тихою дорожкой
Месяц золотой
В красных шелковых сапожках
Сад обходит твой.
Он в меду купает сливы,
Сушит на ветру.
Ты увидишь, как красиво
Будет поутру.
Как заморских птичек стайки,
Тесно сбившись в ряд,
Чудо-яблочки китайки
Утром заблестят.
Что-то глухо прошуршало,
Это сквозь листву
Сверху яблоко упало
В сонную траву.
Спи, мой мальчик,
Спи и слушай

Песенку мою.
Вот опять упала груша...
Баюшки-баю.
ЕЖИНКА
В глубокой прохладной ложбинке,
Где летняя травка свежа.
Привольно живется Ежинке,
Единственной внучке Ежа.
Весь день она тихо играет,
Шуршит прошлогодним листом,
Еловые шишки бросает
И дремлет в тени под кустом.
Однажды надвинулась тучка,
Стал ветер деревья качать
И Ежик любимую внучку
Заботливо вышел встречать.
И вдруг, запыхавшись, Зайчишка
Бежит, перепуган до слез:
- Скорее! Какой-то мальчишка
Ежинку в корзине унес!
Мелькали березы и елки,
Зеленый кустарник и рожь.
Подняв, как оружие, иголки.
Бежал, оцетинившись. Еж!
В прохладной пыли на дороге
Он след мальчугана искал.
Он по лесу бегал в тревоге
И внучку по имени звал!
Стемнело... И дождик закапал,
Живого следа не найдешь.
Упал под сосной и заплакал
Измученный дедушка Еж!
А дедова внучка сидела
За шкафом, свернувшись клубком.
Она и взглянуть не хотела
На блюдце с парным молоком!
И утром к зеленой ложбинке
Из города дети пришли,
И дедову внучку Ежинку
В корзинке назад принесли.
Пустили на мягкую травку:
- Дорогу домой ты найдешь?
- Найдет! - закричал из канавки
Взволнованным голосом Еж.
ТИЛИ-БОМ!
(Песенка)
Мне "снегурки"-коньки подарили,
Я от радости громко запел:
"Тили-бом! Тили-бом, тили-тили!
Я таких никогда не имел!"
Мои песни весь дом оглушили,
И родителям я надоел!

- Замолчи!

"Тили-бом, тили-тили..."

Я таких никогда не имел!"

Мне сказали, чтоб пел я не дома,

И послали меня на каток.

Там один пионер незнакомый

Мне и петь и кататься помог!

Тили-бом, тили-бом, тили-тили!

Мы неслись по дорожке вдвоем!

Тили-бом, тили-бом - мы решили,

Что и завтра кататься придем!

ОЗОРНОЙ ДОЖДИК

Этот дождик озорной

Всюду бегаёт за мной

И сегодня и вчера...

Что за глупая игра!

Я в калитку - он идет!

Я домой - у двери ждет.

Каплей тихо у крыльца

Кап-кап-кап! И нет конца!

Утром в школу я бежал

Он до школы провожал.

Вышел я, иду домой...

Вот так так - и он со мной!

И решил я быть хорошим.

Плащ надел, надел калоши.

Я до вечера ходил,

За собой его водил,

Так водил, что он устал

Отказался! Перестал!

ДВА КОНЯ

Мама, ноги у меня

Все равно что два коня!

Я их утром запрягаю,

Я сапожки обуваю,

Зашнурую, запрягу,

И бегу, бегу, бегу!

По дорожке скачут ножки,

Где вприпрыжку, где в галоп,

Звонко стучают сапожки.

Кони - рысью! Кони - гоп!

По камням и по пескам,

Через речку по мосткам,

По полям и по лугам...

Как я рад своим ногам!

ГОСТЬЯ

В детский сад пришла чужая кошка,

В сильный дождь откуда-то пришла,

Постучалась лапкою в окошко,

На карниз уселась и ждала.

По стеклу сбегали быстро капли

На худое кошкино лицо,

Лапки серые в воде обмякли...
Мы открыли двери на крыльцо.
Все гурьбой мы бросились к окошку
Сыпал дождь на головы с берез!
Первый я схватил чужую кошку,
Поднял вверх и в комнату принес.
Мы налили в блюдечко какао,
Накрошили сладкий пирожок...
Гостя выпила, сказала: "Мяу!"
По-кошачьи значит: "Хорошо!"

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДОМ
Удивительный наш дом,
Чудеса творятся в нем:
К нам шутник какой-то влез,
Зонтик дедушкин исчез.
В теплом мамином халате
Спали куклы на кровати,
Крепко спали - не слышали,
Как халат тихонько сняли.
Положили на порог
Коврик маленький для ног,
А приходим со двора
На пороге нет ковра!
Не ложится в спальне Катя:
Вдруг исчезнут все кровати?
Мама спрашивает строго,
Отчего хрустит дорога
Из буфета до порога.
Постучит сирень в окошко
Катя смотрит в темный сад.
Прыгнет кошка, звякнет ложка,
"Кто там? Кто там?" - все кричат.
Петя сделал два засова:
Напугали и его.
Только самый младший, Вова,
Не боится никого.
Он шагает спозаранок
По двору, как петушок.
У него хрустит в карманах
Сладкий сахарный песок.
У забора за сараем
Есть веселая семья.
Вову любят, Вову знают,
Вову ждут его друзья.
Из халата лезет вата,
Зонт раскинулся шатром,
Тихо возятся щенята
В теплой ямке под зонтом.

КУДЛАТКА
Я до вечера гуляла,
Но Кудлатки не видала.
Не пришла гулять Кудлатка,

Не носила мне лопатку,
Не встречала звонким лаем.
Где она - не понимаю!
Утром я пораньше встала,
Прямо к будке побежала,
В будке тоже нет Кудлатки,
Но зато... лежат щенятки!
Да какие!.. меховые!
Настоящие! Живые!
Друг на дружку лезут в кучу,
И один другого лучше.
Я их сразу полюбила,
Теплым шарфиком прикрыла,
Имена им надавала...
Вдруг Кудлатка прибежала!
Поворчала, а потом
Помахала мне хвостом,
Языком щеку лизнула
И во весь свой рот зевнула.
- Спи, - сказала я Кудлатке.
Спит она. И спят щенятки.
Я на корточках сижу,
Крепкий сон их сторожу!
СТРОИТЕЛЯМ
Льет осенний дождик,
Впереди зима.
Слава тем, кто строит
Теплые дома!
Кто свой труд тяжелый
Отдает стране,
Кто построил школу
И тебе и мне!
ВАЖНЫЕ КОРОВЫ
На лугу колхозном
За густой дубровой
Медленно шагают
Важные коровы.
Медленно шагают,
Медленно жуют,
В полдень лягут в травы
И доярок ждут.
Потечет в подойник
Молоко густое,
Повернет корова голову свою
И как будто спросит:
"Много ли? Какое?"
Пусть ребята знают, что я им даю!"
ВЕСЕННИЙ ДОЖДИК
Дождевые лужицы
На земле.
Вьются капли весело
На стекле,

По крылечку прыгают,
Как горох.
Спать ложатся капельки
В теплый мох.
Дождевые лужицы
На земле.
Голубые бусинки
На стебле,
Тучки темно-синие
В небесах,
Птичек потревоженных
Голоса..
Дождики, пролитые
На поля,
Ваши капли чистые
Пьет земля,
Пьет и поит зернышки,
Словно мать,
Чтобы людям хлебушка
Больше дать.
КОММЕНТАРИИ
РАССКАЗЫ

Быть может, кому-то из тех, кто держит в руках эту книгу, еще не довелось узнать удивительную историю о некоем таинственном слове, открывающем путь к человеческим сердцам. Тогда попробуйте обратиться к родителям. Скорее всего, они охотно вспомнят и перескажут знакомый им с детства рассказ В. А. Осеевой "Волшебное слово" (впервые появившийся в журнале "Мурзилка" № 10 - 11 в 1944 году).

И тут следует, очевидно, напомнить, что автор многих любимых вами с детства рассказов и популярнейших повестей о Ваське Трубачеве и Динке одно и то же лицо - В. А. Осеева.

Первым, принесшим ей известность, был рассказ "Бабка", опубликованный в июльско-августовском номере журнала "Дружные ребята" за 1939 год. А в конце того же 1939 года рассказ бы издан в литературном сборнике "Снежки" (М. - Л., Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939).

Казалось бы, ничем не примечательная житейская история о душевной черствости мальчика по отношению к собственной бабушке приобретает под пером В. А. Осеевой не только философский смысл, но будоражит, будит сердце читающего подростка. Вызванное смертью "бабки" сердечное прозрение героя повести позволяет ему (а заодно и читателю) сделать неизбежный нравственный вывод.

Рассказ "Бабка" неизменно включался писательницей во многие сборники. Он выходил не только в Детгизе ("Детская литература"), но и в издательствах союзных республик.

В предисловии к последнему прижизненному сборнику рассказов ("Отцовская куртка") в 1969 году В. А. Осеева писала: "Рассказы... написаны мной в разное время, одни раньше, другие позже, но в каждом из них есть живые герои, взятые мной прямо из жизни. Я не знаю, где они сейчас, но вижу их так ясно, будто расстались мы только вчера. Так вижу я Леню Чистякова, большака из "Отцовской куртки". В его шумной многодетной семье, в затерянном среди гор селе Байки, я жила во время войны. Говорят: "Чтобы человека узнать, надо съесть с ним пуд соли". Мы с Леной Чистяковым и с его славной матерью Оней ели не соль, а гороховую похлебку, и садилось нас за стол десять человек, мал мала меньше. Ели со слезами, а закусывали смехом. А когда я болела, бегал Ленька со своим братишкой на гору искать в непроходимых лесах таинственный корень "жив-травы". Вернулись они исцарапанные колючими ветками, но волшебный корень достали, собирали в пути и

голубику. И уж не знаю, то ли от корня, то ли от голубики, а может, просто от трогательного мальчишеского сочувствия, только я скоро выздоровела. Много лет спустя на вышедший впервые рассказ "Отцовская куртка" радостно откликнулся молодой солдат Леонид Чистяков".

В 1943 году в августовско-сентябрьском номере журнала "Мурзилка" появляются два коротких рассказа-притчи В. А. Осеевой "Синие листья" и "Время", где в незатейливых, "обыкновенных" играх детей, их разговорах и поступках проявляются детские характеры, возникают картины серьезной "взрослой" жизни. Скупое, порой несколькими фразами создает писательница сцены, где рельефно показывает детям их самих в отношениях с родителями, друг с другом, с незнакомыми людьми, позволяет увидеть себя со стороны, извлечь необходимые нравственные уроки.

Так писать для детей В. А. Осеева училась у великих предшественников - Л. Н. Толстого и К. Ф. Ушинского.

Упомянутый рассказ "Синие листья" становится одним из наиболее известных, много раз переиздается, его название автор дает одному из лучших своих сборников.

В 1944 году, кроме "Волшебного слова", публикуется еще один рассказ писательницы - "Новички" (в № 8 - 9 журнала "Пионер").

Заметим, что многие хорошо знакомые ныне и взрослым, и детям рассказы В. А. Осеевой впервые увидели свет в известных детских журналах. Так, короткий рассказ-притча "Отомстила" был опубликован в журнале "Пионер" № 6 за 1945 год, "Памятное слово" - в журнале "Пионер" № 6 за 1945 год, "Три сороки" - в журнале "Мурзилка" № 8 - 9 за 1946 год, "Маленькое ведерко" в журнале "Мурзилка" № 12 за 1946 год (в сборнике "Все вместе" ("Советская Россия", 1979) этот рассказ назван "Разделите так, как делили работу"), "Вешняки" - в журнале "Дружные ребята" № 10 за 1948 год (во всех последующих изданиях называется "Звено Кости Вешняка"), "Вишенка" - в журнале "Мурзилка" № 8 за 1949 год, "Простое дело" - в журнале "Мурзилка" № 4 за 1950 год, "Выходной день Вольки" - в журнале "Мурзилка" № 7 за 1950 год, "Именем героя" - в журнале "Затейник" № 11 за 1950 год.

Особой добротой и сердечностью согреты у В. А. Осеевой произведения из жизни подростков военной и ранней послевоенной поры, где открывается их удивительная душевная красота. Это и двенадцатилетний мальчуган в одежде ремесленника, мечтающий заменить ушедшего на фронт старшего брата ("Андрейка"), и обретший вторую семью сирота Кочерыжка, найденный солдатом Василием Вороновым на поле боя ("Кочерыжка"), и второклассница Таня, почтительно именуемая окружающими Татьяной Петровной ("Татьяна Петровна").

"Ничто выдуманное, "высосанное из пальца", не живет, - писала В. А. Осеева. - Герои мертвы; они смотрят со страниц как разодетые манекены. Напрасно, пытаюсь их оживить, писатель придумывает для этих образов "украшательные" детали, а они еще упорней мстят ему своим мертвым равнодушием... Я смотрю на свои пальцы, с которых еще не смылись синие пятна чернил, я сижу тихая и виноватая, как бабка, не выучившая урока. В букве "ш" у нее было четыре палочки.

"Не научилась..." - подумал о ней Борька.

И мне хочется сказать словами бабки:

"Вот так-то, родные мои... Не просто, не просто писать рассказы".

СКАЗКИ

В. А. Осееву отличала редкая способность видеть в обыкновенном, обыденном - необыкновенное. Отсюда ее неувядающее тяготение к волшебному, сказочному, элементы которого можно встретить и в ее прозе, и в стихотворениях.

А вот собственно сказок писательница создала не так уж много. Одна из них - "Какой день" - впервые была опубликована в журнале "Мурзилка" № 4 за 1944 год, две другие - "Заячья шапка" и "Добрая хозяйюшка" появились в 1947 году в сборнике "Добрая хозяйюшка" (М. - Л., Детгиз, 1947), "Ежинка" напечатана в одноименном сборнике "Ежинка" (М. - Л.,

Детгиз, 1951), сказка "Кто сильнее?" впервые увидела свет в журнале "Дружные ребята" No 1 за 1952 год, а "Волшебная иголочка" публиковалась в сборнике "Синие листья" (М., "Детская литература", 1965).

В каждой из них изображенные писательницей люди, животные, силы природы существуют и действуют по тем же законам добра, взаимопомощи, совместного противостояния злу, обману, коварству, как и во всем творчестве В. А. Осеевой.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Первые публикации стихотворений В. А. Осеевой относятся к 1939 году, когда в сборнике "Снежки" вместе с рассказом "Бабка" появились три поэтических произведения писательницы: "Бить нехорошо", "Ручей", "Удивительный дом". В том же 1939 году в No 7 журнала "Мурзилка" было напечатано еще одно стихотворение - "Ноги".

Поэзия никогда не была чужда писательнице. И время от времени "выплескивалась" в очередной группе стихотворений. Так, в начале пятидесятых годов выходят в свет два сборника произведений В. А. Осеевой, где нашли себе место ее новые стихотворения "Ежинка" (М. - Л., Детгиз, 1951) и "Сосчитай-ка!" (М. - Л., Детгиз, 1952).

Душу ребенка, на каждом шагу открывающего для себя огромный мир, переполняют изумление и радость. Эти чувства обретают живое воплощение в легких и светлых стихотворениях писательницы "Маленький цыпленок на большой земле", "Бедный ежик", "Весенний дождик", "В гости к ягодам", "Хороший гусь", "Куриный разговор", "Колыбельная песенка", вошедших в сборник "Синие листья" (М., "Детская литература", 1965).

З. К о р о з а